

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2 (132)

Киров
2019

Главный редактор

Н. А. Низовских, д-р психол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Заместители главного редактора

О. А. Останина, д-р филос. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

О. В. Коршунова, д-р пед. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2693-0305

Ответственный секретарь

Е. В. Динер, д-р пед. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Редакционный совет

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., председатель редакционного совета, президент ВятГУ (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-2706-3904;

И. А. Баева, д-р психол. наук, проф., РГПУ им. А. И. Герцена, академик РАО (г. Санкт-Петербург);

И. Р. Гафуров, канд. физ.-мат. наук, д-р экон. наук, проф., академик РАО (г. Казань);

Ю. П. Зинченко, д-р психол. наук, проф., академик, президент РАО (г. Москва);

В. В. Лаптев, канд. физ.-мат. наук, д-р пед. наук, академик, вице-президент РАО (г. Санкт-Петербург);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО (г. Москва);

А. В. Смирнов, д-р филос. наук, проф., академик РАН (г. Москва);

А. П. Тряпицына, д-р пед. наук, проф., академик РАО (г. Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Е. О. Галицких, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров);

А. М. Дорожкин, д-р филос. наук, проф., ННГУ им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);

Р. В. Ершова, д-р психол. наук, проф., ГСГУ (г. Коломна), ORCID: 0000-0002-5054-1177;

С. И. Калинин, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

В. А. Кутырев, д-р филос. наук, проф., ННГУ им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);

В. Г. Маралов, д-р психол. наук, проф., ЧГУ (г. Череповец), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

Л. А. Мосунова, д-р психол. наук, проф., ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, д-р филос. наук, проф. (г. Киров);

С. М. Окулов, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., МГУ (г. Москва);

В. Б. Помелов, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

Л. Т. Ретюнских, д-р филос. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Н. Л. Росина, д-р психол. наук, проф., МГЭУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

Е. Е. Сапогова, д-р психол. наук, проф., МПГУ (г. Москва), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Ю. А. Сауров, д-р пед. наук, проф., чл.-корр. РАО, ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

Г. И. Симонова, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров);

Е. А. Счастливецва, д-р филос. наук, доц., ВятГУ (г. Киров);

Е. А. Ходырева, д-р пед. наук, проф., Университет Иннополис (г. Казань);

Е. С. Черепанова, д-р филос. наук, проф., УрФУ (г. Екатеринбург);

М. А. Щукина, д-р психол. наук, СПбГИПСР (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0002-0834-3548;

Р. Jelescu, д-р хабилизат психологии, проф., Государственный педагогический университет им. Иона Крянгэ (Молдова, г. Кишинев);

Е. Protassova, д-р пед. наук, профессор-адъюнкт, Хельсинкский университет (Финляндия, г. Хельсинки), ORCID: 0000-0002-8271-4909;

А. Prusak, PhD, Академический образовательный колледж Ораним (Израиль, г. Хайфа)

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала – ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,

тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых сте-
пеней доктора и кандидата наук*

**HERALD
OF VYATKA STATE
UNIVERSITY**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 2 (132)

Kirov
2019

Chief editor

N. A. Nizovskikh, Dr. of psychol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Deputy editors

O. A. Ostanina, Dr. of philos. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

O. V. Korshunova, Dr. of ped. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2693-0305

Executive Secretary

E. V. Diner, Dr. of ped. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Editorial council

V. T. Yungblud, Dr. hist. sciences, prof., chairman of editorial council, president of Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904;

I. A. Baeva, Dr. of psychol. sciences, prof., Herzen State Pedagogical University n.a. A. I. Herzen, academician of the RAE
(St. Petersburg);

I. R. Gafurov, PhD of physical and mathematical sciences, Dr. of economical sciences, prof., academician of RAE;

Yu. P. Zinchenko, Dr. of psychol. sciences, prof., academician, president of the RAE (Moscow);

V. V. Laptev, PhD of physical and mathematical sciences, Dr. of ped. sciences, academician, vice-president of the RAE;

A.V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corresponding member of the RAE;

A. V. Smirnov, Dr. of philos. sciences, professor, academician of the RAS;

A. P. Tryapitsina, Dr. of ped. sciences, professor, academician of the RAE

Editorial board members

E. O. Galitskykh, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

A. M. Dorozhkin, Dr. of philos. sciences, prof., Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod);

R. V. Ershova, Dr. of psychol. sciences, prof., State Social University of Humanities (Kolomna), ORCID: 0000-0002-5054-1177;

S. I. Kalinin, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

V. A. Kuttyrev, Dr. of philos. sciences, prof., Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod);

V. G. Maralov, Dr. of psychol. sciences, prof., Cherepovets State University (Cherepovets), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

L. A. Mosunova, Dr. of psychol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

M. I. Nenashev, Dr. of philos. sciences, prof. (Kirov);

S. M. Okulov, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

V. B. Pomelov, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

L. T. Retyunskikh, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

N. L. Rosina, Dr. of psychol. sciences, associated prof., MHEU (Kirov), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

E. E. Sapogova, Dr. of psychol. sciences, prof., Moscow State Pedagogical University (Moscow), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Y. A. Saurov, Dr. of ped. sciences, prof., corresponding member of Russian Academy of Education, Vyatka State University
(Kirov), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

G. I. Simonova, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

E. A. Schastlivtseva, Dr. of philos. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

E. A. Khodyreva, Dr. of ped. sciences, prof., Innopolis University (Kazan);

E. S. Cherepanova, Dr. of philos. sciences, prof., Ural Federal University (Ekaterinburg)

M. A. Shchukina, Dr. of psychol. sciences, associated prof., St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work
(St. Petersburg);

P. Jelescu, Dr. of habilitat psychology, prof., State Pedagogical University n.a. Ion Creanga (Moldova, Chisinau)

E. Protassova, Dr. of ped. sciences, associate prof., University of Helsinki (Finland, Helsinki), ORCID: 0000-0002-8271-4909;

A. Prusak, PhD, Academic Educational College Oranim (Israel, Haifa)

**Scientific journal «Herald of Vyatka State University» as a mass media registered with Roskomnadzor
(Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-67510 of October 18, 2016)**

Founder of the journal – Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Address publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals,
in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Демиденко Э. С., Дергачева Е. А.</i> Биотический круговорот веществ на земле и его социально-техногенная трансформация: научно-философский анализ	7
<i>Жолобова Ю. В., Счастливецва Е. А.</i> Философское содержание трансгуманизма в контексте кризисности человеческой природы.....	14
<i>Зубков С. А.</i> Экостратегии конструирования человека.....	23
<i>Корякина А. П.</i> Проблема взаимосвязи феномена симуляции бытия и концепций исключения антропоморфности пола	29
<i>Прохоров М. М.</i> Русский космизм и марксизм: компаративистский анализ философских оснований	36
<i>Павлов А. П., Павлов П. А.</i> Судьба этосов в условиях модернизации российского общества.....	44
<i>Мякинников С. П.</i> К определению понятия «единое целое»: позиция постхолизма	50
<i>Тиховодова А. В.</i> Функции институтов глобального гражданского общества	63

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Коршунова О. В.</i> Основные тенденции развития современной дидактики	70
<i>Маслова А. Г., Поляков О. Ю., Полякова О. А.</i> Литературный квест как интерактивная образовательная технология и форма профориентационной деятельности	81

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В.</i> Кризис идентичности молодежи и становление гражданина.....	91
<i>Перикова Е. И., Бызова В. М., Ловягина А. Е.</i> Психическая саморегуляция студентов в трудных жизненных ситуациях	99
<i>Суворова Н. А.</i> Особенности эго-идентичности у лиц, зависимых от психоактивных веществ.....	107
<i>Petru Jelescu, Толоченко Диана.</i> Психолого-педагогические и методические основы формирования утверждения и отрицания у детей раннего возраста: история и современное состояние проблемы	116

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Помелов В. Б.</i> История кафедры педагогики Вятского государственного университета.....	125
<i>Сауров Ю. А.</i> «География – моя профессия...» (К юбилею А. М. Прокашева).....	139
РЕТРАГИРОВАНИЕ.....	141

CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Demidenko E. S., Dergacheva E. A.</i> Biotic cycle of substances on the earth and its social and technogenic transformation: scientific and philosophical analysis.....	7
<i>Zholobova Yu. V., Schastlivceva E. A.</i> Philosophical content of transhumanism in the context of the crisis of human nature	14
<i>Zubkov S. A.</i> Environmental strategy of the design of human	23
<i>Koryakina A. P.</i> The problem of the relationship between the phenomenon of simulation of life and the concepts of exclusion of anthropomorphism of sex.....	29
<i>Prokhorov M. M.</i> Russian cosmism and marxism: a comparative analysis of philosophical foundations	36
<i>Pavlov A. P., Pavlov P. A.</i> The fate of ethos in the modernization of russian society	44
<i>Myakinnikov S. P.</i> To the definition of a "single whole": the position of postholism	50
<i>Tikhovodova A. V.</i> Functions of global civil society institutions	63

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Korshunova O. V.</i> The main trends in the development of modern didactics.....	70
<i>Maslova A. G., Polyakov O. Yu., Polyakova O. A.</i> Literary quest as an interactive educational technology and a form of career-oriented activities.....	81

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

<i>Koryakovceva O. A., Bugaichuk T. V.</i> The identity crisis of youth and the formation of a citizen.....	91
<i>Perikova E. I., Byzova V. M., Lovyagina A. E.</i> Mental self-regulation of students in difficult situations	99
<i>Suvorova N. A.</i> Features of ego-identity in persons addicted to psychoactive substances	107
<i>Petru Jelescu, Tolochenko Diana.</i> Psychological-pedagogical and methodical bases of formation of the affirmation and denial at children of early age: history and current state of the problem.....	116

SCIENTIFIC LIFE

<i>Pomelov V. B.</i> History of the Department of pedagogy in Vyatka State University	125
<i>Saurov Yu. A.</i> "Geography is my profession..." (To the anniversary of A. M. Prokashev)	139
RETRACTION.....	141

Биотический круговорот веществ на земле и его социально-техногенная трансформация: научно-философский анализ

Э. С. Демиденко¹, Е. А. Дергачева²

¹доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Брянский государственный технический университет. Россия, г. Брянск. E-mail: demidenkoes@mail.ru

²доктор философских наук, профессор РАН, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Брянский государственный технический университет. ResearcherID: U-4121-2018; ORCID: 0000-0003-4562-2914. E-mail: eadergacheva2013@yandex.ru

Аннотация. Проанализировано, как под воздействием социально-техногенного развития мира происходит трансформация одной из основ биосферы – биогеообменных явлений и процессов, наряду с почвенным покровом, живым веществом планеты и формируемой им средой обитания. Активное и нарастающее техногенное влияние социума на биосферную природу начинается со становления производительной экономики, массово формирующей неживой искусственный мир – техносферу. На статистическом материале анализируется негативное воздействие техногенного социума на составные части проходящего естественного круговорота биогенных веществ, а также потери обменных процессов в почвах с уничтожением почвенного покрова планеты, огромных пространств биосферных лесов и трав, социализации важнейших частей естественного круговорота с заменой его антропо-техногенным круговоротом. Это сопровождается переводом людей и окультуренных живых организмов в техносферные условия жизнедеятельности городов, где уже развиваются патологические, генетические и другие болезни человеческого организма, а также и социализированных животных. Сделан вывод о том, что в результате технократического развития поверхности суши Земли идет становление антропо-техногенного круговорота веществ как важной части смены эволюции жизни – от биосферно-биологической к социотехнобиологической, или постбиосферной. А следовательно, для сохранения биосферной жизни необходимо разумное восстановление многих порушенных ее основ, включая и биотический круговорот, объединение народов мира под эгидой ООН для совместного решения этой глобальной проблемы.

Ключевые слова: общество, техносфера, биосфера, социализация круговорота, смена эволюции жизни.

Введение. Как известно, на Земле существует два больших круговорота веществ: геологический и биотический (биосферный, биологический). Их обеспечивает энергия Солнца. На геологический оборот расходуется половина поступающей энергии, исторически перестраивающей геологические слои поверхности планеты, в нем участвуют все химические элементы. На биотический расходуется всего лишь 1% энергии, за счет которой существуют и развиваются все живые биосферные организмы, в нем участвуют биогенные элементы. Он представляет собой круговую циркуляцию веществ между почвой, растениями, животными и микроорганизмами. Этот круговорот является непременным условием существования биосферы, а существенные нарушения функционирования естественного круговорота веществ и энергии могут обернуться гибелью биосферной жизни. Малый круговорот происходит на уровне экосистемы, в результате чего питательные вещества, вода и углерод аккумулируются в веществе растений, а далее расходуются как на построение тела самих растений, так и животных, поедающих их. Продукты распада органического вещества под воздействием деструкторов и микроорганизмов (бактерии, грибы, черви) вновь разлагаются до минеральных компонентов и растениями вовлекаются в обменные потоки живого вещества. Это небольшое пояснение мы даем, поскольку далеко не все читатели имеют представление, о чем пойдет речь далее. На самом же деле этот естественный круговорот сейчас нарушается человеком, представляя опасность для сложившейся на Земле жизни почти за 4 млрд лет.

Цель исследования. Именно заявленные вопросы поднимаются авторами, чтобы проанализировать и вскрыть возникшие опасности в поддержании биосферной жизни на Земле в связи с серьезными нарушениями в биотическом круговороте веществ. Некоторые из нарушений находятся на поверхности, но ученые и специалисты не придают им значения, другие пока скрыты из-за недооценки роли самого биотического круговорота биологами, экологами, почвоведом, специалистами других наук о биосферной жизни, включая прежде всего специалистов ООН и подведомственным им организаций. Вскрытие серьезных просчетов даст нам всем материалы для дополнительных углубленных исследований многими науками, разработки предложений и принятия обоснованных решений как для определения безопасного социально-экономического развития России, так и земного мира.

Методология исследования. В философии и науке стали использоваться новые методологические подходы к изучению тех или иных природных явлений, которые органически связаны с техногенным общественным развитием. Техногенное общество не ограничивается совокупными взаимодействиями составных частей и процессов, а его техногенное воздействие распространяется и на биосферную природу. Последняя, негативно трансформируясь, производит существенные изменения и в человеке. Вот почему мы придаем особое значение **системному социоприродному подходу**, идеи его восходят к трудам патриархов ноосферы, и прежде всего В. И. Вернадского. Речь идет у них о формировании гуманных отношений человечества и биосферы, приводящих к новому земному миру. Общество и биосферная природа должны все более и более развиваться как взаимодействующие и интегрирующиеся системы, меняющие все бывшие параметры в историческом их взаимодействии. Человечество порождено биосферой, сформировалось в ней в общественные системы, развилось и окрепло за счет науки и новых производительных сил, превратившись в ее сверхактивную подсистему. Сейчас оно само трансформирует биосферу, исходя из непродуманных, нерациональных потребностей и вводя в мир не только новые окультуренные организмы, но и синтезированные химические элементы. П. Тейяр де Шарден вслед за В. И. Вернадским [2, с. 215–216] говорит о новой реальности в социоприродных процессах, когда «вторжение нового вида животного... постепенно подчиняет себе все другие формы жизни», призывая биологов вслед за социологами заняться этой проблемой [16, с. 182]. Следовательно, изучая воздействие человечества на биосферную природу и критически оценивая его, мы можем делать определенные выводы о будущем живой природы. К сожалению, ни биологи с экологами, ни социологи и другие глубоко не вникают в сущность формирования нового, по своей сути, интегрированного мира – социотехноприродного, не замечают, как техногенный социум варварски уничтожает биосферную жизнь [6], создавая взамен векового **естественного биотического круговорота веществ** круговорот **антропогенно-техногенный**.

Результаты исследования и их обсуждение. Биологи и экологи до сих пор преподносят в учебниках и лекциях биотический круговорот веществ таким, каким он был еще тысячелетия назад, задолго до появления земледелия как первого этапа производящей экономики на Земле, то есть 10–12 тысяч лет назад. Именно с переходом к земледелию человечество покончило с собирательным образом жизни, при котором, как и все животные, питалось плодами биосферы. Поскольку существенно сократилась база питания за счет уничтожения человеком крупных животных, то оно вынуждено было искать новую нишу жизни, в результате чего и перешло к оседлости, окультуриванию почв, растений и животных. Развитие в земледелии ремесла постепенно привело и к формированию промышленного развития, его отрыву от села. Человечество вступило же в период промышленной революции на Западе более двух столетий назад, создавая новый, **постземледельческий этап развития социобиосферной жизни** – органически взаимосвязанной общественно-техногенной и биосферно-техногенной. Один из авторов (Э. Демиденко) еще в 1993 г. на XIX Всемирном философском конгрессе призывал в докладе в связи с начавшимися серьезными техногенными изменениями в обществе, биосфере и человеке направить энергию людей на сохранение биосферной жизни и биосферного человека [4]. Получая высокие доходы от промышленности и ориентируясь на краткосрочный характер развития общества и природы [7], люди стали забывать о ценности почвы, покидая ее.

Видный брянский почвовед Г. Т. Воробьев, опираясь на учение В. В. Докучаева и других мыслителей, говорит не только о биосферном, но и почвенном мировоззрении, справедливо полагая, что одной из фундаментальных основ биосферы является почвенный покров, который давно разрушили на Западе и начали то же самое делать в России. «Почвенный покров

выступает носителем и хранителем Жизни, является передающим звеном, скрепляющем прошедшую жизнь с будущей... Важнейшее свойство почвенного покрова – быть нужным, без него функционирование биосферы прекращается» [3]. Как мы видим, ликвидация почвенного покрова (а его в западноевропейских и американских странах осталось мало, особенно в аграрном секторе) ведет к сокращению и биотического круговорота, а с ним – биосферы как фундаментальной ценности для Живой Земли и человека.

Как мы видим, **первый глобальный процесс окультуривания, или социализации, естественного круговорота** стал активно развиваться с переходом человечества к производящей экономике. Человечество начало и продолжает окультуривать биосферные растения преимущественно как однолетние для расширения продуктов питания, не замечая пагубности формирования таких технологий. Это происходит в силу незнания сути как биосферной жизни в целом, так и почвенной в частности. При многократной ежегодной обработке почв разрушается складывающаяся веками «кожа» почвенного покрова – дерн, а открытая почва эродирована. В результате этого биогенное вещество (гумус), накапливавшееся сотни миллионов лет, выносятся из почв и сносятся в реки, уходя в моря и океаны. С переходом человечества к земледелию развивающимся населением планеты было израсходовано к концу XX в. (за 10 тыс. лет) 2 млрд га плодородных земель, утрата около половины из них – результат последних веков техногенно-городского развития. На Земле эксплуатируется в сельском хозяйстве 1,5 млрд га полуразрушенных почв [15, с. 339], которых хватит для традиционного земледелия на 1,5-2,0 столетия при их тщательном сохранении. Более того, полноценные почвы занимают посевы под рапс, подсолнухи и другие культуры, чтобы получить из них не продукты питания высокого качества, а экобиотопливо для состоятельных людей. На Земле еще в запасе находится примерно один миллиард неразработанных почв, однако, как отмечает профессор МГУ А. С. Яковлев, их хватит всего на 30-40 лет [20].

Второй глобальный процесс социализации круговорота порожден традиционным ежегодным переворачиванием почвенного покрова плугами, что не только приводит к усилению эрозии почв, но и ухудшению их качества, связанного с нанесением вреда микроорганизмам – аэробным и анаэробным, а также с затяжкой получения урожая до двух недель и другими недостатками. Мы концентрируем внимание на пагубной технологии переворачивания почв, в которых из года в год нарушаются обменные процессы, отрицательно влияющие на сохранность почв. Как показывает опыт Полтавской области Украины, рыхление почв увеличивало их жизнь и урожай.

Третий глобальный процесс социализации круговорота связан со стремительной урбанизацией, по сути, с революцией в области техносферизации планеты, начавшейся в ходе промышленной революции в Западной Европе. Речь идет о том, что индустриально-техногенное общество формирует промышленные города и промышленно-городской образ жизнедеятельности населения, а вслед за этим коренным образом изменяет биотический круговорот жизненно важных веществ в городской среде. Как показывают наши расчеты, два столетия назад (1800 г.) в мире было 5,1% горожан (45 млн), а в 2017 г. – 51% (3,8 млрд), причем население планеты увеличилось в 8 раз, городское – в 84. Биологи неоправданно рассматривают биосферу как явление грандиозное, охватывающее верхние слои литосферы, нижние слои атмосферы и все пространство гидросферы, включая, по сути, всю окружающую среду. В ней биосфера занимает тонкую, стелящуюся по планете «пленку жизни», биострому, воспроизводящую жизнь и проникая своими частями, «корнями» во все жизнепригодные среды планеты Земля. И вода, и уходящая вглубь Земли литосфера, и воздушное пространство являются вмещением биосферы и биосферной жизни. И сама биосфера создала в воздушном пространстве жизнепригодную среду, отгородившись озоновым слоем от космического пространства с его смертоносными для жизни излучениями.

Обратимся к фактам. В эпоху техногенного развития, организуемого сейчас человечеством, пространства литосферной части биосферы заселяются не только городами, но и техногенными безжизненными грунтами. В совокупности они охватывают 55% суши [8, с. 43–44], сокращая биосферу и разрушая ее жизнеотворяющие функции. В этот период и сложилась третья **смертельная форма глобального биотического круговорота веществ** на планете. Поскольку в мире немногим более 50% горожан, то половина полезных веществ, которые мы забираем из почвы, отправляется транспортом, а не естественным путем, в города в виде продуктов питания и легкой промышленности. Там биологические отходы из производств и домохозяйств отправляются по двум направлениям вперемешку с синтезированными хими-

ческими веществами: 1) твердые – в отвалы на временное хранение и последующее сжигание и 2) жидкие – в туалетную систему, отправляясь в моря и океаны, а не в почвы.

Четвертый глобальный процесс социализации круговорота и уничтожения биосферного биологического вещества связан с выемкой океанических и морских биологических ресурсов, которые по своей полезности среди биологических веществ занимают достаточно высокое место, являясь высокоэкологичными и полезными для здоровья и предупреждения очень многих заболеваний людей. Попадая в сельскую местность, они частично в виде отходов отправляются на поля, используются там для получения урожая в приусадебных участках, но в городах морское биологическое вещество ожидает та же участь их потерь, о которой говорилось выше.

Пятый глобальный процесс измененного и губительного круговорота веществ касается живого биосферного вещества, которое в основном сконцентрировано в лесных массивах и уничтожается. Основная масса лесов была уничтожена в последние два столетия и оценивается сокращением массы биовещества в этот период в два раза. Это жизненно важное вещество для воспроизводства жизни теряется практически полностью, в почвы не возвращается. Оно используется в промышленных целях, а затем в виде твердых отходов сжигается. Существенно теряется и биосферный травянистый покров, под которым происходит минерализация и обогащение почвенного покрова. Треть этих площадей находится под окультуренными растениями. Как показывают исследования в Тамбовской области, под окультуренными однолетними растениями ежегодно теряется свыше 2 млн тонн гумуса, тогда как под многолетними травами прибывает 20 тыс. тонн, или лишь сотая часть, что говорит не только о почвенной катастрофе, но и биосферной [18].

И наконец, **шестой глобальный процесс губительного биосферного круговорота веществ** касается перехода людей и окультуренных животных в городскую техносферу, в которой концентрируется постбиосферная жизнь. Притом переход в нее идет весьма стремительно. Если в 1860 г. в техносферных условиях находилось примерно 5% животных планеты, включая людей, по массе, в 1940 г. – 10%, в 1980 г. – 20%, сейчас – 40% [14], то к концу века ожидается свыше 80%. А это означает практически полную изоляцию этих животных, переходящих на биотехнологическое обеспечение, от доживающей свой век биосферного пространства. Ярким примером жизни в техносфере являются бетонные животноводческие фермы, в которых корова, по заключению ряда специалистов, жила на треть меньше своей продолжительности жизни и давала на треть-четверть меньше молока живущих в крестьянских глинобитных сараях. Опасности жизни в городской техносфере, где обменные биосферные процессы сведены до минимума, а техногенные господствуют, говорят о наступлении в этом веке смертоносного кризиса, с которым не справится медицина. Речь идет не о множестве локальных или даже глобальном экологическом кризисе, а о смене направленности эволюции жизни, переходе ее от биосферной ступени развития к новой, техногенной, постбиосферной [5]. Данная проблематика поставлена в центр исследований ученых и философов, занимающихся изучением социально-техногенного развития мира и жизни [1; 9; 13; 17].

По экспертным оценкам, из ежегодно попадающих в биосферу 150 тыс. антропогенных веществ примерно 2-3 тыс. являются новыми. Особую озабоченность вызывает тот факт, что большая часть этих синтетических веществ никогда не исследовали на токсичность, мутагенность, канцерогенность и тератогенность [19]. Все эти изменения пагубно сказываются на самом их творце. Так, в пупочной крови новорожденных обнаружено в уловимых концентрациях 287 чужеродных химических веществ из 471 предполагаемого индустриального загрязнителя, среди них – ртуть, пестициды, диоксины, фураны и др. [22]. В моче здоровых взрослых людей выявлено свыше 2,2 тыс. чужеродных веществ (ксенобиотиков), являющихся, по сути, элементами техносферы [21]. Как отмечает член-кор. Ю. Г. Аляев, за 16 лет (2002–2018) в России стало на 60,5% больше пациентов с заболеванием мочеполовой системы. А случаи мужского полового бессилия выросли на 57%. Заболевания злокачественными новообразованиями стало на 180,7% больше, что означает увеличение их втрое за неполные два десятилетия [23]. Эти и другие факты [10; 12] говорят о том, что мы уже имеем дело не столько с биосферным круговоротом веществ, сколько с антропо-техногенным.

Благодаря такому многогранному социально-промышленному конвейеру уничтожения жизни, уже через 150-200 лет будет израсходовано биосферное живое вещество и сельскохозяйственные почвы, что означает конец биосферной жизни на планете. Конечно, это совершится, если человечество срочно не найдет эффективных мер для сохранения биосферного

биологического вещества, которое накапливалось в живой природе и почвах на суше более 400 млн лет, или же биологические отходы не направит в многократный процесс переработки и возрождения жизни посредством почвенных и рациональных биотехнологических процессов.

Заключение. Напоследок авторы предлагают реконструкцию трансформированного уже техногенным социумом биотического круговорота веществ, нарушенного в XIX–XXI вв. индустриализацией, урбанизацией и техносферизацией. **Суть** предложений – **в рациональном изменении созданного людьми антропо-техногенного биотического круговорота веществ параллельно с сохранением биосферно-биологического вещества**, которое может исчезнуть в будущем столетии, а с ним и биосферная жизнь, перейдя в городскую техносферу на омертвевшей Земле.

Авторами предлагается наиболее вероятный, безопасный и перспективный *сценарий стабилизации и укрепления естественного биотического круговорота*: 1) сохранение площадей почвенного покрова даже с небольшим насыщением гумусом с последующим проведением агромероприятий по насыщению органикой; 2) максимальное сохранение площадей лесных массивов с разрешением выборочной вырубке деревьев, что позволит сохранить разнообразие созданной жизни; 3) существенное повышение урожайности однолетних культур, чтобы высвободившиеся площади можно было переводить под посевы многолетних трав с восстановлением разнообразия жизни; 4) максимальное сохранение оставшегося на планете биосферно-биологического вещества; 5) частичное восстановление пространств биосферы, в первую очередь в регионах с благоприятным климатом, за счет использования многолетних трав и вермитехнологий; 6) прекращение производства опасных и некачественных техносферных объектов и отказ от любых опасных синтезированных химических веществ, разрушающих биосферные организмы; 7) соответствующая рационализация политической системы и организации такой жизнедеятельности народов, которая отстаивает гармонию производства с живым организмом. Естественно, речь должна идти о стратегических целях, на основе которых будет сформирована *социотехнобиосферная модель жизни*, сохраняющая фундамент биосферы и рационально возводящая мир искусственной жизни.

Поскольку человечество создало *смертельный для естественной природы и самих людей биотический круговорот веществ*, то перестройка этого круговорота – задача как для мирового сообщества в целом, так для научного сообщества России. В этом направлении необходимо проведение объединенными институтами РАН фундаментальных исследований при поддержке Думы и Правительства РФ, создание крупного теоретического центра «Международный биосферный клуб» в Москве с привлечением региональных научных сообществ. На основе объединенных исследований будут выработаны рекомендации с предложениями для ООН для решения этой злободневной проблемы. Таким образом, новое понимание сохранения биотического круговорота веществ не означает полного возврата к былой биосфере, былому круговороту, а создание условий и для продолжения саморазвития биосферы с совмещением техносферных построек, не наносящих вреда биологическим существам.

Список литературы

1. Баксанский О. Е. Становление концепции техногенного общественного развития // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия «Социологические науки». 2017. Т. 12. № 3. С. 46–54.
2. Вернадский В. И. Очерки геохимии. 4-е изд. (2-е русское). М., 1934.
3. Воробьев Г. Т. Почвенное мировоззрение // Природно-ресурсные ведомости. 2018.
4. Демиденко Э. С. Экотехнологический апокалипсис, или «конец света» природного человека. Доклад на XIX Всемирном философском конгрессе. Брянск : Очаг, 1993. 50 с.
5. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни : научный доклад. М. : Изд-во РАН, 2017. 28 с.
6. Демиденко Э. С., Дергачева Е. А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы : монография. М. : Красанд, 2010. 288 с.
7. Дергачева Е. А. Технократизм в глобализации техногенной общественной системы // Современные проблемы науки и образования : электрон. журн. 2012. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/103-6430>.
8. Кацура А., Отарашвили З. Экологический вызов: выживет ли человечество? М. : МЗ Пресс, 2005. 80 с.
9. Колесник Т. А. Трансформационное развитие мира и жизни в техногенном обществе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 6А. С. 156–165.

10. Корсаков А. В. Краткий обзор некоторых медико-биологических последствий Чернобыльской катастрофы 31 год спустя // Экономика в условиях социально-техногенного развития мира : матер. II Междунар. междисциплинарн. научн. конфер. по фундаментальным и прикладным проблемам современного социально-экономического и экономико-экологического развития (5 октября 2017 г., г. Брянск, БГТУ в партнерстве с РАН) : в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. А. Дергачевой. Брянск : БГТУ, 2017. С. 108–111.

11. Кошелев А. П. О проблемах у мужчин и злоупотреблении химическими препаратами // Всемирная ассоциация врачей урологов и андрологов. URL: <http://pre.medinfo.today> (дата обращения: 14.02.2019).

12. Ларионова И. С., Алексеев А. А. Системное мышление в практике биолога и врача: философский анализ. М. : ЛКИ, 2008. Т. 2. 376 с.

13. Попкова Н. В. Философия техносферы. М. : ЛИБРОКОМ, 2014. 344 с.

14. Потеев М. И. Концепции современного естествознания. СПб. : Питер, 1999. 352 с.

15. Строганова М. Н. Земельные ресурсы мира // Глобалистика : Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. ; СПб. ; Н.-Й. : Елима ; Питер, 2006. 1160 с.

16. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1965.

17. Трифанков Ю. Т., Дергачев К. В. Брянское философское общество и Брянская научно-философская школа: обзор исследований социально-техногенного развития мира и жизни // Проблемы современного антропосоциального познания : сб. ст. / под общей ред. Н. В. Попковой. Брянск : БГТУ, 2017. Вып. 14. С. 20–60.

18. Трофимов И. А., Трофимова Л. С., Яковлева Е. П. Антропо-техногенная деградация агроландшафтов биосферы // Антропо-техногенная деградация биосферы: предложения по преодолению : труды Российской междисциплинарн. науч.-практ. конф. / ИНИОН РАН. Центр социал. науч.-информ. исслед. ; Отдел науч. сотрудничества и междунар. связей ; отв. ред. Д. В. Ефременко, В. И. Герасимов. М., 2014. С. 227–235.

19. Яблоков А. В. О концепции популяционного груза // Гигиена и санитария. 2015. № 94 (6). С. 11–14.

20. Яковлев А. С. Проблемы охраны почв и органическая продукция // Природно-ресурсные ведомости. 2014. № 2.

21. Bouatra S., Aziat F., Mandal R., Chi Gou A., Wilson M. R., Knox C. et al. The Human Urine Metabolome. PLoS One. 2013; № 8 (9). Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3762851>.

22. Houlihan J., Kropp T., Wiles R., Gray S., Campbell Ch. Body Burden: The Pollution in Newborns. 2005. Available at: http://www.changelingaspects.com/PDF/bodyburden2_final-r3.pdf.

Biotic cycle of substances on the earth and its social and technogenic transformation: scientific and philosophical analysis

E. S. Demidenko¹, E. A. Dergacheva²

¹Doctor of Philosophical Sciences, professor at the Department of humanitarian and social Sciences, Bryansk State Technical University. Russia, Bryansk. E-mail: demidenkoes@mail.ru

²Doctor of Philosophical Sciences, professor of Russian Academy of Sciences, professor at the Department of humanitarian and social disciplines, Bryansk State Technical University. ResearcherID: U-4121-2018; ORCID: 0000-0003-4562-2914. E-mail: eadergacheva2013@yandex.ru

Abstract. It is analyzed how under the influence of social and technological development of the world there is a transformation of one of the bases of the biosphere – biogeoexchanging phenomena and processes, along with the soil cover, living matter of the planet and the habitat formed by it. The active and growing technogenic influence of society on the biosphere nature begins with the formation of a productive economy that massively forms the inanimate artificial world – the technosphere. The statistical material is used to analyze the negative impact of technogenic society on the components of the passing natural cycle of biogenic substances, as well as the loss of metabolic processes in soils with the destruction of the soil cover of the planet, the vast expanses of biosphere forests and herbs, the socialization of the most important parts of the natural cycle with the replacement of its anthropo-technogenic cycle. This is accompanied by the transfer of people and cultured living organisms in technosphere conditions of cities, where pathological, genetic and other diseases of the human body, as well as socialized animals are already developing. It is concluded that as a result of technocratic development of the Earth's land surface is the formation of anthropo-technogenic circulation of substances as an important part of change the evolution of life – from biosphere to biological sociotechnobiological, or postbiosphere. Consequently, the preservation of biosphere life requires a reasonable restoration of many of its ruined foundations, including the biotic cycle, the unification of the peoples of the world under the auspices of the UN to jointly solve this global problem.

Keywords: society, technosphere, biosphere, socialization of the cycle, change of life evolution.

References

1. Baksanskij O. E. Stanovlenie koncepcii tekhnogennogo obshchestvennogo razvitiya [Formation of the concept of technogenic social development] // *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sociologicheskie nauki"* – Scientific notes of the Trans-Baikal State University. Series "Sociological sciences". 2017. Vol. 12. No. 3. Pp. 46–54.
2. Vernadskij V. I. *Ocherki geohimii* [Essays on geochemistry]. 4th publ. (2nd Russian). M. 1934.
3. Vorob'ev G. T. *Pochvennoe mirovzrenie* [Soil worldview] // *Prirodno-resursnye vedomosti* – Nature-resource news. 2018.
4. Demidenko E. S. *Ekotekhnologicheskij apokalipsis, ili "konec sveta" prirodnogo cheloveka. Doklad na XIX Vsemirnom filosofskom kongresse* [Ecotechnological apocalypse, or "end of the world" of natural man. Report on the XIX World Congress of philosophy]. Bryansk. Ochag. 1993. 50 p.
5. Demidenko E. S., Dergacheva E. A. *Ot global'noj degradacii biosfery k smene evolyucii zhizni : nauchnyj doklad* [From the global degradation of the biosphere to the change of life evolution : scientific report]. M. RAS. 2017. 28 p.
6. Demidenko E. S., Dergacheva E. A. *Tekhnogennoe razvitie obshchestva i transformaciya biosfery : monografiya* [Technogenic development of society and transformation of biosphere : monograph]. M. Krasand. 2010. 288 p.
7. Dergacheva E. A. *Tekhnokratizm v globalizacii tekhnogennoj obshchestvennoj sistemy* [Technocratism in globalization of technogenic social system] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya : elektron. zhurn.* – Modern problems of science and education : electron. journal. 2012. No. 3. Available at: <http://www.science-education.ru/103-6430>.
8. Kacura A., Otarashvili Z. *Ekologicheskij vyzov: vyzhivet li chelovechestvo?* [Environmental challenge: will humanity survive?] M. M3 Press. 2005. 80 p.
9. Kolesnik T. A. *Transformacionnoe razvitie mira i zhizni v tekhnogennom obshchestve* [Transformational development of the world and life in technogenic society] // *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* – Context and reflection: philosophy about the world and man. 2017. Vol. 6. No. 6A. Pp. 156–165.
10. Korsakov A. V. *Kratkij obzor nekotoryh mediko-biologicheskikh posledstvij Chernobyl'skoj katastrofy 31 god spustya* [Brief review of some medical and biological consequences of the Chernobyl disaster 31 years later] // *Ekonomika v usloviyah social'no-tekhnogennogo razvitiya mira : mater. II Mezhdunar. mezhdisciplinarn. nauchn. konfer. po fundamental'nym i prikladnym problemam sovremennogo social'no-ekonomicheskogo i ekonomiko-ekologicheskogo razvitiya (5 oktyabrya 2017 g., g. Bryansk, BGTU v partnerstve s RAN) : v 2 t.* – Economics in the context of social and technological development of the world : mater. of the II International interdisciplinary scientific confer. on fundamental and applied problems of modern socio-economic and environmental development (October 5, 2017, Bryansk, Belgorod State technological University, in partnership with the Russian Academy of Sciences) : in 2 volumes / under the editorship of E. A. Dergacheva. Bryansk. BSTU. 2017. Vol. 1. Pp. 108–111.
11. Koshelev A. P. *O problemah u muzhchin i zloupotreblenii himicheskimi preparatami* [About problems of men and abuse of chemical drugs] // *Vsemirnaya Associaciya vrachej urologov i andrologov* – World Association of urologists and andrologists. Available at: <http://pre.medinfo.today> (date accessed: 14.02.2019).
12. Larionova I. S., Alekseev A. A. *Sistemnoe myshlenie v praktike biologa i vracha: filozofskij analiz* [System thinking in the practice of the biologist and the physician: a philosophical analysis]. Vol. 2. M. LKI. 2008. 376 p.
13. Popkova N. V. *Filozofiya tekhnosfery* [Philosophy of the technosphere]. M. LIBROKOM. 2014. 344 p.
14. Poteev M. I. *Koncepcii sovremennogo estestvoznaniya* [Concepts of modern natural science]. SPb. Piter. 1999. 352 p.
15. Stroganova M. N. *Zemel'nye resursy mira* [Land resources of the world] // *Globalistika: Mezhdunarodnyj mezhdisciplinarnyj enciklopedicheskij slovar'* – Globalistics: international interdisciplinary encyclopedic dictionary / chief ed.: I. I. Mazur, A. N. Chumakov. M. ; SPb. ; N.-Y. Elima; Piter. 2006. 1160 p.
16. Teilhard de Chardin P. *Fenomen cheloveka* [Phenomenon of man]. M. 1965.
17. Trifankov Yu. T., Dergachev K. V. *Bryanskoe filozofskoe obshchestvo i Bryanskaya nauchno-filozofskaya shkola: obzor issledovaniy social'no-tekhnogennogo razvitiya mira i zhizni* [Bryansk philosophical society and Bryansk scientific school of thought: a review of studies on socio-technological development of the world and life] // *Problemy sovremennogo antroposocial'nogo poznaniya: sb. st.* – Issues of modern anthroposociology of cognition : collection of articles / under the general editorship of N. V. Popkova. Bryansk. BSTU. 2017. Issue. 14. Pp. 20–60.
18. Trofimov I. A., Trofimova L. S., Yakovleva E. P. *Antropo-tekhnogennaya degradaciya agrolandshtov biosfery* [Anthropo-technogenic degradation of agrolandscapes of the biosphere] // *Antropo-tekhnogennaya degradaciya biosfery: predlozheniya po preodoleniyu : trudy Rossijskoj mezhdisciplinarn. nauch.-prakt. konf.* – Anthropo-technogenic degradation of the biosphere: proposals for overcoming : proceedings of the Russian interdisciplinary science-pract. conf. / Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS. Center of social science-inform. research; Department of scientific cooperation and international connections; resp. ed. D. V. Efremenko, V. I. Gerasimov. M. 2014. Pp. 227–235.
19. Yablokov A. V. *O koncepcii populyacionnogo gruzha* [On the concept of population load] // *Gigiena i sanitariya* – Hygiene and sanitation. 2015. No. 94 (6). Pp. 11–14.
20. Yakovlev A. S. *Problemy ohrany pochv i organicheskaya produkcija* [The problems of soil conservation and organic products] // *Prirodno-resursnye vedomosti* – Natural-resource news. 2014. No. 2.
21. Bouatra S., Aziat F., Mandal R., Chi Gou A., Wilson M. R., Knox C. et al. The Human Urine Metabolome. *PLoS One*. 2013. No. 8 (9). Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3762851>.
22. Houlihan J., Kropp T., Wiles R., Gray S., Campbell Ch. *Body Burden: The Pollution in Newborns*. 2005. Available at: http://www.changelingaspects.com/PDF/bodyburden2_final-r3.pdf.

Философское содержание трансгуманизма в контексте кризисности человеческой природы

Ю. В. Жолобова¹, Е. А. Счастливецва²

¹магистрант факультета истории, политических наук и культурологии,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: juliazholobova1990@mail.ru

²доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-2832-7748. E-mail: abcr@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются философские проблемы трансгуманистического направления в развитии современного общества. Трансгуманизм рассматривается как новая идеологическая парадигма, связанная с переустройством всего пространства социума, и, в первую очередь, биологической природы человека. Вместе с тем подобная постановка вопроса определяет для философов неразрешимые проблемы жизни и смерти человеческого рода и возможность трансформации человека как такового. Однако, если глубже вникнуть в суть этого нового направления, становится ясно, что трансгуманизм представляет собой философию скрытого обмана. И проблема преодоления антропологического кризиса путем, предполагаемым трансгуманистами, отпадает сама собой, когда мы открываем такие возможности, как перенос сознания личности на электронный носитель, оживление людей после их замораживания и т. д. Все это ставит под угрозу не только само изменение биологической природы человечества, но гораздо более глубокие проблемы стратификации самого социума, деление его на «угодных» и «неугодных», «элиту» и тех, кто в нее не входит. Но самое главное, что все эти идеи подаются под маской благого дела, приправленные гуманистической идеологией, которая в действительности оказывается прямо противоположной гуманистической направленности, таящей угрозу выживания человечества в целом.

В статье раскрывается содержание трансгуманистических идей, их глобальная опасность для современного общества и человека в отдельности. Вскрыты антигуманные стороны этого направления; развенчиваются его основные постулаты и глобальные проекты, такие как «Аватар», целью которого является формирование альтернативного носителя сознания личности путем отказа от собственной идентичности – новых существ, наделенных разумностью. Кроме того, в статье исследуются перспективы общества, в котором воплощены идеалы трансгуманизма, что окончательно подводит черту под утопичностью данной формы идеологии. Более того, трансгуманизм вообще не обращается к нравственному, духовному развитию индивидов.

Ключевые слова: трансгуманизм, антигуманизм, современные технологии, трансформация человеческой природы, бессмертие человека.

В данной работе поднимается проблема философского осмысления идей трансгуманизма, по которой отсутствует целостное научное исследование, несмотря на то, что существуют некоторые новые работы, например, монография Д. Е. Музы «Информационное общество: притязания, возможности, проблемы. Философские очерки» [9], а также «После человека. Идеология и пропаганда трансгуманизма в современном мире. Доклад русской экспертной школы» [12], многочисленные публикации и работы В. А. Кутырева [4; 5; 6], в которых выделяются отдельные аспекты проблемы и поднимается история вопроса, в частности идеологии гуманизма, но которых явно недостаточно для целостного понимания опасности идей трансгуманизма. Вернее, этих работ недостаточно для философского осмысления кризиса, в котором оказалась духовная составляющая человечества. Данная статья предполагает рассмотрение этого вопроса под другим углом зрения – с позиции философского содержания идеи трансформации человека, а также с точки зрения предполагаемых вариантов решения проблемы человека другими способами и методами. И даже заставляет задуматься, а есть ли место антропологическому кризису в современное время, не есть ли это выдумка экспертов и не лучше ли оставить в покое человеческую природу и не питать себя всякого рода опасениями по поводу ее изменения в будущем. Все это позволяет нам продолжить заданную линию и углубиться в существо вопроса под названием «трансгуманизм», в его философскую природу.

Несмотря на многочисленные публикации (выше были выделены наиболее свежие и целостные работы) и сайты этого направления, нам хотелось бы в будущем представить еще

один подход к идее трансгуманизма. Мы полагаем антропологический кризис реально существующим и показываем реальную угрозу идеологии трансгуманизма в условиях кризисности человеческой природы в современном мире. В статье дается целостный подход к проблеме трансгуманизма и его критика с точки зрения философского содержания, что оправдано и с методологической точки зрения.

Существование трансгуманизма обосновано воздействием научно-технического прогресса на все стороны жизнедеятельности индивидов. Понятие «трансгуманизм» впервые было введено английским биологом, основателем ЮНЕСКО Дж. Хаксли в 1957 году. Согласно представлениям выдающегося ученого, только человек наделен исключительным правом определять направление эволюции планеты в будущем, поэтому, познав собственную сущность, мы способны преодолеть границы, определенные природой, и перейти в новую фазу своего существования: «Человеческий род может, если того захочет, превзойти самого себя <...> Нам необходимо дать название этому новому убеждению. Возможно, здесь подойдет слово «трансгуманизм»: человек останется человеком, но превзойдет себя, реализуя новые возможности своей собственной природы» [2, с. 28].

В современных исследованиях трансгуманизм определяется в качестве варианта гуманизма или нового этапа его развития [10, с. 38]. В Манифесте Российского трансгуманистического движения трансгуманизм понимается как новая идеологическая парадигма, которая «утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и возможность и желательность – с помощью науки и современных технологий – безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас «естественными» пределы человеческих возможностей» [7]. Таким образом, несмотря на латинский префикс «транс», имеющий значения «за», «через», трансгуманизм трактуется его приверженцами как гуманистическое мировоззрение [2, с. 34]. Кроме того, акцентируется внимание на идее преодоления человеческой природы, ее улучшения с использованием новых технологий.

По мнению трансгуманистов, развитие науки является ключевой особенностью современного общества, поскольку средства НБИКС-конвергенции такие, как «молекулярная нанотехнология, геномная инженерия, искусственный интеллект, лекарства для изменения настроения и улучшения памяти, терапия против старения, нейроинтерфейс, программы для управления информацией, носимые и вживляемые компьютеры, когнитивные технологии и т. д.» [13] могут расширить физические, интеллектуальные, психологические способности человека, продлить жизнь и избавить от старости и болезней, тем самым определяя будущее цивилизации. К этому стоит добавить ожидания по поводу освоения новых сред обитания; способности влиять на глобальные природные процессы и управлять климатом; ревитализации, в частности крионики – оживление людей, чьи тела могут быть сохранены в охлажденном состоянии, и излечение от болезни, повлекшей смерть человека; переноса сознания личности на электронный носитель [10, с. 34]. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: может ли трансгуманистическая парадигма, учитывая факт неоднозначности научных достижений, стать оптимальным вариантом преодоления кризиса антропологических оснований цивилизации?

С этой целью необходимо обратиться к содержанию трансгуманистических идей, которые сегодня активно продвигаются в нашей стране учеными, политиками, бизнесменами, входящих в состав упомянутого выше Российского трансгуманистического движения, а также Стратегического общественного движения «Россия 2045».

Отечественные идеологи трансгуманизма Д. Ицков и Д. И. Дубровский констатируют факт гибели человеческой цивилизации – антропологической катастрофы, которая может стать неотвратимостью в случае, если люди будут игнорировать возможность совершенствования своих природных оснований как главного объекта современного кризиса. Поэтому трансгуманизм своей главной задачей выдвигает решение вопроса о предотвращении конца исторического процесса путем постепенной модификации биосоциальной сущности индивида, обращая особое внимание при этом на изменение биологической составляющей [3, с. 238].

Киборгизация, исследования по разработке систем искусственного интеллекта сегодня воспринимаются в качестве реальных достижений современной цивилизации. Так, например, в Манифесте стратегического общественного движения «Россия 2045» говорится о создании искусственного тела как целостной самоорганизующейся системы, которое получит «огромный спектр возможностей, сможет легко переносить экстремальные внешние условия» [8].

Помимо изменения телесности, предполагается также утверждение в обществе новых смыслов и ценностей, с помощью которых индивиды смогут духовно и психологически само-совершенствоваться.

К «сверхзадаче» трансгуманизма в настоящее время можно отнести достижение практического бессмертия человека в рамках иммертологии – «научного обоснования правомерности постановки и реальной возможности решения» данной проблемы [10, с. 22]. Заявляя о необходимости вечного существования, трансгуманисты апеллируют к аргументу непримиримости человека со смертью, его желание продлить собственную жизнь несмотря ни на что: «Из всех желаний людей самым фундаментальным является бессмертие <...> Помимо эмоционального заряда, оно несет в себе почти все другие желания. Хотя бессмертным человек как будто не был, идея бессмертия родилась вместе с ним, с его культурой и сознанием смертности» [4, с. 184]. Непостоянство мира, ограниченность временными границами нашего века делают бессмысленным жизнедеятельность индивида, так как хаотичное и лишённое сути течение бытия, с точки зрения вечности, не только не даёт сосредоточиться на конечном результате (мешает осознание неизбежности смерти), но и обесценивает его. Поэтому необходимо сконцентрировать все усилия для того, чтобы достичь главной цели – достижения бессмертия: «Человеческая раса уже достаточно созрела, чтобы осознать, что ее главный враг не внутри нее самой. Он не среди людей. Он – это законы природы, заставляющие каждого стареть, болеть и умирать. Поэтому главный конфликт XXI века и всего третьего тысячелетия <...> конфликт между человеком и его смертной, телесной природой, его смертностью и возможностью обретения бессмертия» [17]. В трансгуманизме шанс обретения бессрочной жизни – это путь кибернетического бессмертия. Под ним подразумевается «возможность воспроизведения функций живой системы и головного мозга на небиологических субстратах» [3, с. 246], то есть возможность сохранения и перенесения сознания личности на электронный носитель информации, что обусловит в будущем общение цифровой виртуальной копии личности человека во взаимодействии с другими людьми. Важно понимать, что «центральной ценностью трансгуманизма является автономия личности, включая свободу изменять свое тело, заданную волей случая конкретную морфологию» [11, с. 49]. В этой связи наше естество выступает первостепенным антагонистом в достижении высшего блага – бессмертия, и отказ от телесности – первый шаг на пути к утверждению вечности через избавление человека от недостатков собственной природы: «Нам крайне трудно с позиций своего сознания представить себе сознание будущего разумного существа, избавленного от проблем биологической телесности (боли, болезней, усталости, низменных влечений, старческого одряхления и т. п.). Но несомненно, что это будет сознание с гораздо более высокими ценностями, смыслами и целями, не замусоренное мелочными заботами, побуждениями, амбициями, огорчениями, суетой нашего нынешнего бытия» [3, с. 247]. Кибернетическое бессмертие гарантирует дальнейшее существование общества, лишает его угрозы гибели, определяется как «сверхзадача сознательно управляемой эволюции человека, преодолевшего биологическую телесность, ставшего подлинным творцом своего будущего» [3, с. 248].

Трансгуманистическое движение «Россия 2045» планирует к 2045 году достичь цифрового бессмертия в рамках глобального проекта «Аватар» [14; 15], целью которого является создание альтернативного носителя сознания личности.

Фактически, реализация подобного мегапроекта приведет человечество на совершенно иной уровень развития – «эпоху неочеловечества, космическую цивилизацию людей будущего», «новую модель существования общества, основанную на пяти принципах: высокой духовности, высокой культуре, высокой этике, высокой науке, высоких технологиях» [16]. В противопоставление современной цивилизации обновленное общество будет стремиться к саморазвитию, прогрессу, эволюции, достижению глобальных целей и задач вместо потребительства. Согласно такому представлению о будущем, человечество движется по пути общественного прогресса, опирающегося на НБИКС-технологии и способного спровоцировать появление новых результатов в своем развитии: помимо избавления от старения и болезней, преодоления глобальных проблем, достижения бессмертия, человек начнет, наконец, не только перемещаться в космическом пространстве, но и осуществлять «космическую экспансию – расселение человечества в ближнем и дальнем космосе» вплоть до создания «персональной Вселенной» [11].

Несмотря на благожелательные цели трансгуманистического движения, в его идеологии существуют противоречия и спорные аргументы, претендующие на единственно верный ответ вызовам современной цивилизации.

Так, в трансгуманизме человек рассматривается как один из видов биологической жизни, подобной остальным живым организмам: «Мы защищаем благополучие всего того, что наделено чувствительностью, включая людей, других животных и любые будущие искусственные интеллекты, модифицированные формы жизни либо иные виды разума, которые могут возникнуть благодаря научным и техническим достижениям» [2, с. 35]. Тем самым человеческая сущность теряет свою исключительную ценность и статус индивида приравнивается к статусу не только животных, но и потенциально новых форм жизни, обладающих разумом. Понятие личности в трансгуманизме включает в себя не только антропологические признаки, но и характеристики животных и свойства будущих «улучшенных» людей: «Отличие человека от других живых существ не абсолютно, оно, скорее, вопрос степени присутствия определенных качеств <...> все наделенные чувствительностью существа, возможно, обладающие сознанием, будь то пре-люди, не-люди (животные) или пост-люди, обладают и моральным статусом, требующим уважать их благополучие и преуспевание» [11, с. 49]. Исходя из вышеизложенного возникает вопрос: действительно ли трансгуманистические взгляды являются продолжением идей гуманизма, несмотря на явное его отрицание в названии философского течения? Или между ними существует принципиальная разница, не позволяющая объединить их в единое направление?

Основанием мировоззрения гуманизма является «самодостаточная самоутверждающаяся личность или индивидуальность. Эта индивидуальность признается высшей ценностью (самоценностью)» [3, с. 197]. Трансгуманизм, акцентируя внимание на продвижении людей к постчеловеческому будущему, утверждает о необходимости трансформации физических и интеллектуальных качеств индивидов, создавая тем самым «постчеловека» – «улучшенного варианта нынешних людей» [19, с. 6]. В этом заключается существенное и главное различие между двумя идеологиями. Известный критик трансгуманистической философии В. А. Кутырев указывает в ней на отказ человека от собственной природы – так называемое «расчеловечивание человека» и называет данный феномен «концом света», «апокалипсисом» [6, с. 177]. Гуманизм декларирует человеческую жизнь высшей ценностью, тогда как трансгуманизм «приемлет как высшую ценность вовсе не жизнь и не жизнь человека, а сверхжизнь и сверхчеловека в грядущем кардинально трансформированном бытии» [20, с. 353]. Отрицая человека как высшую форму эволюции, трансгуманизм ведет нас к «самоликвидации» и призывает отказаться от собственной идентичности путем создания новых существ, наделенных разумностью. Таким образом, традиционный человек гуманистической философии выступает средством в трансгуманистической идеологии на пути достижения высшей цели – стать «постчеловеком», совершенной сущностью, сконструированной на основе любого облика с улучшенными характеристиками человеческого интеллекта. Данное фундаментальное отличие становится существенным противоречием между гуманизмом и трансгуманизмом, указывающим на невозможность преемственности этих двух парадигм.

Спорным в трансгуманизме является аргумент в пользу положительной оценки постчеловеческого будущего как «единственного способа избежать гибели разумной жизни» [19, с. 6]. Полагается, что постлюди, благодаря улучшенным свойствам своей природы, будут благополучными по сравнению с нынешними людьми. Но данный вопрос остается открытым, поскольку сложно дать объективную оценку качества жизни индивидов, которые будут относиться к разным видам. Кроме того, по мнению ученого А. П. Назаретяна, «безбрежный оптимизм» трансгуманистов в действительности оказывается «печальной необходимостью», заключающейся в отказе от человеческой природы, и нет твердой уверенности в том, что в бесмертном будущем не возникнет новых проблем: «Даже такая, казалось бы, замечательная перспектива, как индивидуальное бессмертие (что бы это ни означало конкретно), тянет за собой массу проблем, к которым нужно готовиться заблаговременно» [10, с. 168].

С наступлением бессмертия негативные последствия увеличения продолжительности жизни только обострятся еще в большей степени. Технологии увеличения продолжительности жизни или бессмертия вследствие дороговизны будут доступны не каждому, что поставит перед государством проблему выработки критериев справедливого отбора «достойных» граждан для указанной процедуры. Это может привести в перспективе к возникновению «смертных» и «бессмертных» страт, мирное сосуществование между которыми станет невозможным в силу «ограниченности» в способностях первых. Кроме того, еще в большей степени может увеличиться разрыв и между бедными и развитыми странами.

Бесконечная продолжительность жизни способна привести к конфликту между поколениями: «Но совершенно разные вещи: размышлять о собственном бессмертии и наблюдать

мир, в котором постоянно растет число бессмертных людей, где все или часть детей вынуждены вступать в соревнование с предыдущими поколениями за работу, за жизненное пространство, за средства к существованию и т. д. <...> Придется коллективно принимать решения о том, насколько долго, в разумных пределах, можно жить людям в каждом поколении, обеспечивая при этом максимально возможное число здоровых жизней данной продолжительности. Помимо этого, нам придется обеспечивать тем, кто уже достаточно прожил, своевременную смерть, чтобы освобождалось место для будущих поколений. Добиться этого на добровольной основе и морально оправданными способами будет трудно» [18, с. 11].

Бессмертие не гарантирует человечеству неуязвимость. Никто не застрахован от болезней, войн, несчастных случаев, способных повредить не только биологическую, но и будущую механическую «оболочку» индивида. Станет ли тогда бессмертие способом излечения, а не вечным испытанием для человека? К этому стоит добавить сомнение по поводу качественного улучшения жизни в будущем в связи с перспективой бесконечного существования: «Количественное продление человеческой жизни не означает ее качественного улучшения <...> количественное увеличение срока человеческой жизни такой, какая она есть, с ее этико-социальными и биосоциальными реалиями приведет к усилению не только позитивных, но и негативных ее сторон, в сущности ничего не изменив <...> Жизнь человека превратится в аналог китайской пытки падающей на темя водой и даст только перспективы вечного ада. Удерживать людей в этой жизни при таких перспективах можно будет только насильно. А хуже несчастья и горя может быть только принудительное счастье» [1, с. 439].

Достижение бессмертия с помощью высоких технологий способно не только усомниться в существовании грани между естественным и искусственным, но и вовсе ее ликвидировать. Уничтожение рамок между живым и неживым приведет к переосмыслению существующих нравственных установок в обществе. В будущем мы столкнемся с проблемой пересмотра таких онтологических понятий, как смысл жизни, разум, свойства человеческой природы, добра и зла, жизни и смерти и т. д.: «Ведь если нет ничего “однозначно живого”, то исчезают и основные традиционные ценности, связанные с отношением к жизни. Подвергаются модификации представления об абсолютной самоценности жизни, трепетном к ней отношении (ее “святость”, “благоговение” перед ней, отношение к ней “как к цели, а не как к средству”, запрет и осуждение убийства и т. п.)» [20, с. 354]. По мнению В. А. Кутырева, для «человекомашинных» постлюдей жизнь станет «примитивной формой абиотического интеллекта» [6, с. 188]. Для таких существ будет характерно отсутствие целеполагаемых жизненных установок, отсутствие души, страхов и радостей, «иное отношение к своему Я» [6, с. 189]. Человечество рискует потерять идентичность каждого из своих членов. Поэтому В. А. Кутырев справедливо замечает, что трансгуманизм, уничтожая человека через его «замену другой формой бытия», является «абсурдным выходом из антропологического кризиса» [6, с. 194].

Конечность человеческого бытия выступает катализатором деятельной активности, наделяет смыслом наше существование, помогает самосовершенствоваться: «Это тот двигатель, который заставляет нас прилагать усилия, чтобы с возрастом становиться лучше. Уверенность в том, что жизнь коротка и нельзя попусту тратить время, есть и всегда будет стимулом для всех, кто ищет правду» [18, с. 12].

Утопичность идей трансгуманизма заключается также в убежденности исключительно положительного влияния научно-технического прогресса на развитие человека как единственного варианта решения общественных проблем при допустимом отказе от всех существующих этических запретов. Также нужно иметь в виду, что не все культуры воспримут с одобрением идею совершенствования индивида при помощи технологического вмешательства в организм: «Совсем не очевидно, что в разных культурах проект трансгуманизма будет воспринят так, как мы этого хотим и как мы это представляем. Важные ограничения связаны с цивилизационным устройством современного человечества <...> цивилизационное устройство имеет в своей основе определенный тип реакций на подобные глобальные изменения. Этот тип связан с наследием той или иной цивилизации, которое имеет обыкновение в таких ситуациях возрождаться в виде фундаментализма, способного блокировать радикальные проекты обновления человечества» [10, с. 172]. Поэтому трансгуманистам стоит учитывать тот факт, что в обществе XXI века существует многообразие культур, каждая из которых имеет право на существование и на свободу совести, исходя из представлений собственных традиций, в том числе о понимании природы человека и способов ее преобразования.

В трансгуманизме сложным остается вопрос создания человеческой сущности на небелковом, электронном носителе в ближайшем будущем – к 2045 году, поскольку в настоящее вре-

мя феномен сознания остается проблемной областью науки, до конца еще не изученным. К этому стоит добавить, что трансгуманизм не пытается анализировать психологическую составляющую создания постчеловека, представляющее собой в будущем невосприимчивое, бесчувственное существо, аналогичное бездушным машинам, то есть грань между постчеловеком и механическим объектом будет отсутствовать полностью. Тогда насколько целесообразно появление человека нового типа, разум которого идентичен возможностям техники? В трансгуманизме подобного вопроса не возникает вовсе, поскольку его представители с уверенностью утверждают, что обладателем сверхинтеллекта будет именно усовершенствованный, обновленный человек, никто и ничто более. Не обнаруживает себя в данном философском движении важная составляющая субъективного мира индивида – свободная воля, присущая конкретной личности, самостоятельно и осознанно определяющая цели своей деятельности: «Воссоздать индивидуальность человека на электронных носителях, если игнорировать такое ее проявление, как личная воля, невозможно. Можно задать искусственной «личности» определенные цели, но при этом возникает вопрос: кто их поставил? Ответ очевиден: креатор технореальности. Можно вложить оцифрованную личность в робота, но при этом получится лишь кукла <...> Свободную волю, а тем более совесть воссоздать на электронных носителях без подмены реальной личности человека мнимой невозможно» [1, с. 441].

От внимания идеологов трансгуманизма также ускользает еще одно важное человеческое свойство – нелогичность, реализовать которую в новой форме даже в отдаленном будущем не представляется допустимым: «Нелогичное необходимо <...> оно столь крепко засело в страстях, в языке, в искусстве, в религии и вообще во всем, что делает жизнь ценной, что его нельзя извлечь, не нанеся тем самым неисцелимого вреда всем этим прекрасным вещам... Даже разумнейший человек нуждается от времени до времени в природе, т. е. в своем основном нелогичном отношении ко всем вещам» [4]. Благодаря нелогичности мы называемся и являемся людьми, она отделяет естество от искусственного мира, делает невозможным трансформацию человека в производное от техники.

Игнорируя основополагающие человеческие качества, трансгуманизм вводит человечество в заблуждение о намерении создать постчеловека – будущего человека с улучшенными параметрами, и даже более того, бессмертной личности, по сути, не-человека, лишённого фундаментальных оснований нашей природы.

Таким образом, однозначное утверждение, что трансгуманизм, по мнению его апологетов, является единственной возможностью создания общества всеобщего благополучия, не выдерживает критики. Если допустить тот факт, что цивилизация представляет собой искусственную среду, то трансгуманистическая парадигма оказывается выходом из кризиса, поскольку в данном случае его сущность состоит в том, что тело снова, как и в эпоху Средневековья, превращается в «темницу души», то есть происходит рассинхронизация стремительно развивающейся техносферы и «отстающего» от нее биосферного человека. Но цивилизация – это особая система, которая не мыслится вне естественных условий существования человека, поэтому телесность является фундаментальной основой, обуславливающей наличие и деятельность сознания.

Трансгуманизм как философское течение имеет право на жизнь, но вера в исключительно положительные последствия научно-технического прогресса призывает к осторожному и серьезному осмыслению его идей. Техника и технологии в настоящее время являются неотъемлемой частью современного общества и играют в нем важную роль, но не значит, что эта роль будет определяющей. Трансгуманисты акцентируют внимание на совершенствовании человека с помощью высоких технологий, игнорируя его биологические характеристики как одни из главных, позволяющие быть, а не казаться человеком. Предлагая путь к бессмертию, данная философия обращает нас к ситуации выбора: превратиться в бездушное существо, в не-человека, или остаться человеком. Такая дилемма недопустима в гуманизме, на преемственность которого претендует трансгуманистическое мировоззрение. Стоит добавить, что к нравственному, духовному развитию индивида трансгуманизм не обращается. «Мы сначала сконструируем другую, совершенно ни на что не похожую форму людей, а потом наделим ее новыми смыслами и ценностями», – так рассуждают его представители. Одной из главных проблем на сегодня в гуманитарных и социальных науках является установление границ научно-технических возможностей. Не случайно на рубеже XX–XXI веков появилась биоэтика, обратившая внимание на важность философской рефлексии по поводу достижений научного прогресса. Необходимо первоначально попытаться определить и проанализировать риски технологического прорыва, выявить проекты, представляющие наибольшую опасность

для человечества и задуматься над моральной составляющей прогресса, но не наоборот, как это предлагает сделать трансгуманизм.

Исходя из вышесказанного, трансгуманистическая идеология не может претендовать на непревзойденный и однозначный путь решения проблемы антропологического кризиса.

Список литературы

1. *Абрамов М. А.* Трансцендентализм и русский космизм: иммортализм и анастасис – культурно-исторические корни и научное мировоззрение // Московский Сократ: Николай Николаевич Федоров (1829–1903) : сб. науч. ст. Российской гос. библиотеки и др. М. : Академический проект, 2018. 912 с.
2. Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты : материалы Первой Всероссийской конференции в Белгороде / под ред. Д. И. Дубровского, С. М. Климовой. М., 2014. 352 с.
3. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под. ред. Д. И. Дубровского. М., 2013. 272 с.
4. *Кутырев В. А.* Как и куда сдвигается гуманитарная парадигма? // Философия и культура. М., 2009. № 10 (22). С. 9–16.
5. *Кутырев В. А.* Могущественный раб техноса... // Человек. М., 2006. № 4. С. 47–62.
6. *Кутырев В. А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб., 2015. 312 с.
7. Манифест Российского трансгуманистического движения // Российское трансгуманистическое движение. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8> (дата обращения: 23.11.2017).
8. Манифест стратегического общественного движения «Россия 2045» // Стратегическое общественное движение «Россия 2045». URL: <http://2045.ru/manifest> (дата обращения: 26.05.2018).
9. *Муза Д. Е.* Информационное общество: притязания, возможности, проблемы. Философские очерки / Д. Е. Муза. Днепропетровск, 2013. 144 с.
10. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего / В. Прайд, А. В. Коротаев. М., 2008. 320 с.
11. *Оттуа Ж.* Трансгуманизм – это гуманизм? // Человек. М., 2014. № 6. С. 46–53.
12. После человека. Идеология и пропаганда трансгуманизма в современном мире. Доклад русской экспертной школы / ред.-сост. В. А. Щипкова. М., 2018. 155 с.
13. Постчеловечество // Российское трансгуманистическое движение. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/43/47> (дата обращения: 26.08.2018).
14. Проекты стратегического общественного движения «Россия 2045». Аватар В (Ребрейн) // Стратегическое общественное движение «Россия 2045». URL: <http://2045.ru/project/rebrain> (дата обращения: 11.09.2018).
15. Проект 2045 – аватары. URL: <https://habr.com/ru/post/229023> (дата обращения: 17.01.2019).
16. Путь к нечеловечеству как основа идеологии партии «Эволюция 2045» // Стратегическое общественное движение «Россия 2045». URL: <http://2045.ru/articles/30840.html> (дата обращения: 12.10.2017).
17. Статья расой бессмертных – главная эволюционно-историческая задача человечества в III тысячелетии // Стратегическое общественное движение «Россия 2045». URL: <http://2045.ru/news/32900.html> (дата обращения: 05.09.2018).
18. *Харрис Дж.* Сканирование горизонта // Человек. М., 2002. № 3. С. 5–12.
19. *Хольм С.* Философские проблемы в оценке постчеловеческого будущего // Человек. М., 2016. № 4. С. 5–15.
20. Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / отв. ред. Г. Л. Белкина. М., 2012. 496 с.

Philosophical content of transhumanism in the context of the crisis of human nature

Yu. V. Zholobova¹, E. A. Schastlivceva²

¹master student of the Faculty of history, political sciences and cultural studies, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: juliazholobova1990@mail.ru

²Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of culturology, sociology and philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-2832-7748. E-mail: abcr@yandex.ru

Abstract. The article reveals the philosophical problems of transhumanist direction in the development of modern society. Transhumanism is considered as a new ideological paradigm associated with the restructuring of the entire space of society, and, first of all, the biological nature of man. However, this formulation of the question determines for philosophers insoluble problems of life and death of the human race and the possibility

of transformation of man as such. However, if you delve deeper into the essence of this new direction, it becomes clear that transhumanism is a philosophy of hidden deception. And the problem of overcoming the anthropological crisis by the supposed transhumanists disappears by itself when we open such opportunities as the transfer of consciousness of the individual to an electronic medium, the revival of people after their freezing, etc. All this threatens not only the very change in the biological nature of mankind, but also the much deeper problems of stratification of society itself, its division into "pleasing" and "objectionable", "elite" and those who are not included in it. But the most important thing is that all these ideas are presented under the guise of a good cause, seasoned with a humanistic ideology, which in reality is the opposite of the humanistic orientation, fraught with a threat to the survival of mankind as a whole.

The article reveals the content of transhumanistic ideas, their global danger for modern society and the individual. The anti-human sides of this direction are revealed; its main postulates and global projects, such as "Avatar", are debunked, the purpose of which is to form an alternative carrier of consciousness of the personality by abandoning its own identity – new beings endowed with intelligence. In addition, the article examines the prospects of society, which embodies the ideals of transhumanism, which finally brings the line under the utopianism of this form of ideology. Moreover, transhumanism does not address the moral and spiritual development of individuals at all.

Keywords: transhumanism, antihumanism, modern technologies, transformation of human nature, human immortality.

References

1. Abramov M. A. *Transcendentalizm i russkij kosmizm: immortalizm i anastasis – kul'turno-istoricheskie korni i nauchnoe mirovozzrenie* [Transcendentalism and Russian cosmism: immortalism and anastasis – cultural and historical roots and scientific worldview] // *Moskovskij Sokrat: Nikolaj Nikolaevich Fedorov (1829–1903) : sb. nauch. st. Rossijskoj gos. biblioteki i dr.* – Moscow Socrates: Nikolay Nikolaevich Fedorov (1829–1903) : coll. scient. art. of Russian State Library and others : Academic project. 2018. 912 p.
2. *Global'noe budushchee 2045: Antropologicheskij krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty : materialy Pervoj Vserossijskoj konferencii v Belgorode* – Global future 2045: Anthropological crisis. Convergent technologies. Transhumanist projects : materials of the First all-Russian conference in Belgorod / ed. D. I. Dubrovsky, S. M. Klimova. M. 2014. 352 p.
3. *Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaya evolyuciya* – Global future 2045. Convergent technologies (NBICS) and transhumanistic evolution / under ed. by D. I. Dubrovsky. M. 2013. 272 p.
4. Kutyrev V. A. *Kak i kuda sdvigaetsya gumanitarnaya paradigma?* [How and where is the humanitarian paradigm moving?] // *Filosofiya i kul'tura* – Philosophy and culture. M. 2009. No. 10 (22). Pp. 9–16.
5. Kutyrev V. A. *Mogushchestvennyj rab tekhnosa...* [Powerful slave of technos...] // *Chelovek – Man*. M. 2006. No. 4. Pp. 47–62.
6. Kutyrev V. A. *Poslednee celovanie. Chelovek kak tradiciya* [The last kiss. People as a tradition]. SPb. 2015. 312 p.
7. *Manifest Rossijskogo transgumanisticheskogo dvizheniya* – Manifesto of the Russian transhumanist movement // *Rossijskoe transgumanisticheskoe dvizhenie* – Russian transhumanist movement. Available at: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/10/8> (date accessed: 23.11.2017).
8. *Manifest strategicheskogo obshchestvennogo dvizheniya "Rossiya 2045"* – Manifesto of the strategic public movement "Russia 2045" // *Strategicheskoe obshchestvennoe dvizhenie "Rossiya 2045"* – Strategic public movement "Russia 2045". Available at: <http://2045.ru/manifest> (date accessed: 26.05.2018).
9. Muza D. E. *Informacionnoe obshchestvo: prityazaniya, vozmozhnosti, problemy. Filosofskie ocherki* [Information society: claims, opportunities, problems. Philosophical essays] / D. E. Musa. Dnepropetrovsk. 2013. 144 p.
10. *Novye tekhnologii i prodolzhenie evolyucii cheloveka? Transgumanisticheskij proekt budushchego* – New technologies and the continuation of human evolution? Transhumanist project of the future / V. Praid, A. V. Korotaev. M. 2008. 320 p.
11. Ottua Zh. *Transgumanizm – eto gumanizm?* [Transhumanism is humanism?] // *Chelovek – Man*. M. 2014. No. 6. Pp. 46–53.
12. *Posle cheloveka. Ideologiya i propaganda transgumanizma v sovremennom mire. Doklad russkoj ekspertnoj shkoly* – After the man. Ideology and propaganda of transhumanism in the modern world. Report of the Russian expert school / ed.-comp. V. A. Shipkova. M. 2018. 155 p.
13. *Postchelovechestvo* – Post-humanity // *Rossijskoe transgumanisticheskoe dvizhenie* – Russian transhumanist movement. Available at: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/43/47> (date accessed: 26.08.2018).
14. *Proekty strategicheskogo obshchestvennogo dvizheniya "Rossiya 2045". Avatar V (Rebrejn)* – Projects of the strategic public movement "Russia 2045". Avatar V (Rebrain) // *Strategicheskoe obshchestvennoe dvizhenie "Rossiya 2045"* – Strategic social movement "Russia 2045". Available at: <http://2045.ru/project/rebrain> (date accessed: 11.09.2018).

15. *Proekt 2045 – avatary* – Project 2045 – avatars. Available at: <https://habr.com/ru/post/229023> (date accessed: 17.01.2019).

16. *Put' k neochelovechestvu kak osnova ideologii partii "Evolyuciya 2045"* – The path to neoclasicismo as the basis of the ideology of the party "Evolution 2045" // *Strategicheskoe obshchestvennoe dvizhenie "Rossiya 2045"* – Strategic social movement "Russia 2045". Available at: <http://2045.ru/articles/30840.html> (date accessed: 12.10.2017).

17. *Stat' rasoj bessmertnyh – glavnaya evolyucionno-istoricheskaya zadacha chelovechestva v III tysyachetii* – Become a race of Immortals is the main evolutionary and historical task of mankind in the III Millennium // *Strategicheskoe obshchestvennoe dvizhenie "Rossiya 2045"* – Strategic social movement "Russia 2045". Available at: <http://2045.ru/news/32900.html> (date accessed: 05.09.2018).

18. *Harris Dzh. Skanirovanie gorizonta* [Scanning the horizon] // *Chelovek – Man*. M. 2002. No. 3. Pp. 5–12.

19. *Hol'm S. Filosofskie problemy v ocenke postchelovecheskogo budushchego* [Philosophical problems in the evaluation of the posthuman future] // *Chelovek – Man*. M. 2016. No. 4. Pp. 5–15.

20. *Chelovek i ego budushchee: Novye tekhnologii i vozmozhnosti cheloveka* – Man and his future: New technologies and possibilities of man / resp. ed. G. L. Belkina. M. 2012. 496 p.

Экостратегии конструирования человека

С. А. Зубков

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения,
Владимирский государственный университет. Россия, г. Владимир. E-mail: sazubkov@bk.ru

Аннотация. Благодаря экофильному конструированию человек способен минимизировать влияние на природу и даже решить глобальные проблемы, в том числе проблему экологического кризиса. С другой стороны, «конструирование» человека в рамках трансгуманизма в современном обществе, совмещенное с технократизмом, гедонизмом и экофобностью, не позволяет улучшить качество жизни. Актуальность исследования имеет три измерения. Теоретический аспект заключается в недостаточной проработке философии экологии, экофильного и экофобного индикаторов развития цивилизации. Практический аспект связан с необходимостью обеспечения благоприятной среды обитания в России. Цивилизационная значимость работы касается глобальной устойчивости развития человечества. Цель статьи – изучить взаимодействие экофильной и экофобной стратегии конструирования человека и общества. Предмет исследования: биоэтический образ человека. Результаты исследования: 1) критически проанализированы трансгуманизм и технократизм; 2) поставлен вопрос о корреляции психического здоровья и экологии; 3) разрабатывается теория качества жизни. В выводной части постулируется необходимость приближения к экофильному идеалу развития человека и цивилизации. Область применения результатов: социальная философия, урбанистика, теория устойчивого развития. Взаимодействие и взаимопроникновение научных, философских и религиозных взглядов позволяет расширить и обогатить опыт взаимодействия человека и природы и тем самым способствует формированию духовной и экологической культуры личности. Когда человек принимает на себя ответственность за природу, то он овладевает экологической культурой. Религиозная культура облагораживает науку нравственными ценностями, тем самым способствуя ее гармонизации и совершенствованию человека экофильного типа. Творческое использование экофильных традиций в целях развития конструктивного социокультурного ноосферного диалога между ними выступает ресурсом выхода на новые цивилизационные пути развития.

Ключевые слова: конструирование человека, трансгуманизм, гуманистический психоанализ, экофильность, качество жизни.

Проблема конструирования и совершенствования человека не нова, но при этом является значимой и важной на сегодняшний день. В философских и научных концепциях до XX века все измерялось в рамках классической рациональности. Великие философы-моралисты, Конфуций и Сократ, Спиноза и Кант, созидали образ человека, обладающего классическими моральными ценностями, универсальными ценностями. Неклассическая модальность науки и философии внесла свои коррективы в понимание совершенствования человека [2; 11].

Гуманитарная мысль открыла для себя горизонты иррационального. Проблемы «либидо», «сублимации», «воли к власти» перенаправили вектор конструкционизма человека. То, что раньше являлось совершенствованием, стало трансформациями иного рода. Конструкция человека классического времени в современном понимании уже иная, она во многом изжила себя, поэтому мы вправе говорить о современном человеке в рамках его «конструирования» и «совершенствования», в его отрицательном изменении, ложном преобразовании его природы. Как может измениться природа человека, можно только предполагать и прогнозировать, и футурология создает различные варианты трансформации человека, отдельные аспекты которых являются предметом данного исследования. Цель данной работы состоит в выявлении проблемы «конструирования», «совершенствования» современного человека.

Задачи данной работы: 1) разграничить классическое понимание совершенствования человека и «совершенствование» его природы в настоящем; 2) раскрыть различные векторы развития идеи конструирования человека; 3) выявить различие между экофобностью и экофильностью для понимания проблемы конструирования человека.

В данной работе предпринимается попытка осмыслить совершенствование человека в его классической рациональности на примере экофильности и его апгрейд в рамках подходов экофобности, трансгуманизма, биотехнологических мутаций и ряда других концепций [1; 20].

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в осмыслении путей развития современной техногенной цивилизации, в понимании существующего водораздела между естественнонаучной и гуманитарной картиной мира и выявлении значимости междисциплинарного знания, интегрирующего этику и «живое» естествознание.

Методологическая основа исследования базируется, прежде всего, на ряде трудов современных отечественных специалистов в области биоэтики, экологической этики, глобалистики, футурологии, социальной экологии [6; 7]. Среди них выделяются следующие персоналии: В. А. Кутырев, А. А. Горелов, П. Д. Тищенко, И. В. Демин, В. А. Лось, А. Д. Урсул, А. И. Субетто, А. В. Турчин, С. В. Криницин и ряд других. Благодаря анализу работ данных авторов можно приступить к раскрытию содержания и достижению цели и задач работы.

Одним из векторов «конструирования» человека является трансгуманизм. Человек будущего, «трансчеловек», превращающийся в «постчеловека», согласно концепции трансгуманизма, должен кардинально «конструироваться» и «совершенствоваться». Расширение возможностей и границ современного человека благодаря передовым технологиям позволяет приблизиться к важным и нужным трансформациям. Во-первых, вектор конструирования и трансформации направлен на изменения генома человека. Футурологи «конструируют» человека будущего в его комплексе неограниченных возможностей. Достижение бессмертия путем применения биогенетических технологий – одна из важнейших трансформаций, позволяющих преодолеть биологическую обусловленность человека [4].

В. А. Кутырев как исследователь проблемы трансгуманизма критически оценивает подходы этого учения [5]. Он рассматривает распространяющиеся тенденции «совершенствования» как деконструкцию пола и умирание любви в техническом мире. Он считает ошибочным понимание корреляции Фрейдом всех возвышенных духовных чувств человека, таких как любовь, сострадание, эстетическое восхищение с полом и сексуальностью человека. Чтобы понять всю глубину заблуждения конструирования нового человека трансгуманистами, профессор Кутырев обращает наше внимание на гениальные труды Фромма на эту тему.

Работы Эриха Фромма, действительно, блестящи. Одна из ведущих тем Фромма – это рассуждение об острых и злободневных проблемах формирования здорового общества. Размышляя о взаимоотношении человека с природой, автор заявляет о необходимости выявления новых возвышенных конфигураций единения с природой и другими живыми организмами [17; 18].

Если Фрейд под главными силами, управляющими человеческими страстями и желаниями, видел либидо, то Фромм обнаруживает иные концептуальные смыслы, под общим названием гуманистического психоанализа. По мнению Фромма, на человеческое поведение первостепенное влияние оказывают характеристики его собственного существования и его положение в обществе. Именно через анализ потребностей человеческого существования должно происходить осмысление психики человека.

Психическое здоровье человека напрямую коррелирует с потребностью духовной близости и пониманием единства всего живого. Под этой потребностью Фромм понимает вечное и необходимое чувство любви. Благодаря любви, человек возвышается над своей оторванностью от мира и других людей. На основе любви возможна продуктивная ориентация через поиск творческой мысли и обретение гармонии с собой, людьми и природной средой. Через переживание любви человек находит высший ответ на проблему собственного бытия, обретая тем самым душевное здоровье.

В гуманистическом психоанализе обращается внимание на важное положительное чувство счастья. В современном обществе счастье в лучшем случае понимается как удовольствие. Однако настоящее понимание заключается в том, что счастье – это комплекс чувственных мотивов, связанный с усилением глубинных личностных усилий индивида к возвышению своего сознания, жизненной силы. Поэтому подлинное счастье отсутствует во внутренней пассивности, в потребительстве.

Фромм определяет человеческое существование в двух формах – модусах: обладании и бытии. Каково положение экофильности в связи с этими модусами? С чем устанавливается связь экофильного человека? Фромм задается важным вопросом: можно ли обладать любовью? Любовь на основе обладания из-за мотивации контроля объекта зажимает и угнетает, не позволяет выражению его творческого потенциала, воодушевлению его жизненных сил. По Фромму данное слово «любовь» здесь не к месту. То есть в этом случае дается лишь пародия на любовь, но по большому счету указывает на противоположное значение. Поэтому в модусе об-

ладания любовь фактически не проявляется, здесь нет места экофильности, а, наоборот, эта форма ассоциируется с экофобностью. Жесткий контроль, жестокость, насилие и другие фобии по отношению к природе и человеку не порождают биоцентрическую позицию.

В модусе бытия Фромм сравнивает любовь с божеством. Любовь есть активное начало, воплощающее в себе проявление заботы и радости по отношению к дорогому существу, отсутствие безразличия, включение всех жизненных способностей понимания и неподдельного интереса. Любить – значит побуждать к жизни, сопереживать, волноваться за кого-то и в то же время находиться в состоянии «самовозрождения и самообновления».

Именно в сфере подлинного бытия проявляется экофильность. Согласно позиции Фромма, любовь продуктивна, то есть должна иметь свои плоды в виде заботы, ответственности, уважения и знания. Любовь лишена безразличия, побуждающая думать и развиваться, а также в чем-то сакральна. Любящий природу человек меняется сам, конструируется с целью быть полезным и понятным в окружающей его действительности.

Конструирование человеческой природы тесно связано с проблемой качества жизни. Качество жизни включает в себя ряд необходимых для существования человека условий. Современный человек конструируется в целях повышения своего социального статуса. Тем самым он стремится найти высокооплачиваемую работу для удовлетворения своих жизненных потребностей [8].

Поведенческое начало человека вызывает его естественную мотивацию к улучшению качественных характеристик своей жизни. Поиск комфортной жизни исходит из желания человека обретения лучших условий существования. Препятствиями к достижению высокого уровня качества жизни являются крайности гедонистических установок, технократических тенденций и экофобных деструктивных поступков человека. В частности, условия жизни человека в загрязненной среде никак не назовешь комфортными.

Исследователь данной важной социальной проблематики А. И. Субетто раскрывает тесную взаимосвязь показателей качества жизни от существующего устройства общества. Если мы анализируем капитализм, то здесь первостепенным для человека является активное потребление материальных благ и получение элементарных телесных удовольствий. При капитализме чем больше и разнообразнее материальное потребление человека, тем выше его уровень и качество жизни. Все зависит от величины денежных ресурсов, и потребности более высокого порядка не имеют такой значимости.

Один из сторонников экофильного развития человечества Аурелио Печчеи призывает к всеобъемлющей внутренней перестройке человека, универсализации его гармонической связи с природой. То есть нужно начинать с самого человека и конструирования им своего экофильного сознания в деле стабилизации экологической ситуации в мире.

В связи с воздействием на человека трансформирующихся экологических факторов окружающей среды и возрастанием степени еще большего влияния экологических факторов информационной среды так важна в современных условиях перспектива формирования экологического общества, оптимально управляющего своим устойчивым развитием [12; 13]. При этом глобальная устойчивость зависит от равномерного распределения ресурсов в виде финансов, образования, трудового капитала, т. к. в условиях противостояния Север-Юг и Запад-Восток развивающиеся страны представляют причудливую смесь в виде высоких экологических идеалов и самых уродливых экологических проблем [9; 10; 14].

Экофильность-экофобность, коррелирующая с религией, раскрывается в работах В. А. Лось, А. Д. Урсул, П. Д. Тищенко, О. Е. Казьминой, посвященных современным проблемам устойчивого развития [3; 15]. Исследователи проблемы указывают на доминанту религии в развитии общества. Буддизм, джайнизм, даосизм, синтоизм представляют наиболее яркие религии экофильного типа. Примеры совершенствования человека по отношению к природе под влиянием данных религиозных систем являются иллюстрацией положительного экофильного воздействия религии на изменение человека. Здоровье человека рассматривается как один из нормативных показателей успешного природопользования.

Таким образом, проблема исследования конструирования и совершенствования человека позволяет приблизиться к классическому и неклассическому пониманию этих подходов. В классической рациональности человек с этической точки зрения по-настоящему совершенствовался, не было еще влияния глобальных проблем. В связи с ростом потребностей в человеческом обществе менялся и образ самого человека, его природа трансформировалась и приобретала все новые экофобные черты. Почему мы вправе говорить сейчас о современном

человеке в рамках его «конструирования» и «совершенствования», фактически его деградации, особенно нравственной? В связи с тем, что в большинстве своем «совершенствование» и «конструирование» человека граничит с алогизмами, аморальностью и бездушием не только по отношению к своей собственной жизни, но и окружающей природе. Биоэтические и экологические проблемы приближают исследователя к пониманию человека экофильного типа, способного совершенствоваться на благо других и самого себя [16; 19].

Таким образом, значимость подлинного совершенствования человека в экологическом смысле приобретает все большую актуальность сегодня. Экологические ценности становятся для людей все более важными. Современный человек воспринимает необходимость экологической безопасности для собственной жизни. Духовные и материальные изменения в обществе, прежде всего в развитых странах, создали представления в индивидуальном сознании о высоком качестве жизни, которое ассоциируется теперь и с экологической чистотой среды жизни. Поэтому в настоящее время сложились не только условия, но и острая необходимость популяризации экологической культуры экофильности.

Список литературы

1. Демин И. В. Русский космизм в перспективе трансгуманизма : монография / И. В. Демин. Самара : Глагол, 2014. 208 с.
2. Зубков С. А. Прогнозирование развития экофильного сознания // Электронный научный журнал. 2016. № 5 (8). С. 200–203.
3. Казьмина О. Е. Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. 304 с.
4. Криницин С. В. Между двух экологий. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. 108 с.
5. Кутырев В. А. Философия трансгуманизма. Нижний Новгород : Нижегородский университет, 2010. 85 с.
6. Лопатин П. В., Карташова О. В. Биоэтика. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. 272 с.
7. Мангасарян В. Н. Экологическая культура общества. СПб. : Балт. гос. техн. ун-т, 2009. 112 с.
8. Субетто А. И. Сочинения. Ноосферизм : в 13 т. Т. 8. Квалитативизм: философия и теория качества, квалитология, качество жизни, качество человека и качество образования. Книга 1 / под ред. Л. А. Зеленова. СПб ; Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. 392 с.
9. Тимощук А. С. Глобальное и локальное в экологическом сознании вриндаванской общины Индии // Ноосферные исследования. 2017. № 2 (18). С. 54–75.
10. Тимощук А. С. Экология мест паломничества стран третьего мира на примере Ваджа в Индии // Паломничество и религиозный туризм: многообразие интерпретаций : сб. научных статей / отв. ред. И. Е. Викулов. Владимир : ВлГУ, 2011. С. 187–194.
11. Тимощук А. С. Экологическая безопасность посттоталитарного общества // Экологическая безопасность России в XXI веке : материалы всероссийской научно-практической конференции, 25–26 мая 2006 года / под общ. ред. д. ю. н. Ф. Б. Мухаметшина. Уфа : УЮИ МВД России, 2006. С. 20–21.
12. Тимощук А. С. Экологическая системогенетика этики и права // Владимир Иванович Вернадский и Лев Николаевич Гумилев: Великий Синтез творческих наследий : коллектив. науч. моногр. : междунар. науч. конф. (27–28 сентября 2012 г.). СПб. : Астерион. С. 485–488.
13. Тимощук А. С. Экологическая системогенетика права // Философско-антропологические исследования : науч.-теор. гуманитар. журнал. Выпуск 1–2. Курск : Изд-во КГУ, 2008. С. 11–15.
14. Тимощук А. С. Экология в ведической культуре // Законы экологической сферы общества : материалы VIII-ой Международной ярмарки идей, 33 Академ. симпозиума. Н. Новгород : Изд. Гладкова О. В., 2005. С. 223–224.
15. Тищенко П. Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб. : МІръ, 2011. 328 с.
16. Турчин А. В., Батин М. А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 290 с.
17. Фромм Э. Здоровое общество. М. : АСТ, 2009. 539 с.
18. Фромм Э. Иметь или быть? М. : АСТ, 2011. 314 с.
19. Экософия права / С. В. Шефель, Т. И. Бургарт, В. А. Захарова, С. И. Якимова. Симферополь, 2016. 378 с.
20. Эстулин Д. Трансэволюция. Эпоха разрушения человека. Предисловие А. И. Фурсов. М. : Книжный мир, 2015. 352 с.

Environmental strategy of the design of human

S. A. Zubkov

PhD of Philosophical Sciences, associate professor at the Department of philosophy and religious studies,
Vladimir State University. Russia, Vladimir. E-mail: sazubkov@bk.ru

Abstract. Thanks to ecophilic design, man is able to minimize the impact on nature and even solve global problems, including the problem of ecological crisis. On the other hand, the "construction" of man within the framework of transhumanism in modern society, combined with technocratism, hedonism and ecophobia, does not improve the quality of life. The relevance of the study has three dimensions. The theoretical aspect is a lack of elaboration of the philosophy of ecology, ecophilia and ecophobia indicators of the development of civilization. The practical aspect is related to the need to ensure a favorable living environment in Russia. The civilizational significance of the work concerns the global sustainability of human development. The purpose of this article is to study the interaction of ecophilia and ecophobia strategy and design of man and society. Subject of research: bioethical image of man. The results of the study: 1) transhumanism and technocratism are critically analyzed; 2) the question of the correlation of mental health and ecology is raised; 3) a theory of quality of life is developed. In the output part of the necessity of approaching to the ecophilia ideal of human development and civilization. Application of the results: social philosophy, urbanism, theory of sustainable development. Interaction and interpenetration of scientific, philosophical and religious views allow to expand and enrich the experience of interaction between man and nature and thus contribute to the formation of spiritual and environmental culture of the individual. When a person takes responsibility for nature, he or she acquires ecological culture. Religious culture ennobles the science of moral values, thereby contributing to its harmonization and improvement of human of ecophilia type. Creative use of ecophilia traditions in the development of social and cultural noospheric constructive dialogue between them acts as a resource for entering new civilizational path of development.

Keywords: designing of a person, transhumanism, humanistic psychoanalysis, ecophilia, quality of life.

References

1. Demin I. V. *Russkij kosmizm v perspektive transgumanizma : monografiya* [Russian cosmism in the perspective of transhumanism : monograph] / I. V. Demin. Samara. Glagol. 2014. 208 p.
2. Zubkov S. A. *Prognozirovanie razvitiya ekofil'nogo soznaniya* [Prediction of the development of ecophilic consciousness] // *Elektronnyj nauchnyj zhurnal – Electronic scientific journal*. 2016. No. 5 (8). Pp. 200–203.
3. Kaz'mina O. E. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' i novaya religioznaya situaciya v Rossii: etnokonfessional'naya sostavlyayushchaya problema* [Russian Orthodox Church and the new religious situation in Russia: the ethno-confessional component of the problem]. M. Publ. of Moscow University. 2009. 304 p.
4. Krinichin S. V. *Mezhdru dvuh ekologij* [Between two ecologies]. Ekaterinburg. Bank of cultural information. 2009. 108 p.
5. Kutyrev V. A. *Filosofiya transgumanizma* [Philosophy of transhumanism]. Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod University. 2010. 85 p.
6. Lopatin P. V., Kartashova O. V. *Bioetika* [Bioethics]. M. GEOTAR-Media. 2010. 272 p.
7. Mangasaryan V. N. *Ekologicheskaya kul'tura obshchestva* [Ecological culture of society]. SPb. Balt. State Tech. University. 2009. 112 p.
8. Subetto A. I. *Sochineniya. Noosferizm : v 13 t. T. 8. Kvalitativizm: filosofiya i teoriya kachestva, kvalitologiya, kachestvo zhizni, kachestvo cheloveka i kachestvo obrazovaniya* [Works. Noospherism. In 13 vols. Vol. 8. Qualitativizm: philosophy and theory of quality, quality, quality of life, human quality and the quality of education]. Book 1 / ed. L. A. Zelenov. SPb., Kostroma. KSU n.a. N. A. Nekrasov. 2009. 392 p.
9. Timoshchuk A. S. *Global'noe i lokal'noe v ekologicheskom soznanii vrindavanskoj obshchiny Indii* [Global and local in environmental consciousness of the Vrindaban community of India] // *Noosfernye issledovaniya – Noosphere researches*. 2017. No. 2 (18). Pp. 54–75.
10. Timoshchuk A. S. *Ekologiya mest palomnichestva stran tret'ego mira na primere Vradzha v Indii* [Ecology of places of pilgrimage of the third world countries on the example of Vraja in India] // *Palomnichestvo i religioznyj turizm: mnogoobrazie interpretacij : sb. nauchnyh statej – Pilgrimage and religious tourism: variety of interpretations : collection of scientific articles / resp. ed. I. E. Vikulov*. Vladimir. Vladimir State University. 2011. Pp. 187–194.
11. Timoshchuk A. S. *Ekologicheskaya bezopasnost' posttotalitarnogo obshchestva* [Ecological safety of post-totalitarian society] // *Ekologicheskaya bezopasnost' Rossii v XXI veke : materialy vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 25–26 maya 2006 goda – Ecological safety of Russia in the XXI century : materials of the all-Russian scientific-practical conference, May 25–26, 2006 / under the general ed. of doctor of Legal Sciences F. B. Muhametshin*. Ufa : ULI of Ministry of internal Affairs of Russia. 2006. Pp. 20–21.
12. Timoshchuk A. S. *Ekologicheskaya sistemogenetika etiki i prava* [Ecological systemogenesis of ethics and law] // *Vladimir Ivanovich Vernadskij i Lev Nikolaevich Gumilev: Velikij Sintez tvorcheskih nasledij : kollektivnaya*

nauchnaya monografiya : mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya (27–28 September 2012). SPb. Asterion. Pp. 485–488.

13. Timoshchuk A. S. *Ekologicheskaya sistemogenetika prava* [Ecologic systemogenesis of law] // *Filosofsko-antropologicheskie issledovaniya : nauch.-teor. gumanit. zhurnal* – Philosophical and anthropological studies : scientific-theor. humanit. magazine. Issue 1–2. Kursk. KSU. 2008. Pp. 11–15.

14. Timoshchuk A. S. *Ekologiya v vedicheskoy kul'ture* [Ecology in Vedic culture] // *Zakony ekologicheskoy sfery obshchestva : materialy VIII-oy Mezhdunarodnoj yarmarki idej, 33 Akadem. simpoziuma* – Laws of ecological sphere of society : materials of the VIII International fair of ideas, 33 Academic symposium. N. Novgorod : Gladkov O. V. 2005. Pp. 223–224.

15. Tishchenko P. D. *Na granyah zhizni i smerti: filosofskie issledovaniya osnovanij bioetiki* [On the edges of life and death: philosophical studies of the foundations of bioethics]. SPb. Mir. 2011. 328 p.

16. Turchin A. V., Batin M. A. *Futurologiya. XXI vek: bessmertie ili global'naya katastrofa?* [Futurology. XXI century: immortality or global catastrophe?] M. BINOM. Knowledge laboratory. 2014. 290 p.

17. Fromm E. *Zdorovoe obshchestvo* [Healthy society]. M. AST. 2009. 539 p.

18. Fromm E. *Imet' ili byt'?* [To have or to be?] M. AST. 2011. 314 p.

19. *Ekocofiya prava – Ecosophy of law* / S. V. Shepel, T. I. Burgart, V. A. Zakharova, S. I. Yakimova. Simferopol. 2016. 378 p.

20. Estulin D. *Transevolyuciya. Epoha razrusheniya cheloveka* [Transevolution. The era of human destruction]. Preface by A. I. Fursov. M. Book world. 2015. 352 p.

Проблема взаимосвязи феномена симуляции бытия и концепций исключения антропоморфности пола

А. П. Корякина

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0003-3623-1583. E-mail: usr10580@vyatsu.ru

Аннотация. Проблема взаимосвязи теорий постгендерного общества и феномена симуляции (виртуализации) бытия в текущий момент времени обладает высокой степенью актуальности. По причине того, что отличия между феноменами подлинного и неподлинного в наши дни становятся все менее заметными в самых разнообразных сферах жизни человека, проблемы гендера, гендерной идентичности и гендерного самоопределения также не могут избежать воздействия данного смещения феноменов. Таким образом, концепции постгендерного общества являются хорошей иллюстрацией размывания границ между феноменами подлинного и неподлинного. Целью данной статьи является попытка проследить характер взаимосвязи тотальной симуляции бытия, поглотившей социокультурное пространство пост-постмодернистской парадигмы, и концепций исключения антропоморфности пола, породивших футурологические теории постгендерного общества. Ведущим подходом в рамках данного исследования является системный подход в его непосредственной связи с диалектическим методом. Методом изучения проблемы является также анализ текстов. Основные выводы: современные концепции постгендерного общества не могли бы существовать без идей, связанных с исключением антропоморфности пола, предложенных философией постструктурализма; концепции исключения антропоморфности пола в рамках пост-постмодернистской парадигмы напрямую связаны с феноменом тотальной симуляции бытия, являющейся яркой чертой современной эпохи; вопрос о том, ведут ли концепции постгендерного общества к воплощению идеалов свободы, провозглашенных в рамках постмодернистской парадигмы, или к диктату неразличимости и несвободе, остается пока открытым. Результаты работы могут быть использованы в широком спектре междисциплинарных исследований (гендерные исследования, футурология, киберфеминизм).

Ключевые слова: антропоморфный пол, гендер, постгендеризм, симулякры, трансгуманизм.

Проблема взаимосвязи феномена симуляции бытия, ярко проявляющего себя в современном социокультурном пространстве, и концепций, связанных с исключением антропоморфности пола, исследуется в рамках данной статьи через анализ текстов авторов, принадлежащих к разным направлениям и школам философии, но объединенных тем не менее общим полем. Сразу стоит отметить, что теории постгендерного общества, ставшие довольно популярными в последние годы, имеют своим истоком постструктуралистские идеи, в том числе непосредственно концепцию Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Проблема виртуализации бытия и ее влияния на общество, в том числе в его гендерном срезе, интересовала и Ж. Бодрийяра, С. Жижека, а также других исследователей, упоминаемых в данной работе. Нельзя избежать при исследовании этой темы и текстов, связанных с феминизмом, так как, к примеру, Д. Харауэй не просто ввела в обиход термин постгендеризм, но и оказала огромное влияние на само явление киберфеминизма. Также в статье используются ссылки и на работу С. де Бовуар, ставшей одной из основополагающих феминистских работ.

Итак, проблема взаимосвязи постгендерных теорий и феномена виртуализации бытия в текущий момент обладает высокой степенью актуальности. В наши дни процессы смещения феноменов подлинного и неподлинного ускоряются, а социокультурное пространство очень быстро виртуализируется, так как постоянно находится под влиянием симуляции. В эру диктата массовых коммуникаций тема, связанная с вопросами подлинности, становится одной из ведущих тем в рамках социогуманитарных исследований. По причине того, что отличия между феноменами подлинного и неподлинного становятся все менее заметными в самых разнообразных сферах жизни современного человека, проблема гендера и гендерной идентичности также не могла избежать воздействия данного смещения феноменов. Дело в том, что сейчас процессам симуляции подчиняется любое явление, принадлежащее социокультурному про-

странству пост-постмодернистской парадигмы. В этом смысле концепции постгендерного общества являются хорошей иллюстрацией смешения подлинного и неподлинного. К примеру, если есть огромное количество разнообразных гендерных идентичностей, то на какой из них стоит остановиться? Таким образом, в рамках данной статьи мы попытаемся ответить на важный, но при этом спорный вопрос – что воплощают концепции постгендерного общества: стремление к полному освобождению человека от власти половых особенностей или нивелирование любых различий, приведение к общему знаменателю и несвободе?

Целью данного исследования является попытка проследить характер взаимосвязи тотальной симуляции бытия, поглотившей современное социокультурное пространство, и концепций исключения антропоморфности пола. Задачи исследования: 1) определить философские основания взаимосвязи феномена виртуализации бытия и концепций исключения антропоморфности пола, выдвинутых еще в рамках постструктуралистской философии; 2) ответить на вопрос, являются ли концепции постгендерного общества прямыми наследниками идеи исключения антропоморфности пола; 3) попытаться дать ответ на вопрос, ведут ли концепции постгендерного общества к воплощению идеалов свободы или же, наоборот, к диктату неразличимости и утрате человеческой ментальности. Ведущим подходом в рамках данного исследования является системный подход в его непосредственной связи с диалектическим методом, что позволяет наиболее полно охватить проблематику исследования и дать максимально обширные ответы на поставленные выше вопросы. Также методом изучения проблемы взаимосвязи феномена симуляции бытия и концепций исключения антропоморфности пола является анализ текстов авторов, занимающихся теми или иными вопросами в рамках указанной темы.

Для того чтобы изложить основные результаты исследований, для начала необходимо обратиться к концепции смены трех парадигм, подробно рассмотренной автором в другой своей статье. Суть данной концепции в следующем: постмодернистская парадигма, выступавшая за свободно вырабатываемые сингулярностями смыслы в рамках хаосмоса, постепенно сменилась парадигмой пост-постмодернистской. Последняя же заменила хаосмос на виртуальную реальность (в широкой трактовке данного понятия), а свободу сингулярностей на несвободу симулякров, подчиняющихся власти симуляционных процессов. В перспективе возможна еще одна парадигма, лежащая уже за пределами человеческой ментальности, – парадигма пост-псевдомодернистская (или трансмодернистская), в которой не может ставиться вопрос о подлинном и неподлинном в принципе [8, с. 2508–2510]. И если в данном контексте говорить о таких понятиях, как антропоморфность пола и общество постгендеризма, то сразу же стоит попытаться распределить их по принадлежности к той или иной парадигме.

Постмодернистская парадигма, выступавшая, как уже было сказано выше, за свободное вырабатывание смыслов, имела также и особый взгляд на гендерные проблемы, не называя в тот момент данные проблемы именно так, но имея в виду, несомненно, их. Для этого обратимся к знаменитой работе Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения», в которой непосредственно рассматривается некое антропоморфное представление о поле: «То, что мы называем антропоморфным представлением, – это как мысль о том, что есть два пола, так и мысль о том, что есть только один пол» [5, с. 463]. Здесь Ж. Делез и Ф. Гваттари пытаются показать преимущества шизоанализа перед косным и буржуазным психоанализом, сводящим все к господству мужского пола. Но на этом они не останавливаются, отвергая далее и стандартное представление о двух полах – мужском и женском, пусть даже в каком-то смысле и равных друг другу. По этому поводу авторы говорят следующее: «Шизоанализ – это переменный анализ n полов в одном субъекте, отстраняющийся от антропоморфного представления о собственной сексуальности, навязываемого ему обществом. <...> Каждому – по собственному многообразию полов» [5, с. 465]. Здесь, во-первых, стоит отметить, что Ж. Делезом и Ф. Гваттари рассматривается именно социальное преломление представлений о поле, что относит их рассуждения к концепту «гендер», а не к чисто биологическому понятию «пол», а во-вторых, в приведенном тексте акцентируется внимание на воплощении полной свободы в выработке смыслов, что касается и гендерного сегмента. Если в каждой сингулярности заключено так называемое многообразие полов, значит, сингулярность свободна и не подчиняется бинарности женское/мужское, а бинарность, как известно, враг постструктуралистской философии, что заметно и в концепции исключения антропоморфности пола,

являющейся концепцией ризоматичной, а значит, соответствующей всем признакам ризомы: соединение и неоднородность, множественность, а-означающий разрыв, принцип картографии и декалькомании [6, с. 12–21]. Таким образом, концепции, имеющие так или иначе своим основанием исключение антропоморфности пола (а это и любые концепции постгендерного общества, так как их основная идея – исчезновение гендерных различий ввиду полного исчезновения гендеров), объединены общим истоком – постмодернистской парадигмой.

Здесь стоит отдельно отметить, что схожие идеи можно найти и в работе С. де Бовуар, исследующей целый спектр проблем, связанных с положением женщины. Текст С. де Бовуар имеет много переключений с размышлениями Ж. Делеза и Ф. Гваттари: критика последними фрейдистско-буржуазного общества, а значит, и отношения к полу, прекрасно соотносится с ее мыслями по поводу возвеличивания только одного из полов. К примеру, рассуждая о психоанализе, она пишет следующее: «...Фаллос приобретает такую ценность, потому что символизирует господство в других областях. Если бы женщине удалось утвердиться как субъекту, она изобрела бы эквиваленты фаллоса» [1, с. 80]. Собственно, критика психоанализа является общим местом в фемтеориях: это, к примеру, отмечает Г. Ламберт, подчеркивая, что «историческое противостояние между феминизмом и психоанализом является давней традицией и, в частности, может быть названо постоянной темой в рамках феминистского дискурса» [20]. Но борьба с психоанализом характерна и для Ж. Делеза, Ф. Гваттари. Таким образом, можно сказать, что в работе С. де Бовуар критикуется сложившееся представление о поле, которое, по мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, должно определяться как антропоморфное, но критикуется оно с несколько иной точки зрения, чем у авторов «Анти-Эдипа». Данная точка зрения все же еще не предполагает большого разнообразия «полов», а только предлагает сместить привычный взгляд на сложившуюся половую иерархию, объективизирующую и отчуждающую женщину, превращающую ее в нечто пассивное и совершенно несвободное. Сама же С. де Бовуар, говоря о женщине и ее положении, подчеркивает: «Мы считаем, что ей предоставлен выбор между утверждением своей трансцендентности и отчуждением в объекте; она не является игрушкой противоречивых импульсов» [1, с. 82], что еще раз показывает противоречие между идеями работы «Второй пол» и психоанализом. Таким образом, можно сделать вывод, что и С. де Бовуар, и Ж. Делез, Ф. Гваттари критикуют психоанализ за представление о поле, но если первая делает акцент именно на проблеме «второго пола», оставаясь в рамках антропоморфности, то последние выдвигают далеко идущую идею о принципиальной недостаточности двух полов, о чем подробно было сказано в предыдущем абзаце. Получается, что для более полного исследования концепций исключения антропоморфности пола следует обращаться также и к феминистским теориям: как новейшим, так и ставшим уже классическими.

Далее стоит снова вернуться к смене парадигм. Постмодернистская парадигма сменяется в итоге пост-постмодернистской парадигмой, имеющей также и другие названия (например, псевдомодернизм [18], метамодернизм [21]). Это парадигма виртуализации и эпохи симулякров самых высоких порядков, возникающая под влиянием новых технологий. Вопрос же о необходимости ввести новое слово для обозначения складывающейся парадигмы возник давно. К примеру, А. Кирби говорит о том, что «утверждение об окончании постмодернизма уже сделано исследователями» [19], а также связывает смерть постмодернизма с уходом Ж. Бодрийера еще в 2007 году. Можно сказать, что данная парадигма является попыткой воплощения идей постмодернизма на практике (в рамках реального социального пространства). Если в рамках постмодернистской парадигмы рассматривается в качестве идеала полное освобождение сингулярностей (от государства, буржуазной семьи, вообще всех принципов капиталистической системы), то пост-постмодернистская парадигма только на словах продолжает идти к освобождению, на деле же втягивая в новую несвободу – несвободу от процессов симуляции, становящихся тотальными. Примеры здесь просты: искажение личности под влиянием социальных сетей, искажение любой информации, создание инфоповодов из ничего, невозможность отличить истину от сфабрикованного события, которое никогда не существовало в реальности т. д. Собственно, на сцену выходит некая новая реальность, которую составляют понятия «медиареальность, медиасфера, медиаобразование, медиаискусство и медиакультура» [13], а также человек, становящийся коммуникантом, который «срачивается со средствами коммуникации и становится анонимным» [12].

Ж. Бодрийер в своих работах подробно рассматривает разнообразные феномены, присущие новой парадигме, применяя красочные примеры и яркие иллюстрации. Не обходит своим вниманием Ж. Бодрийер и гендерные вопросы, в которых также заметно воздействие

тотальности симуляции бытия. Здесь стоит привести его цитату, посвященную концепту «транссексуальность»: «Речь идет о маскараде, об игре, построенной на коммутации признаков пола, на половом безразличии в противовес той, прежней игре, что основывалась на половых различиях...» [3, с. 32]. Получается, там, где Ж. Делез и Ф. Гваттари видели различие и многообразие, Ж. Бодрийяр видит сочетание симулякров, неразличимость, слияние и несвободу. Значит, преодоление антропоморфности пола не ведет с необходимостью к утверждению различия и свободы. При этом Ж. Бодрийяр тоже критикует психоанализ, связывая его положения с разрастанием симуляции: «Формы симуляции настолько притерлись между собой, что уже ничто не может противостоять их взаимодействию, поэтому секс, любовь, соблазн, перверсия, порно – все это может сосуществовать в одном либидинальном диапазоне <...> с благословения психоанализа» [4, с. 143]. Если принимать позицию Ж. Бодрийяра и рассматривать концепции, связанные с многообразием гендерных идентичностей, через данную призму, то действительно может показаться, что данное разнообразие является разнообразием только внешним, так как симулякры не обладают индивидуальностью, а концепт транссексуальность, заменяющий у Бодрийяра в каком-то смысле понятие небинарности гендера, сам является симулякром: «...Когда один предмет точно подобен другому, он не похож на него точно, он подобен ему немного точнее. Сходства нет, оно больше, чем точность» [2]. Получается, транссексуальность входит в сферу гиперреальности. Но взгляды Ж. Бодрийяра на современность никогда не отличались особым оптимизмом, что стоит всегда учитывать.

В любом случае необходимо отметить, что исключение антропоморфного представления о поле, заявленное уже в контексте постмодернистской парадигмы, наиболее полное свое воплощение находит в пост-постмодернистской парадигме, тесно связанной с тотальностью симуляции, а также повсеместным распространением новых технологий и власти масс-медиа. Конкретный пример: в интернете мы можем быть кем угодно, несмотря на свои физические возможности и биологический пол, в нем гендерная идентичность может иметь самый широкий спектр и постоянно меняться по разным причинам. К тому же, как было отмечено Э. Брукман на примере текстовых чатов еще в 1992 году: «У участников причудливые имена персонажей, они могут обсуждать, а могут и не обсуждать свои реальные личности» [17], что, конечно же, касается и гендерной идентичности, которую также можно держать в тайне. Также Э. Брукман объясняет, почему в некоторых случаях пользователь меняет свой гендер в сети: «Излишнее внимание и сексуальные намеки создают дискомфортную атмосферу для женщин...», при этом «многие люди – и мужчины, и женщины – рады вниманию, уделяемому женским персонажам» [16]. Таким образом, смена гендера в некоторых случаях делает пребывание в сети более комфортным, а отношение других пользователей более дружелюбным.

Продолжая тему взаимодействия в интернете, стоит вспомнить и С. Жижека, утверждающего, что наши отношения с репрезентующим нас в сети персонажем двойственны: «... Приятно время от времени забыть собственное “я” и надеть симпатичную маску. <...> С другой стороны, экранная персона... может быть намного больше похожа на меня, чем мой образ из реальной жизни» [7, с. 236]. Если переносить данное утверждение на гендерную идентичность, то можно сказать следующее: меняя гендер в сети, субъект не всегда просто забывает свое Я, но и по разным причинам усиливает те гендерные черты, которые ему приходится прятать в жизни по эту сторону монитора. Таким образом, в отличие от мнения Ж. Бодрийяра, делающего акцент на симуляции, в некоторых случаях сетевая транссексуальность дает человеку определенную степень свободы. Но возникает еще один важный вопрос: только ли в интернете имеется возможность свободного гендерного самоопределения?

В этом месте, наконец, стоит рассмотреть понятие постгендеризм. Постгендеризм – концепция общества будущего без гендерных ролей и власти социальных институтов. Связь с исключением антропоморфного представления о поле, введенном в дискурс Ж. Делезом и Ф. Гваттари, здесь очевидна. Очевидно также, что постгендеризм подразумевает именно реальное внедрение идей исключения антропоморфности пола, а не только в виде размывания гендерной идентичности в рамках интернета вследствие разнообразных причин. Но сетевая эра пост-постмодернистской парадигмы с ее тотальностью симуляционных процессов все же не могла не оказать влияние на современное восприятие идей исключения антропоморфности пола. Стало быть, процессы симуляции затронули и концепции антиантропоморфности пола, что привело к возникновению постгендерных теорий. Данные теории продолжают развивать идеи постструктурализма об освобождении сингулярностей, формулируя их так: «Взаимообратимость противоположных идентификаций вводит открытое “множество мор-

физмов". Сложность идентификации и ее мобильность, вероятно, можно попробовать согласовать как право на вариации идентичности» [11]. Таким образом, свобода идентификации сингулярностей признается правом, а гендерная идентичность объявляется вариативной, причем непосредственно в реальном социальном пространстве, а не исключительно в его сетевом преломлении. Но в таком случае стоит задуматься, является ли человеческим обществом общество постгендеризма или это переход в уже новую парадигму – парадигму трансмодернистскую (пост-псевдомодернистскую)?

Стоит сказать, что пока в данном месте возникают непреодолимые разногласия между сторонниками и противниками постгендеризма, при этом деление здесь проходит не через дихотомию традиционалист/прогрессист, а захватывает в равной мере как тех, так и других. Дело в том, что, с одной стороны, человек в контексте постгендеризма освобождается от жесткой бинарности, чего и хотели добиться еще постструктуралисты, с другой стороны, он становится гибридом машины и организма, киборгом с совершенно другим типом мышления [14, с. 2–5]. И это уже не просто перевод научной фантастики на язык философии, так как «успехи в области биоинженерии <...> означают, что граница между органикой и механикой не столь непреодолима, как кажется» [15, с. 100]. А это значит, что общество постгендеризма, основанное на исключении антропоморфности пола, не является принципиально недостижимым, наоборот, материальных предпосылок для его воплощения становится все больше. Получается, человек также будет трансформироваться. Здесь стоит привести вопрос, заданный В. А. Кутыревым: «Однако правомерно ли считать эти “новые мыслящие существа” на самом деле существами и тем более отождествлять с человеком?» [9, с. 49]. Вопрос этот, связанный с разными вариантами воплощения трансгуманизма (сошлемся на определение, данное В. А. Кутыревым: «Трансгуманизм – относительно новое теоретическое движение <...>, обосновывающее необходимость “усовершенствования” традиционного человека, вплоть до замены его иной формой бытия и превращения в “постчеловека”» [10, с. 8]), в том числе и в формате постгендерного общества, является вопросом очень острым, а иногда даже болезненным. Сказать же пока можно только одно: если речь идет, в сущности, о нечеловеческом мышлении, то оно не обязано оперировать человеческими понятиями «свобода» и «несвобода», а это значит, что на данном уровне развития дискурса проблема освобождения сингулярностей в рамках постгендерного общества не разрешена и нуждается в дальнейшем изучении и уточнении в рамках междисциплинарных исследований.

Таким образом, представляется возможным сделать определенные выводы: 1) современные концепции постгендерного общества, принадлежащие пост-постмодернистской парадигме, не могли бы существовать без идей, связанных с исключением антропоморфности пола, предложенных в рамках постмодернистской парадигмы постструктуралистской философией. Основа у данных концепций одна: исключение бинарной оппозиции мужское/женское, стремление к многообразию и свободе самоопределения идентичности; 2) концепции исключения антропоморфности пола в своем пост-постмодернистском преломлении напрямую связаны с феноменом тотальной симуляции бытия, являющейся яркой чертой современной эпохи. Проследить данную связь очень легко: например, в интернете можно быть кем угодно, что касается и гендерного самоопределения. Но здесь стоит отметить, что концепции постгендерного общества предлагают идти дальше: необходимо в принципе преодолеть гендерный подход в реальности, тем самым добиться полного равенства всех, что корректируется развитием разнообразных биотехнологий, но здесь уже встает вопрос о киборгизации и исчезновении человека в привычном смысле этого слова; 3) теории постгендерного общества имеют тесную связь с концепциями трансгуманизма. Вопрос о том, ведут ли теории постгендеризма к воплощению идеалов свободы или к диктату неразличимости, остается пока открытым и требует дальнейших междисциплинарных исследований (киберфеминизм, квирфеминизм, весь массив гендерных исследований, футурология, виртуалистика в тесном союзе с психологией, психиатрией и т. д.), направленных на изучение перспектив изменения ментальности и воплощения совершенно иной парадигмы.

Список литературы

1. Бовуар С. Второй пол. Т. 1 и 2. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simula-cres_et_simulation.shtml (дата обращения: 08.02.19).
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 258 с.

4. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М. : РИПОЛ классик, 2017. 288 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. 672 с.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. 895 с.
7. Жижек С. Чума фантазий. Х. : Гуманитарный центр, 2012. 388 с.
8. Корякина А. П. Проблема встречи с Другим в условиях псевдомодернистской парадигмы // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017) : сб. статей Всерос. ежегод. науч.-практ. конф., 1–29 апреля 2017 г. Киров : Науч. изд-во ВятГУ, 2017. С. 2508–2518. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. Кутырев В. А. Бытие или ничто. СПб. : Алетейя, 2009. 496 с.
10. Кутырев В. А. Время Mortido. СПб. : Алетейя, 2012. 336 с.
11. Митрофанова А. Квир-феминизм как конструирование медиальных миров // КиберПедия. Информационный ресурс. URL: <https://cyberpedia.su/17x1783d.html> (дата обращения: 08.02.19).
12. Савчук В. В. Коммуникант – эпифеномен коммуникации // Центр медиафилософии. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_communicant (дата обращения: 08.02.19).
13. Савчук В. В. Неизбежность медиафилософии // Центр медиафилософии. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability (дата обращения: 08.02.19).
14. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.
15. Штайн О. А. Трансформация телесности в современном мире // Вестник Удмуртского университета. 2010. Серия 3. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 99–102.
16. Bruckman A. Gender Swapping On The Internet // Amy Bruckman's Papers. URL: <http://www.cc.gatech.edu/~asb/papers/gender-swapping.txt> (дата обращения: 08.02.19).
17. Bruckman A. Identity Workshop: Emergent Social and Psychological Phenomena in Text-Based Virtual Reality // Amy Bruckman's Papers. URL: <ftp://ftp.cc.gatech.edu/pub/people/asb/papers/identity-workshop.rtf> (дата обращения: 08.02.19).
18. Kirby A. The Death of Postmodernism And Beyond // Philosophy Now. A magazine of ideas. Nov/Dec 2006. Issue 58. URL: http://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (дата обращения: 08.02.19).
19. Kirby A. Time for a new «ism»? // Britain's Current Affairs & Politics Magazine. URL: <http://www.newstatesman.com/ideas/2007/03/end-movement-postmodernism> (дата обращения: 08.02.19).
20. Lambert G. «Create, she said»: Deleuze and Feminism (On Dorothea Olkowski's «Gilles Deleuze and the Ruin of Representation») // 2003 Gregg Lambert. URL: <http://www.jcrt.org/archives/04.2/lambert.shtml> (дата обращения: 08.02.19).
21. Vermeulen T., Akker van den R. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/jac.v2i0.5677?scroll=top&needAccess=true> (дата обращения: 08.02.19).

The problem of the relationship between the phenomenon of simulation of life and the concepts of exclusion of anthropomorphism of sex

A. P. Koryakina

PhD of Philosophical Sciences, associate professor in the Department of cultural studies,
sociology and philosophy, Vyatka State University. Russia, Киров.

ORCID: 0000-0003-3623-1583. E-mail: usr10580@vyatsu.ru

Abstract. The problem of interrelation between the theories of postgender society and the phenomenon of simulation (virtualization) of existence at the current time has a high degree of relevance. Due to the fact that the differences between the phenomena of genuine and non-genuine in our days are becoming less visible in a wide variety of spheres of human life, the problems of gender, gender identity and gender self-determination also can not avoid the impact of this mixture of phenomena. Thus, the concepts of postgender society are a good illustration of the blurring of the boundaries between the phenomena of the genuine and the non-genuine. The purpose of this article is an attempt to trace the nature of the relationship between the total simulation of life, which absorbed the socio-cultural space of the post-postmodern paradigm, and the concepts of exclusion of anthropomorphism of sex, which gave rise to the futurological theories of postgender society. The leading approach in this study is a systematic approach in its direct connection with the dialectical method. The method of studying the problem is also the analysis of texts. Main conclusions: modern concepts of postgender society could not exist without ideas related to the exclusion of anthropomorphism of sex, proposed by the philosophy

of poststructuralism; the concept of exclusion of anthropomorphism of sex in the post-postmodern paradigm is directly related to the phenomenon of total simulation of life, which is a bright feature of the modern era; the question of whether the concepts of post-gender society lead to the embodiment of the ideals of freedom proclaimed within the framework of the post-modern paradigm, or to the dictate of indistinguishability and non-freedom, remains open. The results can be used in a wide range of interdisciplinary studies (gender studies, futurology, cyberfeminism).

Keywords: anthropomorphic sex, gender, postgenderism, simulacra, transhumanism.

References

1. Beauvoir S. *Vtoroj pol* [The second sex]. Vol. 1 and 2. M. Progress; SPb. Alethea. 1997. 832 p.
2. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyaciya* [Simulacra and simulation]. Available at: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (date accessed: 08.02.19).
3. Baudrillard J. *Prozrachnost' zla* [Transparency of evil]. M. Dobrosvet. 2000. 258 p.
4. Baudrillard J. *Fatal'nye strategii* [Fatal strategies]. M. RIPOL classic. 2017. 288 p.
5. Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg. U-Faktoriya. 2008. 672 p.
6. Deleuze G., Guattari F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg. U-Faktoriya. M. Astrel. 2010. 895 p.
7. Zizek S. *Chuma fantazij* [Plague of fantasies]. H. Humanitarian centre. 2012. 388 p.
8. Koryakina A. P. *Problema vstrechi s Drugim v usloviyah psevdomodernistskoj paradigmy* [The problem of meeting with Another in the conditions of pseudo-modernist paradigm] // *Obshchestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2017) : sb. statej Vseros. ezhegod. nauch.-prakt. konf., 1-29 aprelya 2017 g.* – Society. Science. Innovation (SPC-2017) : collection of papers: all-Russia yearly science-pract. conf., 1-29 April 2017. Kirov. VyatSU. 2017. Pp. 2508-2518. 1 electron. opt. disc (CD-ROM).
9. Kutyrev V. A. *Bytie ili nichto* [Being or nothingness]. SPb. Alethea. 2009. 496 p.
10. Kutyrev V. A. *Vremya Mortido* [Mortido time]. SPb. Alethea. 2012. 336 p.
11. Mitrofanova A. *Kvir-feminizm kak konstruirovaniye medial'nyh mirov* [Queer feminism as design of the medial worlds] // *KiberPediya. Informacionnyj resurs – CyberPedia. Information resource.* Available at: <https://cyberpedia.su/17x1783d.html> (date accessed: 08.02.19).
12. Savchuk V. V. *Kommunikant – epifenomen kommunikacii* [Communicant – an epiphenomenon of communication] // *Centr mediafilosofii – Center of mediaphilosophy.* Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteka/articles/savchuk_communicant (date accessed: 08.02.19).
13. Savchuk V. V. *Neizbezhnost' mediafilosofii* [Inevitability of media philosophy] // *Centr mediafilosofii – Center of media philosophy.* Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteka/articles/savchuk_inevitability (date accessed: 08.02.19).
14. Haraway D. *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i socialisticheskij feminizm 1980-h* [Cyborg manifesto: science, technology and socialist feminism in the 1980s]. M. Ad Marginem Press. 2017. 128 p.
15. Stein O. A. *Transformaciya telesnosti v sovremennom mire* [Transformation of corporeality in the modern world] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2010. Seriya 3. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika.* – Herald of the Udmurt University. 2010. Series 3. Philosophy. Psychology. Pedagogy. Issue 1. Pp. 99-102.
16. Bruckman A. *Gender Swapping On The Internet* // Amy Bruckman's Papers. Available at: <http://www.cc.gatech.edu/~asb/papers/gender-swapping.txt> (date accessed: 08.02.19).
17. Bruckman A. *Identity Workshop: Emergent Social and Psychological Phenomena in Text-Based Virtual Reality* // Amy Bruckman's Papers. Available at: <ftp://ftp.cc.gatech.edu/pub/people/asb/papers/identity-workshop.rtf> (date accessed: 08.02.19).
18. Kirby A. *The Death of Postmodernism And Beyond* // *Philosophy Now. A magazine of ideas.* Nov/Dec 2006. Issue 58. Available at: http://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond (date accessed: 08.02.19).
19. Kirby A. *Time for a new "ism"?* // *Britain's Current Affairs & Politics Magazine.* Available at: <http://www.newStatesman.com/ideas/2007/03/end-movement-postmodernism> (date accessed: 08.02.19).
20. Lambert G. *"Create, she said": Deleuze and Feminism (On Dorothea Olkowski's "Gilles Deleuze and the Ruin of Representation")* // 2003 Gregg Lambert. Available at: <http://www.jcrt.org/archives/04.2/lambert.shtml> (date accessed: 08.02.19).
21. Vermeulen T., Akker van den R. *Notes on metamodernism* // *Journal of Aesthetics & Culture.* 2010. Vol. 2. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/jac.v2i0.5677?scroll=top&needAccess=true> (date accessed: 08.02.19).

Русский космизм и марксизм: компаративистский анализ философских оснований

М. М. Прохоров

доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии,
Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет.
Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0001-6170-3816. E-mail: mmpro@mail.ru

Аннотация. Сравнительный анализ марксизма и философии русского космизма обусловлен тем, что в марксизме до сих пор видят разновидность активистской концепции, противоположной созерцательной. Поэтому статья начинается с анализа работы П. В. Алексеева и А. В. Панина, которая выражает данное представление о марксизме. В ходе определения философии русского космизма показано, что ведущей в ней является активистская концепция отношения человека к миру. Цель автора – показать, что за сходством марксизма и философии русского космизма скрывается глубокое различие: марксизм является концепцией коэволюции мира и человека. В качестве метода исследования используется компаративистский подход, направленный на анализ оснований марксистской философии и философии русского космизма. Он берется в сочетании с методами единства исторического и логического и восхождения от абстрактного к конкретному. В результате исследования доказано, что приравнение философии марксизма к разновидности активистской концепции указывает лишь на сходство ее с философией русского космизма, за которым скрывается глубокое различие. Согласно марксизму, обладая способностью развиваться, созидать новое, материальный мир порождает homo sapiens, в деятельности которого бытие и его развитие пролонгируется так, что далее имеет место их соразвитие, коэволюция бытия и человека. Идея коэволюции развития бытия и человека раскрыта также применительно к истории на базе «Капитала» К. Маркса, работ о капитализме В. И. Ленина, последующей истории.

Ключевые слова: марксизм, русский космизм, осевое время, созерцательность, активизм, коэволюция, компаративистика, историческое и логическое.

Постановка проблемы. Марксизм был официальной философией нашей страны вплоть до 1991 года. Происшедшие в ней социально-экономические преобразования потеснили марксизм, отечественная интеллигенция раскололась почти надвое в своем отношении к изменениям, разделившись на тех, кто стал выражать позицию победивших слоев нового общества, и тех, кто сохранил свою верность интересам трудящихся слоев. Сознание первых формируется и существует в форме «отрицания» марксизма, «снятия» его в процессе рефлексии над ним, «убегания от него». Но факт убегания указывает на зависимость от убегаемого.

Началом марксизма принято считать «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса, в которых зафиксирована, как считается, противоположность философии активистской и философии созерцательной. Именно так характеризуется сущность марксистской философии П. В. Алексеевым и А. В. Паниным [1, с. 25–29], которые выразили распространенное представление о марксистской философии. Такой подход сегодня не может быть признан удовлетворительным.

В то же время в русской традиции существует другое философское направление, которое сделало основой собственной концепции противоположность активистской (обеспечивающей господство человека над миром) и созерцательной (адаптирующей человека к миру) самоидентификации человека. Речь идет о философии русского космизма [15], которая действительно разрабатывала и защищала «философию активизма». Можно предположить, что марксистская философия в своей сущности предлагает иную мировоззренческую самоидентификацию человека, отличную от активистской.

Подтверждение или опровержение данного предположения возможно путем сравнительного анализа оснований марксистской философии и философии русского космизма. Их «сходство», с нашей точки зрения, заключается в том, что в них был предложен переход от первого «осевого времени» ко второму, утверждающему идеи гуманизма, на что позднее указал К. Ясперс, автор концепции «осевого времени». К. Ясперс констатировал, что «осевое время» в Новое время обернулось в Европе «катастрофичным обеднением» человечности, любви и творческой энергии, «обеднением всей духовной жизни». Одни лишь достижения в сфере

науки и техники составляют суть величия этого времени. Но, допускал К. Ясперс, возможен выход человечества во второе «осевое время», когда реализуется подлинная человеческая сущность. Это время окажется по-настоящему «универсальным и всеохватывающим» утверждением *человечности*. Вопрос в том, по К. Ясперсу, «сохранит ли грядущее развитие свою открытость и завершится ли оно... созданием настоящего человека, хотя то, каким образом это произойдет, мы еще совершенно не можем себе представить» [20].

Анализ литературных источников и методы их исследования. Сравнительный анализ марксизма и философии русского космизма проводится с учетом принципа единства исторического и логического, как и метода восхождения от абстрактного к конкретному. Анализ философии русского космизма логично начать с ее определения. Обращение к литературным источникам обнаруживает, что под определение философии русского космизма «падают неоднородные направления философии», научно-философские и религиозно-философские, на пересечении которых оказывается «философия общего дела» Н. Ф. Федорова [6, с. 752]. Отличительной особенностью ее представителей является внимание к анализу отношений человека с миром, с космосом. В ней зафиксированы различные типы мироотношений: созерцательное (А. Л. Чижевский), активистское (Н. Ф. Федоров), реже, коэволюционное (Н. Н. Моисеев) [18]. Например, А. Л. Чижевский известен разработкой учения о непосредственном влиянии солнечной активности и энергетических процессов в Галактике на индивидуальную и социальную деятельность человека (теория гелиотараксии). Однако ведущим в философии русского космизма является активистски-преобразовательский тип отношения человека к миру.

Стремясь избежать при определении философии русского космизма *неопределенности* за счет неправомерного и безмерного расширения, С. Г. Семенова полагает, что нужно зафиксировать «принципиально новое качество мироотношения», которое является *определяющей* «генетической чертой» этого философского направления. Таковой признается «*идея активной эволюции*», т. е. необходимости «нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует его разум и нравственное чувство, берет, так сказать, штурвал эволюции в свои руки». Поэтому точнее будет определить это направление «не только как *космическое*, но как *активно-эволюционное*». Человек – существо сознательно-творческое, призванное преобразить не только внешний мир, но и собственную природу, включая преодоление болезни и смерти. В определение философии русского космизма входит, в качестве одной из самых ярких черт этой философии, гуманизм, основанный на глубоком знании и вытекающий из целей и задач самой природной, космической эволюции» [16, с. 4]. Охватывается и вопрос об одухотворении мира и человека, даже об управлении духом материи.

С нашей точки зрения сложность при определении философии русского космизма обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, «слож(ен)ностью» различных типов мироотношения, в столкновении которых пробивает себе дорогу в качестве ведущей концепция активистского мироотношения. Во-вторых, «слож(ен)ностью», следовательно, столкновением различных позиций (парадигм) в ходе решения основного вопроса философии, каждая из которых способна проникнуть «на территорию» обоснования концепции мироотношения. Этим обусловлено наличие и характер полемики внутри философии русского космизма, включая критику. Например, учения Н. Ф. Федорова и С. Н. Булгакова являются выражением активистского типа мироотношения, что позволяет перечислять их «через запятую». С другой стороны, С. Н. Булгаков является одним из критиков Н. Ф. Федорова, в котором он видит представителя пантеистической позиции, критикуемой им с более последовательной религиозной и идеалистической концепции. Здесь уместно напомнить, что С. Н. Булгаков прошел сложный путь духовной эволюции. От увлечения марксизмом он повернул «к идеализму», стремился обосновать хозяйственную, культурную деятельность человека с религиозной точки зрения, внести ее в христианскую концепцию развития мира, в которой видит не только нравственную проповедь, но и деятельность, творчество, в которых проявляется ее мироустроительный смысл. Он стремился раскрыть «онтологические, космологические» стороны христианства, с позиций которого и ведет критический анализ учения Н. Ф. Федорова, рассуждая о «хозяйстве и теургии».

Указывая на пантеизм концепции Н. Ф. Федорова, С. Н. Булгаков пишет, что тот «*превращает хозяйство в теургию*, или, вернее, то и другое до неразличимости сливает, поскольку для него воскрешение мертвых перестает быть теургическим, но всецело становится хозяйственно-магическим» [4, с. 310]. Вследствие этого появляется неясность в вопросе, «что такое жизнь и что такое смерть», чем вносится «печальная двусмысленность и неопределен-

ность во все учение». Получается своеобразное соединение материализма и спиритуализма, которому соответствует чисто механическое понимание и смерти, и воскрешения. «Исключается возможность того, что душа, прошедшая через врата смерти, вообще не может возвратиться в отжившее и разрушенное смертью тело и его собой оживить». Значит, «не одно только тело утратило силу жизни». «Воскрешение, как и рождение, – возражает С. Н. Булгаков, – есть творческий акт Божьего всемогущества, которым возвращается душе усопшего животворящая ее сила», оно есть «акт теургический». Федоровский же «проект» хозяйственно-трудового, магического воскрешения «грешит недолжным смешением областей хозяйства и теургии», представляя собой «впадение в магизм», ставящее человека в зависимость от «хозяйства» [4, с. 311]. С. Н. Булгаков выступает за «упразднение материи», этого «источника смерти и смертности», отрицая взгляд Н. Ф. Федорова, который «идет в направлении Мечникова, стремится к научному бессмертию, принимая за него отсутствие смерти, или неопределенную продолжительность жизни». Федоров думает об оживлении трупа, а не о воскресении «тела духовного, прославленного и преображенного» [4, с. 312].

В этой критике С. Н. Булгаков демонстрирует самовозрастающее до чрезмерности представление о противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом. Указывая на него, Ф. Энгельс писал, что такое противопоставление «распространилось в Европе со времени упадка классической древности и получило наивысшее развитие в христианстве» [25, с. 495–496]. Оно сформировалось в ходе постановки и решения основного вопроса философии. Выступая против идеи о подобном нарастании альтернативности духа и материи, человека и природы, души и тела, закрепившейся в средневековой традиции, Ф. Энгельс указывал, напротив, на все большее осознание людьми «своего единства с природой», отмечая вклад в него современного естествознания. Поэтому он возражал против установки человека на господство над природой, представляющего «как кто-либо находящийся вне природы». Напротив, мы принадлежим природе и находимся внутри нее, мы должны научиться регулировать природные процессы. Для преодоления этой противоположности мало простого познания, нужен переворот в самом способе нашего производства, чтобы освободить его от слепой игры неконтролируемых сил. В этом Ф. Энгельс следует идеям совместной с К. Марксом работы «Немецкая идеология» [11], непосредственно примыкающей к «Тезисам о Фейербахе» К. Маркса, которые проникнуты гуманизмом.

При определении философии русского космизма С. Г. Семеновой был упомянут гуманизм в качестве одной из самых ярких черт этой философии. И это верно, как верно и то, что, например, в учении К. Э. Циолковского в той мере, в какой оно погружалось в религиозные основания, гуманизм трансформировался в то, что в современной литературе принято называть трансгуманизмом.

Исходя из альтернативности активистского типа мироотношения созерцательному, А. В. Сухово-Кобылин, один из первых представителей философии русского космизма, главную роль отдавал сознанию, «... работе духа, которая естественную форму – природу упраздняет», он утверждал, что природа исходит в дух, что «одухотворение природы есть сотворение человека», что «сам человек и есть это исхождение природы в дух, ибо человек, как и Янус, имеет два лица, два фаса». При этом он ссылается на Библию: «Боги будете, сказано в Писании» [17, с. 63].

Созерцательная организация человеческого разума приспособливает человека к окружающему миру и его законам, усматривая в них фундамент деятельности человека. Она согласуется с диалектикой: изменяя мир, создавая новое, человек толкует изменения как движение «самого» мира. Себя человек видит существом, которое действует «от лица» субстанции мироздания и ее закономерного изменения. Мир абсолютен, человек относителен, есть носитель фундаментальных параметров самого мира. Поэтому ему нельзя приписывать черты субъекта, самодостаточного творца, в нем надлежит видеть являющую себя во всем жизнь «субстанции». Она являет себя и в образе человека, а его сознание обеспечивает человека знанием законов мироздания, в соответствии с которыми он и действует, в отличие от всех прочих, бессознательных вещей и процессов. Именно так представляет положение человека в Космосе и созерцательную организацию человеческого разума философия Гераклита, размышляющего о космосе и человеке.

Классическое естествознание сохраняет приверженность созерцательной позиции постольку, поскольку в нем человек изображается как существо, которое возникает в процессе естественной эволюции, в ее «конце», будучи высшим «цветом» природной эволюции. Зна-

чит, человек остается природным сознательным существом, которое не могло быть творцом предшествовавшей ему природы. Созерцательную позицию разделяет и объективный идеалист Гегель, настаивая на разумности *примирения* с действительностью, обосновывая необходимость устранения «непокорности личности» по отношению ко всякому целому, например, исторической эпохе, сыном которой она выступает, находясь «внутри» нее. Никто не в состоянии, пишет Гегель, «перепрыгнуть через свою эпоху» [5, с. 16, 59].

Однако такое положение человека в мире таит для него большую опасность. На нее, в частности, указал русский космист В. Ф. Одоевский, обращаясь к характеристикам возможных «естественных бедствий», природных катастроф, нередко обрекающих человека на гибель. Например, он обращается к случаю, когда комета способна разрушить Землю [15, с. 38–48]. Чтобы не погибнуть, человеку приходится перейти к активным, преобразующим естественный ход событий действиям, отказавшись от «созерцания». Только таким путем можно преодолеть «ситуацию смертности». Человек оказывается перед необходимостью взять бразды управления «мировым процессом» в свои руки, выйти из подчинения мировому процессу, продемонстрировать новую форму организации человеческого разума и отношения к миру. При этом человек в состоянии опереться на религиозную мечту о покорении всего сущего. Иначе говоря, религия выступила первой предпосылкой «активизма», которую человек обнаружил в культуре. Она несет в себе учение о творчестве и творце, которое человек принимает как новый образец своего поведения, как существо, созданное по образу и подобию бога. Представляется, что религия имеет технологические корни, в меньшей степени она укоренена в процесс познания того, «что есть». Эту «склею» религии и технологии по-разному, но демонстрируют философские учения А. В. Сухова-Кобылина, Н. Ф. Федорова, С. Н. Булгакова и др.

С нашей точки зрения активизм религии Средневековья стал предпосылкой концепции человеческого творчества эпохи Возрождения и всего Нового времени, сделав возможным переход от феодализма к капитализму, который широко развернул в природном пространстве вышедшее «из потаенности» у мира «производство», взрастил новый тип отношения человека к окружающему миру и форму организации человеческого разума. Так, исторически и логически мир попал в зависимость от человека. Это и выразила философия русского космизма, которая в лице своих представителей обожествляет технократическое отношение человека к миру, соединяя воедино науку и технику, как ныне говорят, в «технонауку». Н. Ф. Федоров, основоположник философии русского космизма, переосмысливает понятие космизма, заявляя, что его суть не в господстве космоса над человеком, как у Гераклита, а в господстве человечества над космосом, претворяющего в нем свое «общее дело». Он критикует науку, которая занимается познанием, лишь созерцающим мир, тогда как ее дело состоит в его преобразовании человеком; критике подвергается даже позиция И. Канта, расцениваемая как воплощение созерцательности. Фантастичность возможности такого перехода, пишет Н. Ф. Федоров, «только кажущаяся; необходимость такого перехода несомненна для трезвого, прямого взгляда на предмет, для тех, кто захочет принять во внимание все трудности к созданию общества вполне нравственного, к исправлению всех пороков и зол...», а отказаться от решения этой проблемы – значит «отказаться быть человеком» [15, с. 71–72]. Переход, по Н. Ф. Федорову, осуществит либо сам человек, либо его претворит Бог.

Как показал Х. Ортега-и-Гассет, важным фактором экспансии активизма стала, после религии, идеалистическая философия: Лейбниц назвал человека маленьким богом, И. Кант провозгласил «Я» высшим законодателем Природы, а склонный к крайностям И. Фихте заявил, что «Я – это все» [12, с. 81]. Фактически Ортега подтверждает мысль Ф. Энгельса, что основанием активизма на идеалистической основе выступает самовозрастающая противоположность духа и материи, человека и природы, души и тела. Созерцание и активизм он характеризует как две великие метафоры. Они одноименны концепциям созерцания и активизма, находящимся в основании организации человеческого разума двух величайших исторических эпох – Древнего мира и Нового времени, начиная уже с эпохи Возрождения [12, с. 76]. Для древнего человека «быть» значило пребывать среди множества других вещей, громоздящихся во Вселенной. Сам субъект есть один из множества предметов, образующих «море бытия», в котором Субъект или «Я» не играет большой роли, поскольку в это время учили жить «в согласии с природой» [12, с. 82]. Ортега обращается к известному образу «*tabula rasa*», «метафоры печати», хорошо известных в теории познания, которые определили развитие философии на многие века [12, с. 78]. Инвертировало эти отношения между субъектом и объектом Возрождение [12, с. 79], а Новое время однозначно отдает приоритет творчеству человека. Ортега

раскрывает логику активизма, субъективности, «прехождения» созерцания и возникновения буквально из ничего и самовозрастания активизма, отрывание его от созерцания и превращение в некое самостоятельное начало.

Альтернативность этих типов организации человеческого сознания, как и противоположных типов мироотношения, продемонстрировал Л. Фейербах, защищая созерцательность от «субъективности», «творчества» (в религии древних иудеев). Этому выбору вполне соответствует признание им первичности, субстанциальности Природы. Определенное решение им основного вопроса философии проникло «на территорию» обоснования предложенной Л. Фейербахом концепции мироотношения. В отличие от марксизма он не поднялся к материализму в сфере философии истории, к учету того, что сознание человека и его телесная организация формируются под влиянием исторически развивающейся трудовой деятельности. Поэтому чувственность Л. Фейербах рассматривает как *созерцание*. Человек остался в его философии внеисторическим существом, абстрактным, созерцающим мир теоретиком, немышляющим изменить мир, хотя миллионы трудящихся до сих пор не удовлетворены условиями своей жизни, своей трудовой деятельности [11, с. 41]. *В таком состоянии трудящиеся остаются и сейчас*. Из этого проистекает задача революционизировать мир, изменить это состояние, и она до сих пор сохраняет свою актуальность. Напротив, Л. Шестов защищает активистский тип мироотношения, в разработке которого заметную роль сыграл его идеализм. Н. А. Бердяев верно указал на эту «связку» концепции мироотношения с определенным решением основного вопроса философии, когда констатировал: «Космос античности и средневековья... исчез, человек нашел компенсацию и точку опоры, перенесся центр тяжести внутрь человека... Идеалистическая философия нового времени и есть эта компенсация за потерю космоса, в котором человек... чувствовал себя окруженным высшими силами... Мощь техники продолжает дело раскрытия бесконечности пространств и миров...» [3, с. 154].

При переходе к активистской парадигме бытие снимается в деятельности, развитие превращается в деятельность, которая отличается от стихийного развития целеполагающим характером: внутрь него вводится цель, средства и методы ее реализации, что превращает его в полностью управляемый и контролируемый человеком в своих собственных интересах процесс. Причем, цель достигается быстрее, чем результат в процессе развития, совершаемый путем проб и ошибок. Универсализация же деятельности означает, что мир становится вторичным по отношению к «делу» человека, который был в свое время порожден и детерминирован миром. По Н. А. Бердяеву, в начале своей истории человек был рабом природы; и «он начал борьбу за свое освобождение. Он создал культуру, государства, национальности, классы, но стал их рабом. Тогда он вступил в новый период – для овладения *иррациональными* общественными силами: создает *организованное* общество, развитую *технику*, но это делает человека *орудием* организации жизни и окончательного овладения природой. Он, человек, становится рабом организованного общества и техники, машины, в которую *превращено* общество и незаметно *превращается* сам человек» [3, с. 162]. Н. А. Бердяев видел противников созерцательной самоидентификации и в большевистской революции, распространяя на них философию активизма [2, с. 228].

Раскрытие идеи соразвития, коэволюции развития бытия и человека применительно к истории дано К. Марксом в первом томе «Капитала». Исследуя исторический генезис капиталистического накопления, К. Маркс, во-первых, указывает на уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде, «карликовой собственности» «многих» людей, которая превращается в гигантскую собственность немногих эксплуататоров в ходе экспроприации у народных масс их жизненных средств, орудий труда. Он указывает на беспощадный вандализм, на грязные, мелочные, бешеные страсти, с которыми действовали сторонники новой формы, капиталистической частной собственности. Индивидуальная частная собственность была добыта трудом собственника, она была основана на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами производства. Капиталистическая частная собственность, напротив, покоится на эксплуатации чужой, хотя и формально свободной рабочей силы. В результате прежние «работники» превращаются в «пролетариев», а условия их труда – в капитал. В условиях свободной конкуренции один капиталист побивает многих капиталистов, происходит централизация капиталов.

В условиях развитого капиталистического способа производства экспроприации подлечит уже сам капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Экспроприация экспроприаторов совершается игрой *имманентных (объективных – М. П.) законов* самого капиталистического

производства: оно с необходимостью естественного процесса порождает свое собственное отрицание, восстанавливает «индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры», т. е. на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства. Таким образом, капитализм на высшей стадии своего развития сам создает материальные средства для своего уничтожения: в его недрах «начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Он должен быть уничтожен, и он уничтожается» [8, с. 771–773]. В «Манифесте коммунистической партии» основоположники марксизма указали на пролетариат как на тот *субъект*, что представляет все человечество, интересам которого эти изменения соответствуют и который является противником буржуазного класса. «Буржуазия сама производит и своего могильщика, революционный пролетариат, ее гибель и победа пролетариата одинаково, – по их мнению, – неизбежна» [10, с. 434–435]. Так выстраивается идея соразвития, коэволюции социального бытия и человечества, их соответствии друг другу.

Итак, сравнительный анализ философских оснований русского космизма с основным содержанием марксизма свидетельствует о неадекватности интерпретации марксистской философии посредством его противопоставления созерцательной концепции. Такое противопоставление философии активистской и философии созерцательной характерно для философии русского космизма. Марксизм является философией соразвития, коэволюции бытия и человека. Учет этого обстоятельства приводит к более адекватным представлениям и оценкам как марксизма, так и русского космизма, которые должны учитываться в научных исследованиях и в ходе преподавания философии.

Список литературы

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Маркс Карл. Философия активистская и философия созерцательная // Хрестоматия по философии : учеб. пособие. 2-е изд., пер. и доп. М. : Проспект, 1997. С. 25–29.
2. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 446 с.
3. Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопросы философии. № 2. 1989. С. 142–162.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М. : Республика, 1994. 415 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права // Гегель. Сочинения. Т. VII. М.-Л. : Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 16, 59.
6. Готов Е. В. Русский космизм // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск : ПАНПРИНТ, 1998. С. 752–756.
7. Зиновьев А. А. Нашей юности полет // Зиновьев А. А. Светлое будущее. М. : Астрель, 2008. С. 257–446.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М. : Госполитиздат, 1968. Т. 1. 908 с.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. III // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения : в 9 т. Т. 9. Ч. 2. М. : Политиздат, 1998. С. 348.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. С. 434–435.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М. : Госполитиздат, 1955. 827 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры : сб. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. 512 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М. : Наука, 1991. 140 с.
14. Прохоров М. М. Бытие, гуманизм и второе осевое время. М. : Российское гуманистическое общество, 2008. С. 154–184.
15. Русский космизм: Антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
16. Семенова С. Г. Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс, 1993. С. 3–33.
17. Сухово-Кобылин А. Ф. Философия духа или социология (учение Всемира) // Русский космизм: антология философской мысли. М. : Педагогика-пресс, 1993. 120 с.
18. Хабибуллина З. Н. Мировоззренческая парадигма русского космизма: социально-философский анализ : дис. ... докт. филос. наук. Уфа : Изд-во Башк. гос. ун-та, 2012. 32 с.
19. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. С. 495–496.
20. Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. М. : Республика, 1994. 527 с.

Russian cosmism and Marxism: a comparative analysis of philosophical foundations

M. M. Prokhorov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of history, philosophy, pedagogy and psychology, Nizhny Novgorod State University of architecture and construction. Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0001-6170-3816. E-mail: mmpro@mail.ru

Abstract. The comparative analysis of Marxism and the philosophy of Russian cosmism is due to the fact that Marxism is still seen as a kind of activist concept, the opposite of the contemplative one. Therefore, the article begins with an analysis of the work of P. V. Alekseev and A. V. Panin, which expresses this idea of Marxism. In the course of defining the philosophy of Russian cosmism, it is shown that the leading one in it is the activist concept of human attitude to the world. The author's goal is to show that the similarity of Marxism and the philosophy of Russian cosmism there hides a deep difference: Marxism is a concept of coevolution of the world and man. The comparative approach is used as a research method, aimed at analyzing the foundations of Marxist philosophy and the philosophy of Russian cosmism. It is taken in conjunction with the methods of the unity of the historical and the logical and the ascent from the abstract to the concrete. The study proves that the equating of Marxist philosophy to a kind of activist concept indicates only its similarity with the philosophy of Russian cosmism, which hides a deep difference. According to Marxism, having the ability to develop, to create new things, the material world generates homo sapiens, in whose activity being and its development are prolonged so that their co-development, co-evolution of being and man takes place. The idea of coevolution of the development of being and man is also revealed in relation to history on the basis of "Capital" by K. Marx, works on capitalism by V. I. Lenin, the subsequent history.

Keywords: Marxism, Russian cosmism, axial time, contemplation, activism, coevolution, comparative studies, historical and logical.

References

1. Alekseev P. V., Panin A. V. Marks Karl. *Filosofiya aktivistskaya i filosofiya sozercatel'naya* [Marx Karl. Activist philosophy and contemplative philosophy] // *Hrestomatiya po filosofii : ucheb. posobie. 2-e izd., per. I dop.* – Reading book in philosophy : tutorial. 2nd ed. reworked and add. M. Prospect. 1997. Pp. 25–29.
2. Berdyaev N. A. *Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii)* [Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)]. M. Kniga. 1991. 446 p.
3. Berdyaev N. A. *Chelovek i mashina* [Man and machine] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. No. 2. 1989. Pp. 142–162.
4. Bulgakov S. N. *Svet nevechernij: Sozercaniya i umozreniya* [Not evening light: Contemplation and speculation]. M. Respublika. 1994. 415 p.
5. Hegel G. V. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law] // *Hegel Sochineniya* [Compositions]. Vol. VII. M.-L. State socio-economic publishing house. 1935. Pp. 16, 59.
6. Gutov E. V. *Russkij kosmizm* [Russian cosmism] // *Sovremennyy filosofskij slovar* – Contemporary philosophical dictionary / under the general editorship of V. E. Kemerov. 2nd ed., corr. London, Frankfurt am Main, Paris, Luxembourg, Moscow, Minsk. PANPRINT. 1998. Pp. 752–756.
7. Zinov'ev A. A. *Nashej yunosti polet* [Flight of our youth] // *Zinov'ev A. A. Svetloe budushchee* [Bright future]. M. Astrel. 2008. Pp. 257–446.
8. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. Criticism of political economy]. M. Gospolitizdat. 1968. Vol. 1. 908 p.
9. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. Criticism of political economy]. Vol. 3. Book III // *Marx K., Engels F. Izbrannye sochineniya* [Selected works : in 9 vol. Vol. 9. Part 2]. M. Politizdat. 1998. P. 348.
10. Marx K., Engels F. *Manifest kommunisticheskoy partii* [The manifesto of the Communist party] // *Marx K., Engels F. Sochineniya* [Writings]. 2nd ed. Vol. 4. Pp. 434–435.
11. Marx K., Engels F. [German ideology] // *Marx K., Engels F. Sochineniya* [Writings]. 2nd ed. Vol. 3. M. Gospolitizdat. 1955. 827 p.
12. Ortega y Gasset H. *Dve velikie metafory* [Two great metaphors] // *Teoriya metafory : sb.* – Theory of metaphor : coll. / intro. and comp. N. D. Arutyunova; general ed. N. D. Arutyunova and M.A. Zhurinskaya. M. Progress. 1990. 512 p.
13. Ortega y Gasset H. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?] M. Nauka. 1991. 140 p.
14. Prokhorov M. M. *Bytie, gumanizm i vtoroe osevoe vremya* [Being, humanism and the second axial time]. M. Russian humanistic society. 2008. Pp. 154–184.
15. *Russkij kosmizm: Antologiya filosofskoj mysli* – Russian cosmism: an anthology of philosophical thought. M. Pedagogika-Press. 1993. 368 p.
16. Semenova S. G. *Russkij kosmizm* [Russian cosmism] // *Russkij kosmizm: Antologiya filosofskoj mysli* – Russian cosmism: an anthology of philosophical thought]. M. Pedagogika-Press. 1993. Pp. 3–33.

17. *Suhovo-Kobylin A. F. Filosofiya duha ili sociologiya (uchenie Vsemira)* [Philosophy of spirit or sociology (the teaching of the Philosopher) // *Russkij kosmizm: antologiya filosofskoj mysli* – Russian cosmism: an anthology of philosophical thought. M. Pedagogika-press. 1993. 120 p.

18. *Habibullina Z. N. Mirovozzrencheskaya paradigma russkogo kosmizma: social'no-filosofskij analiz : dis. ... dokt. filos. nauk* [Worldview paradigm of Russian cosmism: social and philosophical analysis : dis. ... Dr. of Philos. Sciences]. Ufa. Bashkerian State University. 2012. 32 p.

19. *Engels F. Rol' truda v processe prevrashcheniya obed'yany v cheloveka* [The role of labor in the process of transformation of the monkey into a man] // *Marx K. and Engels F. Sochineniya* [Writings]. Vol. 20. 2nd ed. M. Politizdat. 1961. Pp. 495–496.

20. *Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. 2nd ed. M. Respublika. 1994. 527 p.

Судьба этосов в условиях модернизации российского общества

А. П. Павлов¹, П. А. Павлов²

¹кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Сибирский федеральный университет. Россия, г. Красноярск. E-mail: pavloff56@list.ru

²кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, Сибирский федеральный университет. Россия, г. Красноярск. E-mail: savel-b@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена этосам современного российского общества в условиях его модернизации. Авторы исходят из того, что успех модернизации обусловлен не только развитыми современными технологиями, квалифицированным менеджментом, высоким научным, научно-техническим потенциалом страны.

Гарантией успеха является готовность членов общества к радикальным изменениям, затрагивающим все сферы общественной жизни и их способность участвовать в этом процессе в качестве акторов. Акторами выступают не только непосредственные агенты модернизации, но и слои общества, которые настроены на изменения, доверяют реформаторам, делегируют из своей среды активных участников и лидеров модернизационных процессов.

Ключевая идея статьи состоит в том, что именно этосы образуют, конституируют ту питательную среду, в которой формируются акторы модернизации. Обосновывается идея о том, что этосы выступают в качестве важнейшего компонента модернизации российского общества.

Авторы анализируют наиболее известные подходы, концепты и определения этосов в научной литературе, излагают собственную трактовку данного понятия. Под этосами авторы понимают особые поведенческие комплексы, непосредственно не связанные с социальными системами. При этом они обладают собственной архитектурой: «этосным» пространством (община, школа, университет), формами солидарности (дружба, братство), собственными акторами и референтными группами, поведенческими ритуалами и т. д.

Выделяются и описываются характерные особенности современных российских этосов, факторов и условий их существования, а также их участия в модернизационных процессах. В данной статье предпринята попытка раскрыть основные причины «затухания» этосов в России и негативные последствия для модернизации. Разумеется, рассматриваемая авторами статьи проблема исключительно сложна и малоизучена. В статье затронуты лишь некоторые ее аспекты.

Ключевые слова: социальные этосы, модернизация, социальный порядок, социальное воспроизводство («автопойезис»).

Сегодня очевидно всем: у модернизации в России нет альтернативы. Модернизация – не только способ и возможность догнать или хотя бы приблизиться к передовым странам, которые в технологиях, в развитии наукоемких производств далеко ушли вперед. Модернизация – безальтернативный способ существования общества, страны, людей в современных условиях.

Очевидно, что темпы модернизации в России и, главное, ее результаты не отвечают в полной мере запросам общества и ее граждан. Россия по-прежнему не может на равных конкурировать с передовыми странами в областях высокотехнологических производств за исключением производства военной и космической техники.

Причины не слишком убедительных результатов модернизации обсуждаются в научных кругах, политиками, простыми гражданами. В частности, ученые обращают внимание на такие сдерживающие факторы модернизации, как коррупция, укоренившаяся во всех сферах производства и жизнедеятельности людей, и разрастающаяся бюрократия. Называются также внешнеполитические факторы: напряженные отношения России с Западом, санкции, необходимость колоссальных затрат на оборону и т. д.

Все названные аспекты модернизации хорошо осведомлены и не нуждаются в дополнительной рефлексии.

И все же в изучении природы и способов модернизации можно выделить несколько подходов. В основе первого подхода лежит установка «технологического детерминизма», получившая развитие в 60-е годы XX века (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, А. Тоффлер и др.).

Технологии и техника и связанные с ними институты образования, науки, управления являются условием развития социума. Более того, техника, технологии, образование, наука

конституируют новый тип социума, новый тип социального воспроизводства («автопоиезиса») и его акторов, новый тип мышления и коммуникации.

Другой подход, характерный для современных социально-политических исследований западно-либерального направления, связывает модернизацию в России и других странах с процессами демократизации, развитием гражданского общества, с переориентацией стратегий общественного развития с коллективистских и патерналистских паттернов и парадигм на индивидуалистские, либеральные [3].

Безусловно, следует отметить работы, посвященные влиянию процессов модернизации на общественную жизнь различных групп населения, включая социально незащищенные и недостаточно адаптированные слои населения. Это особенно относится к развивающимся странам, к странам, в которых процессы модернизации в силу своего революционного характера, опережают процессы социальной адаптации данных слоев, особенно пожилого населения [12]. Безусловно, следует отметить возможные негативные гуманитарные и антропологические последствия модернизации как на уровне малых общностей, так и отдельного человека [17].

И здесь можно назвать адептов «пессимистического» и «оптимистического» взглядов на последствия модернизации. Первые отмечают крайне негативные последствия модернизации на общественную жизнь «простых людей». Другие исследователи полагают, что модернизация, сопровождаемая широкой и последовательной демократизацией всех сфер общественной жизни, приведет (и привела уже в ряде стран) к разрешению экзистенциальных проблем, в частности проблем экзистенциальной безопасности [4].

По мнению ряда исследователей, именно освобождение от диктата авторитарной и патерналистской зависимости, парадигмы социальной исключительности, может привести к успехам как самой модернизации, так и социальной адаптации населения к ее результатам [15; 18].

Еще один подход к изучению модернизации условно можно назвать онтологическим. Данного подхода придерживается ряд зарубежных ученых, в частности известный израильский ученый Ш. Эйзенштадт, который считает традицию неотъемлемым элементом социального порядка [14].

Таким образом, функционирование и воспроизводство общества невозможно без включенности традиций в социальную систему общества.

Игнорирование традиций приводит к «срывам» (breakdowns) модернизационных процессов [14].

Социальные системы и ее институты без опоры на традиции не способны адаптироваться к изменениям и требованиям модернизации [13].

Перспективным направлением в изучении онтологических оснований модернизации можно считать экзистенциальный дискурс в современной социологии. В частности, можно назвать работы Е. Тириакияна. Американский ученый исследует экзистенциальные аспекты социальных процессов [13].

Названные исследователи обращают внимание на негативные «побочные» эффекты модернизации. Некоторые из этих эффектов лежат на поверхности. В том числе разрушение традиционных укладов жизни простых людей, особенно в небольших поселениях, городах, утрата смысловых ориентиров (аномия), люмпенизация определенной части общества.

Модернизация приводит к утрате культурной идентичности, самобытности. С. Хантингтон обращает внимание на то, что «процесс модернизации приводит к однородности» развития цивилизаций [19].

Немецкий социолог Ю. Хабермас предлагает рассматривать преобразование современного общества («модерновое общество») как продолжение (или новую редакцию) «проекта» эпохи Просвещения, в основе которого лежала установка «Мир может быть преобразован на разумных основаниях». Новая редакция модернового проекта – «Мир может быть преобразован на основе эмансипированной (свободной от диктата социальной системы) коммуникации». Однако данный проект не был реализован. Это вызвано предельной рационализацией жизненного мира (термин заимствован у Э. Гуссерля, А. Шюца), подчинению и превращению его в элемент социальной системы, инструментализацией, овеществлением знаний и социальной коммуникации. Все это ведет либо к утрате способности жизненного мира воспроизводить самого себя, либо (что еще хуже) к таким формам самовоспроизводства, которые приводят к организационной патологии, деградации самих социальных систем.

«Жизненный мир на своей собственной основе сможет создать институты, ограничивающие внутреннюю системную динамику хозяйственной и административной систем действий» [16].

В статье вместо вышеупомянутых онтологических понятий (традиции, жизненный мир) используется «этнос». Слово этнос (ethos) не имеет однозначного толкования. Н. Н. Козлова рассматривает этнос как «неписанный кодекс общепризнанных правил поведения сословия, позволяющий человеку вести себя таким образом, что другие люди признают его поведение достойным» [9].

У этноса нет четкого концептуального оформления. Поэтому вряд ли можно рассматривать «этнос» как категорию социальных наук, но как рабочее понятие, как «теорию среднего уровня», как прикладной эпистемологический ресурс «этнос» вполне пригоден. Рассмотрим лишь некоторые подходы к осмыслению природы этноса в рамках социально-философского и социологического дискурсов.

М. Вебер использовал данное понятие для экспликации ценностной направленности деятельности человека. Эта ценностная направленность детерминирована религиозной принадлежностью индивидов, сообществ [5].

М. Шелер трактовал этнос как этическое самоопределение человека, соотношение его внутреннего мира с объективным миропорядком посредством любви [2].

М. Оссовская использовала данное понятие как синоним образа жизни, исторически сложившуюся и оформившуюся в виде ритуалов и обычаев базовую систему ценностей [11].

Современный исследователь А. И. Пригожин исследовал этнос как систему норм и ценностей, которые непосредственным образом вплетены в институциональные практики социального воспроизводства и управления [7].

Р. Мертон рассматривал этнос как институциональные императивы, регулирующие поведение людей в коллективах, в том числе научных [8].

Наиболее удачным, на наш взгляд, следует считать определение этноса В. И. Бакштановского и Ю. В. Согомонова. Ученые рассматривают этнос как онтологическое понятие, отличая его от моральных норм, образцов, императивов. Этнос, по мнению ученых, есть область «реально-должного». Эта сфера обладает известной автономией по отношению к императивам, исходящим от «идеально-должного» порядка моральных императивов, устанавливаемых и контролируемых социальной системой [6].

У этноса есть собственная архитектоника. Употребление слова «архитектоника» вместо слова «структура» применимо к этносу неслучайно. Этнос организован, но его организация отлична от организации социальных систем. Этнос не есть социальная система. Более того, этнос не есть часть системы. Но этнос есть то, без чего никакая социальная система не может существовать.

Дело в том, что природа этноса двойственная. Этнос «пребывает» на границе между экзистенцией и социетальным миром (социальной системой). Он вбирает в себя, сосредоточивает в себе и упорядочивает экзистенциальную энергетику людей, превращая в трансцендентальные формы бытия как присутствия в мире. И в то же время этнос соединяет экзистенциальное бытие с социетальным миром идеально-должного.

Итак, этнос – это то, что дает возможность индивиду включаться в совместный-с-другими мир. Мир, разделяемый с другими, есть собственный мир человека. Слово «собственный» является ключевым. Оно означает, что мир является одновременно предметом общей заботы и в то же время предметом заботы каждого.

Этнос – это «дом», в который каждый человек всегда должен возвращаться. «Дом» есть нечто большее, чем физическая территория. Это естественная совместность бытия-с-другими на основе принимаемых «по умолчанию» правил общежития.

Этнос – система устойчивых горизонтальных связей между акторами, которые не просто в них включены, но непосредственным образом их воспроизводят. Создается эффект двойного воспроизводства («автопойезиса»): люди воспроизводят непосредственную социальную среду («сеть»), которая их же и воспроизводит.

Например, образовательный этнос непосредственно продуцирует знания и носителей знания (учеников, студентов). Но он образует комфортную консолидированную, адаптированную для обучения среду, которая непрерывно воспроизводится самими учащимися и их учителями и которая формирует их самих.

Рамки статьи не позволяют более обстоятельно рассмотреть «архитектонику» этносов современного российского общества. Отметим лишь некоторые самые общие ее характеристики.

1. Этносы образуют собственные солидарные сообщества, связи, поддерживаемые неформальными связями (дружба, братство), ритуалами (инициации).

2. Этнос – это то, что определяет границы подлинного (собственного) бытия, наполненного смыслом. Этнос есть «дом», в который всегда надо возвращаться.

3. У этоса собственное онтологическое настроение, собственная коллективная интенциональность, обусловленные общей заботой о совместно разделяемом мире.

В этосе нет элементов (конструктов), из которых складывается целое. В этосе нет иерархии и нет субординации. В этосе каждая участвующая единица самодостаточна.

Именно этосы формируют онтологический ресурс: ресурс воли и желания большей части членов общества жить в данном обществе, поддерживать, защищать его порядок, поскольку он воспринимается его как собственный порядок. «Люди этоса» – не просто социальные агенты, проводники чьей-то воли. Они социальные акторы, творцы собственной жизни. Под «социальным этосом» мы понимаем не только наборы этических норм, нравов, традиций, поведенческих кодексов, но также институциональные условия их актуализации.

Под «этосами» авторы понимают особые поведенческие комплексы, непосредственно не связанные с социальными системами. При этом они обладают собственной архитектурой: «этосным» пространством (община, школа, университет), формами солидарности (дружба, братство), собственными акторами и референтными группами, поведенческими ритуалами и т. д.

Какова судьба социальных этосов в России? И как она отражается на процессах модернизации в России?

1. Разрушение традиционных этосов, особенно малых городов и деревень. Вместе с ними разрушаются, деградируют многие социальные ландшафты (деревни, небольшие города, поселки), в которых сосредоточивалась социальная и культурная жизнь, стареет и уезжает население, особенно молодежь. Значительная часть молодежи не связывает свою судьбу с малой родиной.

2. Появление новой парадигмы социального воспроизводства («автопойезиса»), основанной на установке: социальный мир произведен от социального субъекта, вооруженного современными технологиями, прежде всего информационными. Адепты данной парадигмы не рассматривают этосы, традиционные ценности и их носителей (традиционные солидарности) в качестве акторов социального воспроизводства. В качестве таковых выступают экспертные группы, мобильные солидарности, «неоплемена» (М. Маффесоли), даже объекты, которые наделяются качеством акторов (актанты Б. Латура).

Как пишет Б. Хюбнер, «автономия современного человека и отказ от должного в пользу человеческих желаний очистили традиционное общество от шлаков коллективно исповедуемых ценностей, передававшихся по наследству, и превратили его в современное целевое общество» [1].

3. «Колонизация» этосов административными институтами. Административная система создает собственные «офисные» правила, коды функционирования, «вынося за скобки» этосы, корпоративный дух этосов. Следствие – необузданная бюрократия, которая клонирует саму себя.

4. Адаптация этосов. Этосы приспособляются к условиям модернизации, создавая и непрерывно воспроизводя иллюзию участия в ней.

Происходит образование «параллельных» этосов и «магических корпораций», которые их поддерживают. Такие этосы вполне могут замещать административные структуры или оказывать на них давление. Зачастую параллельные корпорации образуют симбиозы, сети неформальных связей, неписаных правил, кодексов поведения. «Магические солидарности» существуют на негласном коллективном договоре («круговой поруке»). Его суть: безоговорочное подчинение принятым нормам, ритуализм, преданность авторитетам, лидерам, крайние формы традиционализма, трайбализма, протекционизма, нетерпимости ко всему новому и т. д.

5. Возрождение здоровой корпорации, основанной на принципах доверия. Конечно, искусственно создать среду доверия невозможно. В этом смысле никакие даже самые передовые педагоги, менеджеры не помогут. Доверительная среда – это место, куда человек всегда будет стремиться вернуться. Речь идет об особом «анонимном доверии», когда человек совершает работу без всякого давления извне.

Слово «возрождение» (вместо «создания») этической корпорации неслучайно. В России и в СССР накоплен колоссальный позитивный опыт корпоративной солидарности. Можно вспомнить, например, знаменитые дореволюционные русские артели или научные сообщества Академгородков в СССР.

6. Конечно, современные реалии XXI века иные. Появилось поколение Z. Современные этосы – этосы «сетей». И эти этосы вполне жизнеспособные. У них свои корпорации, свои кодексы, своя «этика». Поколение XXI века более мобильно, ориентировано на инновации. «Сетевые солидарности» не стационарны, идеологически не «загружены». Но при этом корпоративные связи действенны и эффективны.

Изучение виртуальных «сетевых» этосов, механизмов их включенности в современные модернизационные процессы – тема для отдельного исследования.

Таким образом, успех модернизации обусловлен не только развитыми современными технологиями, квалифицированным менеджментом, высоким научным, научно-техническим потенциалом страны. Безусловно, правы исследователи, которые обращают внимание на связь между демократическими преобразованиями в обществе и процессами модернизации. В то же время в современных исследованиях, посвященных анализу модернизации в России, мало внимания уделяется «несистемным» ресурсам, в частности этосам, которые не только позволяют легче адаптироваться населению (особенно социально и экзистенциально слабо-защищенному) к ее социальным последствиям, но и формировать моральный (ценностный) капитал человека как актора самой модернизации.

Список литературы

1. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Прикладная этика: опыт университетского словаря : учебное пособие / В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов. Тюмень : НИИ прикладной этики ТюмГНГУ ; Центр прикладной этики, 2001. С. 268.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 44–345.
3. Гельман В. Я. Авторитарная модернизация в России: миссия невыполнима? // Мир России. 2017. № 2. С. 38.
4. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт ; пер. с англ. С. Л. Лопатиной ; под ред. М. А. Завадской, В. В. Косенко, А. А. Широкаковой ; науч. ред. Э. Д. Панарин. Москва : Мысль, 2018. 347 с.
5. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология : учебник / Н. Н. Козлова. М. : Ключ, 1998. С. 76.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. М. : АСТ ; Хранитель, 2006. С. 770–782.
7. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали / М. Оссовская. М. : Прогресс, 1987. С. 26.
8. Пригожин А. И. Российский этос: обогащение или лечение? / А. И. Пригожин // Общественные науки современность. 2006. № 4. С. 29–40.
9. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–51.
10. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / Б. Хюбнер. Минск : Пропилеи, 2000. С. 152.
11. Шелер М. Ordo Amoris // М. Шелер. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. С. 339–377.
12. Chinese older people // Ageing and Society. 2016. № 1 (36). Pp. 133–159.
13. Eisenstadt S. N. Breakdowns of modernization. The Dynamics of Modern Society. New York : Basic Books, 1964. Pp. 434–448.
14. Eisenstadt S. N. Tradition, Change and Modernity. New York : John Wiley & Sons, 1973. Pp. 47–72.
15. Gel'man V., Starodubtsev A. Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernisation: Russian Policy Reforms in the 2000s // Europe-Asia Studies. 2016. № 1 (68). Pp. 97–117.
16. Huntington S. P. The change to change: modernization, development and politics. Comparative Modernization: A Reader. New York : Free Press, 1976. Pp. 25–60.
17. Mattison S. M., Sear R. Modernizing Evolutionary Anthropology // Human Nature. 2016. № 4 (27). Pp. 335–350.
18. Modernisation in Russian Policy Reforms in the 2000s // Europe-Asia Studies. 2016. № 1 (68). Pp. 97–117.
19. Tiryakian E. A. Sociologism and Existentialism: Two Perspectives on the Individual and Society. Englewood Cliffs, N. J., 1962. VII-VIII. P. 31.

The fate of ethos in the modernization of Russian society

A. P. Pavlov¹, P. A. Pavlov²

¹PhD of Philosophical Sciences, associate professor at the Department of Sociological Sciences, Siberian Federal University. Russia, Krasnoyarsk. E-mail: pavloff56@list.ru

²PhD of Historical Sciences, associate professor at the Department of Sociological Sciences, Siberian Federal University. Russia, Krasnoyarsk. E-mail: savel-b@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the ethos of modern Russian society in the conditions of its modernization. The authors believe that the success of modernization is due not only to the development of modern technologies, qualified management, high scientific, scientific and technical potential of the country.

The guarantee of success is the readiness of members of society to radical changes affecting all spheres of public life and their ability to participate in this process as actors. The actors are not only the direct agents of

modernization, but also the segments of society that are committed to change, trust the reformers, delegate from their environment active participants and leaders of modernization processes.

The key idea of the article is that it is the ethos that form, constitute the nutrient medium in which the actors of modernization are formed. The idea that ethos act as the most important component of the modernization of Russian society is substantiated.

The authors analyze the most well-known approaches, concepts and definitions of ethos in the scientific literature, present their own interpretation of this concept. By ethos, the authors understand special behavioral complexes that are not directly related to social systems. At the same time, they have their own architectonics: "ethos" space (community, school, university), forms of solidarity (friendship, brotherhood), their own actors and reference groups, behavioral rituals, etc.

The characteristic features of modern Russian ethos, factors and conditions of their existence, as well as their participation in modernization processes are distinguished and described. This article attempts to reveal the main reasons for the "decay" of ethos in Russia and the negative consequences for modernization. Of course, the problem considered by the authors is extremely complex and poorly understood. The article touches upon only some of its aspects.

Keywords: social ethos, modernization, social order, social reproduction ("autopoiesis").

References

1. Bakštanovskij V. I., Sogomonov Yu. V. *Prikladnaya etika: opyt universitetskogo slovarya : uchebnoe posobie* [Applied ethics: the experience of university dictionary : study guide] / V. I. Bakštanovskij, Y. V. Sogomonov. Tyumen Institute of Applied Ethics. TyumSSHU; Centre of applied ethics. 2001. P. 268.
2. Veber M. *Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism] // M. Weber. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. M. Progress. 1990. Pp. 44–345.
3. Gelman V. Ya. *Avtoritarnaya modernizaciya v Rossii: missiya nevypolnima?* [Authoritarian modernization in Russia: mission impossible?] // *Mir Rossii* – World of Russia. 2017. No. 2. P. 38.
4. Inglehart R. *Kul'turnaya evolyuciya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivacii i kak eto menyaet mir* [Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world] / Ronald Inglehart; transl. from English by S. L. Lopatina; ed. M. A. Zavadskaya, V. V. Kosenko, A. A. Shirokanova; scientific ed. E. D. Panarin. M. Mysl'. 2018. 347 p.
5. Kozlova N. N. *Social'no-istoricheskaya antropologiya : uchebnyk* [Socio-historical anthropology : textbook] / N. N. Kozlova. M. Kluch. 1998. P. 76.
6. Merton R. *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social theory and social structure] / R. K. Merton. M. AST; Hranitel'. 2006. Pp. 770–782.
7. Ossovskaya M. *Rycar' i burzhua. Issledovaniya po istorii morali* [Knight and bourgeois. Research on the history of morality] / M. Ossovskaya. M. Progress. 1987. P. 26.
8. Prigozhin A. I. *Rossiyskij etos: obogashchenie ili lechenie?* [Russian ethos: enrichment or treatment?] / A. I. Prigozhin // *Obshchestvennyye nauki sovremennost'* – Social sciences and modernity. 2006. No. 4. Pp. 29–40.
9. Habermas Yu. *Modern – nezavershennyj proekt* [Modern – unfinished project] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1992. No. 4. Pp. 40–51.
10. Huebner B. *Proizvol'nyj etos i prinuditel'nost' estetiki* [Arbitrary ethos and compulsoriness of aesthetics] / B. Huebner. Minsk. Propylaea. 2000. P. 152.
11. Sheler M. *Ordo Amoris* [Ordo Amoris] // M. Sheler. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. M. Gnosis. 1994. Pp. 339–377.
12. Chinese older people // *Ageing and Society*. 2016. No. 1 (36). Pp. 133–159.
13. Eisenstadt S. N. *Breakdowns of modernization. The Dynamics of Modern Society*. New York. Basic Books. 1964. Pp. 434–448.
14. Eisenstadt S. N. *Tradition, Change and Modernity*. New York. John Wiley & Sons. 1973. Pp. 47–72.
15. Gel'man V., Starodubtsev A. *Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernisation: Russian Policy Reforms in the 2000s* // *Europe-Asia Studies*. 2016. No. 1 (68). Pp. 97–117.
16. Huntington S. P. *The change to change: modernization, development and politics. Comparative Modernization: A Reader*. New York. Free Press. 1976. Pp. 25–60.
17. Mattison S. M., Sear R. *Modernizing Evolutionary Anthropology* // *Human Nature*. 2016. No. 4 (27). Pp. 335–350.
18. *Modernisation in Russian Policy Reforms in the 2000s* // *Europe-Asia Studies*. 2016. No. 1 (68). Pp. 97–117.
19. Tiryakian E. A. *Sociologism and Existentialism: Two Perspectives on the Individual and Society*. Englewood Cliffs, N. J., 1962. VII–VIII. P. 31.

К определению понятия «единое целое»: позиция постхолизма

С. П. Мякинников

кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук,
Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева.
Россия, г. Кемерово. E-mail: mspcaph@list.ru

Аннотация. В статье ставится проблема выявления всеобщих взаимосвязей, отношений мира или любого объекта как целого, а также единого и его составляющих как уникальных единичностей. Данная проблема метафизики, будучи вечной, всегда остается актуальной. Ее злободневность и значение усиливает назревшая потребность в разработке особых мировоззренческих оснований и методологических подходов, способных плодотворно сопрягать достоинства мировоззренческо-методологических позиций приоритета части (меризма), приоритета целого (холизма) и приоритета единого (единоцентризма). Для этого необходим особый аппарат понятий-сплавов, который дополнит арсеналы категорий понятий-паллиативов этих позиций, не лишенных большой доли редуционизма. Автор статьи предлагает в качестве одного из таких понятий-сплавов использовать метафору и полуинтуицию «единое целое». В статье производится общая репрезентация и характеристика термина «единое целое», дается авторская экспликация соответствующего понятия. Осуществляется обзор использования данного термина и понятия в философской литературе. Анализируются достоинства и недостатки концепта единого целого различных авторов. Исходя из оригинальной точки зрения автора статьи на смысловое содержание понятий «единое» и «целое», производится обоснование возможности и границ самого поля смысла слова «единое целое», выделяемого в качестве их общей коннотации. Для этой цели используются понятие информации и представление об информационном поле Универсума из атрибутивной концепции информации. Обосновывается появление особого качества целого (целостности) из единого через атрибут единого (единство) в рамках единого целого. Делается вывод о том, что единое в едином целом присутствует в целом через части. Такое сопряжение единого, целого и частей становится возможным благодаря сродству информационной природы тех единичностей, что потенциально готовы стать частями данного целого объекта. Мировоззренческо-методологическую платформу, основополагающим понятием которой служит единое целое, предлагается именовать термином «постхолизм». Постхолизм предстает как уточненный, расширенный и углубленный холизм, способный объяснить как связку «единое-целое», так и уникальность в ней каждой части. Данные выводы могут быть использованы при разработке методологических подходов сложных объектов (например, экологических), установок мировоззрения, отличающихся учетом как единства, целостности многообразия форм, так и индивидуальности каждой из них (например, неэкологического мировоззрения).

Ключевые слова: единое, целое, единое целое, холизм, единоцентризм.

Несомненны актуальность и значение вечных метафизических, онтологических проблем целостности мира, единства многообразия его проявлений и уникальности каждого объекта, выделяемого в нем человеком. Но в чем актуальность рассмотрения проблемы многообразия форм мира, любого его объекта в пределах единого целого, т. е. проблемы интеграции взаимодополняющих друг друга единого, целого и части? Она видится в важности их соразмерного, пропорционального учета в современных реалиях научного познания, нуждающегося в новых мировоззренческих ориентациях и методах получения истинного знания и достижения темпов оптимального развития общества, которое находится в поиске путей и средств устойчивого развития.

Уточняя актуальность поставленной проблемы, выясним ее мировоззренческие, теоретико-методологические и практические аспекты. С мировоззренческой точки зрения актуальность состоит в назревшей необходимости расширения границ сознания путем дополнения осмысления целого и единого объекта мышлением партикуляризма, привносящим в универсальное мировидение конкретизацию, значимость отдельной уникальной части. В настоящее время часто признание единого мира, любого объекта целым лишает их ценных единичных черт и свойств. Важно на уровне мировоззрения осознать, что многие злободневные проблемы человечества (особенно глобального масштаба: экологические, политические, энергоресурсов, кризиса гуманизма и пр.) не могут быть разрешены без усмотрения единого

(как всеохватывающего и всепронизывающего начала) в целом и в каждой части. Пока в философии превалирует целостное, системное мировоззрение, которое не позволяет с достаточной степенью отчетливости увидеть за целым уникальность части и единое, пребывающее в каждой его части, скрепляющее все части с образованием данного целого. Если получится устранить эту мировоззренческую ограниченность, тогда, например, политик, озабоченный властью над целым государством, решая свои вопросы, будет признавать значимость не только самого целого, но и единого в нем (как вариант, национального духа, менталитета) и в каждой части этого целого (городе, социальной группе, любом гражданине), а значит, и значимость самой индивидуальной части.

С теоретико-методологической позиции вопросы признания целого не тождественны единому, соотношения целого и частей актуально звучат, если вспомнить современную общенаучную тенденцию интеграции знания. Эта тенденция нацеливает на устранение любого редуционизма, на достижение максимально возможного нонредуционизма. Методологически термин, объединяющий смысловое содержание терминов «единое» и «целое», имеет преимущество более высокой степени интегрированности по сравнению с собственно терминами «единое» и «целое». Это преимущество может быть использовано в целях более полного и точного исследования любого объекта со стороны интеграции его частей в целое.

С практической точки зрения, актуальность проблемы рассмотрения действительности как единого и как целого заключается в возможности изменения человеческой деятельностью ее структурно-функциональных характеристик в целях организации многоаспектного развития и равнозначного контроля на всех иерархических уровнях. Особенно это важно в условиях глобального экологического кризиса для социоприродных объектов или в социальной политике, где осуществляется регулирование общественных отношений между отдельными странами, регионами одной страны, социальными слоями ее населения и управляющим центром государства, осуществляющим их единство в целое.

Традиционно философия пытается решить проблему соотношения части и целого в рамках парадигмы холизма. Однако редуционистская недостаточность холизма замечается уже в его опоре на понятие «целое». Неудовлетворенность исследователей от философии этим понятием замечается уже в том факте, что оно не вошло в редакцию новой философской энциклопедии. Это понятие, видимо, признано анахронизмом и исключено из разряда философских категорий. Рассматриваемое в данном издании философской энциклопедии понятие «целостность» (видимо, заменяющее понятие целого) предстает без понятия целого существенно усеченным по смыслу [19, с. 316–317]. Следовательно, необходимо дополнение понятия целого и его понятий-спутников «целостность», «система», «комплекс», «интегративность», «эмерджентность» и пр. качественно иным арсеналом понятий. Нами предлагается в роли ключевого, уточняющего понятия целого считать понятие «единое целое». Думается, что с помощью особым образом интерпретируемого понятия «единое целое» можно достичь цели объединения эвристических потенциалов мировоззрений меризма и холизма и соответствующих им методологических установок.

Прежде чем рассмотреть более детально специфику понятия единого целого, проанализируем концепты «единое» и «единство», а также их соотношение с концептами «целое», «целостность». Единое есть то, что, будучи выделенное как одно (лишенное частей), отличается качественной однородностью свойств. Единое во многом есть общее. Важнейшим свойством единого служит единство. Единство также понимается как способность одного быть единым, т. е. выделенное важнейшим то качество одного, которое позволяет одному (даже условно единичному как одному) быть не дискретным, а монолитом. Целое же само по себе оказывается чем-то дискретным, образуемым из частей, из множества. Но, в отличие от последнего, целое имеет особые качественные свойства (цельность, целостность, системность и др.), позволяющие ему быть соединением качественно различающихся частей. Целостность есть качество нового состояния интегративно синтезированных единичностей, ставших частями целого, а цельность понимается как способность единичностей пребывать в рамках некоего целого без возникновения особого нового качественного состояния (например, асистемного комплекса). В такой репрезентации цельность есть суммативность, аддитивность.

Единое предстает как бесструктурное, качественно и количественно однородное, приоритетно функциональное в объекте, обеспечивающее его единство. Целое оказывается структурируемым, не столько качественно разнообразным, сколько количественно многообразным, обеспечивающим цельность, целостность объекта. Но т. к. целое есть последствие еди-

ного, но не наоборот, то единство не ограничивается рамками единого, а служит характеристикой объединения многого в целом, касается каждого отдельного, того, что в нем его связывает с другими отдельными многого. Тогда как целостность есть атрибут только целого (причем не любого), в котором многое (в виде совокупности частей) по причине присущего им единства складывается, например, в конгломерат, или интегрируется, например, в систему. Единое связано с целым через многое. Когда единство от единого охватывает многое, оно образует целостность, становясь целым.

Так как целое не есть единое, то требуется особая мировоззренческо-методологическая платформа, отличающаяся от холизма. В качестве наименования такой платформы предлагается использовать термин «единоцентризм», вполне выражающий смысл и назначение данной концептуальной конструкции. Данный термин только получает свое признание в науке, теологии, политике [9; 33, с. 154–155; 18, с. 4; 17, с. 1]. В оригинальной авторской репрезентации термин «единоцентризм» служит для обозначения мировоззренческо-методологической позиции, позволяющей рассматривать любой объект как единое образование.

Уточним особенности мировоззрения, методологии меризма, холизма и выделяемого из последнего едиоцентризма, признаваемые недостаточными для описания и объяснения, понимания действительности. К важнейшим особенностям методолого-мировоззренческой ориентации меризма относятся: сведение свойств целого к свойствам его частей (нонхолистичность); отсутствие обоснования появления качеств целого из качеств его частей; абсолютизация структурно-количественного подхода (квантитатизма) над функционально-качественным (квалитатизмом); механистический и элементаристский характер целого; не учет единого и его свойств для частей целого, каждой части; преимущественная дискретность анализируемого объекта; примат объективно материалистической установки стиля мышления; учет уникальных свойств каждой части (дистинктивность). Последняя черта делает меризм значимой характеристикой в картинах мира и методологических конструктах, т. к. обеспечивает им должную степень конкретизации.

Основными особенностями методолого-мировоззренческой ориентации холизма оказываются терминологическая многозначность и смысловая размытость понятий «целое», «целостность» и «холизм»; абсолютизация свойств целого и сведение к ним свойств частей; превалирование структурно-количественного подхода (квантитатизма) над функционально-качественным (квалитатизмом); отсутствие убедительных доводов появления целостности при интеграции частей в целое; не учет уникальности каждой части (нондистинктивность); преобладание фрагментарности (дискретности) при наличии ограниченной протяженности и длительности (континуальности); преимущественная объективно-материалистическая установка. Принципиальная нацеленность концепта холизма на целое, целостность делает его незаменимым в общих воззрениях и методологических исследованиях в философии и науке.

Тогда специфическими чертами методолого-мировоззренческой позиции едиоцентризма служат: необоснованность и полисемантизм понятий «единое», «единство»; отсутствие в философской традиции термина «едиоцентризм»; преувеличение значения единого, редукция к единству свойств целого и частей; отсутствие обоснования индивидуальности отдельной части, ее качеств (нондистинктивность); акцентуация на функционально-качественный подход (квалитатизм) и второстепенность структурно-количественного (квантитатизма); чрезмерная отвлеченность смысла понятий «единое» и «единство», предопределяющая крайне абстрактный и метафизический характер едиоцентризма.

Преодоление недостатков выше перечисленных мировоззренческо-методологических ориентаций становится отчасти возможным благодаря диалектике Г. В. Ф. Гегеля, герменевтике, синергетике, общей и атрибутивной теории информации. Гегелевская диалектика показывает способ, механизм объединения единичностей в целое в качестве частей через единство противоборствующих сторон (от тезиса через антитезис к синтезу; к мере количества и качества в новом качестве целого – целостности и др.). Диалектика Гегеля является ярким примером сочетания философии холизма и едиоцентризма. Гегеля следует считать едиоцентристом уже за то, что он выводит развивающийся мир как целое из внешнего и предшествующего ему единого духовного первоначала – абсолютной идеи. В то же время вне рассмотрения трансцендентального участия субстанции мирового духа в судьбе материального мира последний представляется Гегелем относительно самостоятельным целым, т. е. вполне холистически. Материальная реальность для Гегеля оказывается развивающейся целостностью жизненного процесса, инициированного высшим Единым духовного первоначала. Будучи не только холи-

стом, Гегель отмечает относительность соотношения целого и частей. Он говорит о невозможности выяснения того, что первично целое или части, т. к. они даны лишь в сопряжении друг с другом. Он признает, что нет целого без частей, как нет частей без целого [цит. по 4, с. 79–80]. Таким образом, важно учитывать условность меристических, едиоцентрических и холистических ориентаций мировоззрения и методологии. Сложно обнаружить в истории философии абсолютных меристов, холистов или едиоцентристов. Чаще всего один и тот же мыслитель в одном отношении холист, а в другом – едиоцентрист, как Гегель (или мерист).

Для Гегеля-холиста целое (как и части) – результат поверхностного исследования, отметка внешнего характера соотношения целого и частей, более присущего материальным формам бытия. Но для Гегеля как едиоцентриста тотальность единого (или единство) достигается в конкретном тождестве, в синтезе всего в ходе саморазвития абсолютной идеи. Кроме того, целостность, по Гегелю, есть выражение подлинного, органического духовного единства [там же, с. 78].

Диалектическая логика и учение об абсолютной идее Гегеля явились мощными методологическими основаниями холизма и едиоцентризма, нанеся существенный удар по механицизму, меризму. П. В. Ополева полагает, что именно Гегель был первым, кто концептуально выразил представление о сущности «саморазвивающихся систем и процесса становления системной целостности», которое после него развили сторонники диалектического материализма [20, с. 469].

Д. В. Варгин различает рациональную и иррациональную герменевтику. В отмечаемом им интуитивном подходе герменевтики превозносится холистическая редукция рационально выделенных частей к интуитивно постигаемому целому. Так считают, например, Ф. Шлейермахер, В. Дильтей. «Интуитивное предпонимание» целого первично и определяет само логически конструируемое позднее понимание. Интуиция непосредственно схватывает целый текст, постигая его сущностный, целостный смысл. Но и в рациональном герменевтическом подходе заметны холистическая и едиоцентрическая ориентации. Только единство объекта и его интерпретации субъектом позволяют постичь данный объект как целое. На этом примере видно намерение согласовать интуитивное озарение в интерпретации и логическое понимание с самим познаваемым объектом. Но все же в герменевтическом холизме можно обнаружить и меризм, т. к. истинное знание герменевтики преимущественно определяется субъективной позицией конкретного исследователя. Более того, разделение на части целостно осмысляемого объекта считается неизбежным условием признания бытия этого объекта целым, является гарантом понимания последнего [5].

Еще более заметна неоднозначность методологической позиции герменевтики, своеобразная диалектика целого и частей в проблеме «герменевтического круга». Еще предшественник Шлейермахера Фр. Аст рассматривает понимание как постижение внутреннего духовного единства текста. Это духовное единство произведения выражается в отдельных его фрагментах, частях. Но эти части не понимаются без экспликации всего целого произведения. Одновременно и целое проистекает из оптимальной согласованности частей. Аст специализирует герменевтический круг, сводя его к проблеме соотношения частей и целого текста [38, р. 77].

У Ф. Шлейермахера понимание значения отдельных слов в языковом выражении определяет понимание его общего смысла. Но возможна и обратная связь благодаря тому, что целое языковое выражение придает значение каждому слову в нем, тем самым уточняется значение всего языкового выражения. Такой круг понимания он и называет герменевтическим [39, р. 166]. В герменевтическом круге понимание целого и его частей диалектически противоречат друг другу. Части уточняются через ранее понятое целое в процессе углубления от формы к содержанию, но целое (общая форма) и заключает понимание частей (содержание объекта).

Тотально восприятие жизни В. Дильтеем через понимание отдельных единичностей. Суть герменевтического круга, со слов Дильтея, состоит в том, что при интерпретации текста «целое предложение должно быть понято из индивидуальных слов и их комбинаций и полное понимание индивидуальных частей предполагает понимание целого» [37, р. 259]. У него без выяснения значения частей нет понимания целого.

Многие современные методологические подходы, преодолевающие меризм, являются, по сути, холистическими или едиоцентрическими (теологический, целостный, системный, синергетический, экологический, информационный и пр.). Особого внимания заслуживает информационный подход к исследованию соотношения целого и частей, разработанный в атрибутивной теории информации. В ряде философских работ информация предстает сугубо

онтологически и объективно атрибутом материи [6, с. 84; 16, с. 26–27]. Атрибутивная теория информации обнаруживает источник, предпосылку, условие для реализации механизма взаимодействия единого, целого и частей – разнообразие, порождающее во всем универсуме феномен информации. Следуя данной теории, такую информацию следует представить отражением всего разнообразия мира. Как атрибутивное свойство материи информация есть результат отражения всего различающегося в физическом мире. Но информация как процесс связана с взаимодействием, в ходе которого и возникает физическое разнообразие в единстве с отражением. Онтологически и гносеологически эксплицируемая информация как разнообразие предстает итогом взаимодействия объектов, когда каждый из них изменяет свойства другого, получая тем самым различия своих свойств от столкновения с отличающимся по свойствам другим объектом. Устраняя неопределенность взаимодействующих единичностей, способствуя оформлению их множества в упорядоченное, организованное целое, информация участвует в их объединении, в процессе превращения их в части данного целого.

Возможны попытки комплексирования нескольких подходов. Так, могут быть сопряжены идеи и средства методологического исследования диалектики, синергетики и теории информации. Диалектический синтез взятых в единстве противоположностей с позиции синергетики есть объединение множества определенных формообразований, движущихся от состояния хаоса (одной противоположности) к состоянию все большей упорядоченности, целостности элементов самоорганизующейся системы (другой противоположности). Движение, изменчивость этих формообразований порождает различия их состояний, свойств, характеристик, что и служит причиной появления информации. Но любое комплексирование, прежде всего, механистично, а уже потом холистично.

В свою очередь, классические меристические подходы, направленные на признание первостепенными отдельных частей, специфических деталей организации и развития объекта (например, механицизм и редукционизм целого к частям у Р. Декарта и французских, английских материалистов XVIII в.) устраняют холистическую методологию. Однако, например, в современной науке признается, что исследование целого будет неполным, если его дополнить изучением особенностей частей. Так происходит сглаживание крайностей меризма и холизма в теории целостности И. В. Блауберга. Он считает, что проблему соотношения частей и целого можно решить, используя в сопряжении методов анализа и синтеза. Лишь единство того и другого может позволить получить достоверное знание о целом. Анализ представляет информацию о свойствах частей, а синтез объясняет, как из этих частей складывается само целое, его специфические свойства [4, с. 81].

Теперь перейдем к уточнению термина «единое целое» и к рациональному обоснованию соответствующего понятия. Отечественные интерпретаторы и переводчики текстов работ различных философов, начиная с древнегреческих, часто используют термин «единое целое». Так, В. Соколов приписывает пифагорейцам представление о космосе как «едином целом» [1, с. 24]. Аристотель, анализируя учение Эмпедокла, отмечает объединение в «единое целое» элементов материи посредством «Дружбы» [там же, с. 301]. Да и сам Эмпедокл в труде «О природе» упоминает о едином целом как последствии «Любви» [там же, с. 304]. Е. Н. Князева, усматривая у Платона «холистические мотивы» в космологии, приписывает ему понимание космоса как «единого самоопределяющегося целого» и просто как «единого целого» [13, с. 24]. Продолжая разговор о Платоне, стоит привести в качестве примера перевод диалога «Парменид» Н. Н. Томасовым. Он не только характеризует «вторую часть» диалога как «единое целое» [23, с. 32]. У Томасова сам Парменид изрекает это сочетание слов. Парменид говорит о едином целом как, по сути, об особой коннотации целого, которое, как и часть, причастна единому [там же, с. 22]. В диалоге Платона «Филеб» Сократ утверждает, что цвет и фигура, как роды, есть единое целое для всех видов цветов и фигур, как образующееся из последних, являющихся различными его частями [25, с. 9]. В диалоге «Тимей» Платон вкладывает в уста Тимея суждение о том, что «устроитель» организовал космос как «единое целое» [24, с. 436].

В «Чжуан-цзы» утверждается, что все сущее образует «единое целое» [1, с. 212]. Е. А. Игнатенко, анализируя онтологию неоплатоника Мелисса, утверждает, что последний рассматривает «единое целое» состоящим из взаимоподобных частиц [11, с. 3]. В XII в. Чжу Си утверждает, что «единое целое» создают «разум-закон» и скопления «ци» [1, с. 256]. В. Шеллинг (по свидетельству Дж. Реале Д. и Антисери) называет абсолютное тождество Б. Спинозы единым целым, которое сам понимает в качестве универсума [27, с. 51]. М. Ф. Ахундов определяет Бога как «единое целое» [3, с. 570]. М. А. Бакунин утверждает, что внешний мир воспринима-

ется не «единым целым», а «бесконечными нагромождениями» объектов. И только мышление человека привносит в последние единство [там же, с. 350]. Г. Спенсер (в переводе А. С. Богомолова) усматривает, что все процессы развития в материи составляют «единое целое» [2, с. 613]. Н. А. Спешнев предлагает соединить в «единое целое» всех активных людей во имя человеческого прогресса [3, с. 167]. В. Вундт указывает на соединение мышлением всего множества «отдельных связей» в «единое целое», как на важнейшее условие создания «единого мировоззрения» [2, с. 642].

В одном из современных философских словарей единство, отождествляемое с единицей, понимается двояко: либо как нечто наглядное «единичное», как «единица счета» (т. е. сугубо количественно), либо как множество взаимосвязанных частей, производящих единое впечатление и потому представляющихся как взаимодействующее единое целое, как «синтетическое единство» [34, с. 155] (т. е. количественное переходящее в особое качество). Во втором случае отмечается отождествление не только единства и единого целого, но и их обоих с множеством и даже с целым, целостностью.

В настоящее время многими принято считать единым целым то, что не может разделяться на части, т. е. упрощать свою структуру без изменения функциональных характеристик [9]. Уже У. Р. Эшби, характеризуя общую теорию систем, утверждает, что в ней возникает возможность изучать систему без ее расчленения (а не как в химии и физике) на элементы. При этом взаимодействия между последними сохраняются в нерасчленном виде, а сама система предстает единым целым [4, с. 145]. И. В. Прангишвили отстаивает мысль о том, что системная иерархия элементов функционирует как единое целое [26, с. 41], что она есть множество элементов, взаимосвязанных между собой и «образующих целостность, единство» [там же, с. 77]. Структурой системы у Э. М. Сороко оказывается «остановленное движение», застывшее в фиксации состояние ее изменения, которое выражает определенную конфигурацию сопряженных элементов этого «единого целого» [32, с. 133]. В. А. Барабанщиков усматривает сущность идеи целостности в рассмотрении любых объектов в качестве единого целого. При том важнейшей характеристикой такого единого целого он считает несводимость свойство целого к сумме его частей [цит. по 30, с. 92]. И. Ф. Складов считает сложную систему совокупностью объединенных одной целью частей, представляющих единое целое [31, с. 12]. В зарубежной литературе также присутствует подобная многозначность термина «единое целое». Так, Э. Бенвенист, исследуя язык как систему, называет его также единым целым иерархически организованным структурным образованием [29, с. 85]. Э. Ласло использует термин «единое целое» для характеристики Вселенной [15].

Выше осуществленный анализ авторских позиций из различных литературных источников показывает, что термин «единое целое» обозначает не более чем метафору, достаточно рационально не обоснованную интуицию, смысл которой точно не определен. Об этом говорят случаи намеренного отождествления понятий целого и единого с понятием единого целого как с недооформленной коннотацией их обоих. Так, С. Л. Картечко отождествляет целое и единое целое [12], а В. Жикаренцев считает, что целое одновременно и является единым, и двойится [10, с. 95]. Более того, часто остается не совсем ясно: либо интерпретатор произвольно вводит данный термин для комментирования, либо сам философ, которого комментируют, использует его (или подобный ему по значению). В рассуждениях авторов только угадывается, ощущается их намерение термином «единое целое» обосновать некую смысловую связку данных понятий, выразив тем самым его особый статус. Однако непосредственно такие обоснования у них отсутствуют. Но ведь целое есть то, что состоит из частей, а единое частей не имеет. Уже термин «единое целое», рассматриваемый как имеющий дополнительное значение отдельно как термина «единое», так и термина «целое» не является точным.

Только в термине «единое целое» смысловое содержание терминов «единое» и «целое» дополняют друг друга. В этом обстоятельстве заключена возможность предложения понятия «единого целого», обладающего смысловым преимуществом перед отделенными друг от друга понятиями «единое» и «целое». Если части целого объекта не проявляют каждый по отдельности полного качества целостности, то локусы смыслового пространства единого допускают возможность пребывания во всей своей полноте качества единства в каждом из них. Но, постулируя такую возможность, следует оговориться, что тогда термин «единое» не может заменить термин «целое» при объяснении отдельных объектов. Единое невозможно без дополнения целым, а целое не существует вне единого. Но необходимо выделять особое смысловое пространство, где наличествует единое, где имеет смысл говорить о наличии од-

ного качества во всем качественном разнообразии проявлений поля одного смысла. Самопробывающее, рассматриваемое вне пространства-времени, единое непознаваемо в отрыве от материального целого, чьи структурные единицы заполняют соответствующий объем смысла и самоактуализируются в нем в значении самостоятельных в себе отдельностей.

Целое вполне материально, синтезируемо из физически определяемых частей. Единое же, взятое само по себе, оказывается объективно-идеалистической реальностью (в духе неоплатоников). Оно предстает спекулятивно выхолащенной простотой без состава, строения с той или иной степенью сложности, фоном без содержания, сущностью без ее проявлений, монолитным, единообразным качеством без количества, чистой потенцией без возможности реализоваться в себе. Все это делает самодостаточное единое мистифицированным, мифологическим или религиозным, теологическим понятием. Другое дело понятие «единое целое», в котором единое выглядит смысловым пространством, где помещаются отдельные смысловые дискретности частей, слагающих целое. Такое единое есть непрерывно протяженный и длящийся фон для частей целого, особая континуальность, насыщенная вкраплениями ограниченных в пространстве и времени, фиксируемых единичных отдельностей в некоем целом.

Именно единство частей служит изначальной предпосылкой для их объединения в целое с появлением качеств целостности. Нет целого без единства его частей. А значит, единое предшествует целому. Но целое не может не иметь от единого свойств единства, т. е. как целое не предшествует единому, так и целостность не предшествует единству. Например, если целое есть материальная вещь, мир материи (всецелое), а единое (как Первоединое и Всеединое) – Бог или информационное поле универсума, то понятно, что божественные эманации или информационные потоки, пронизывая все и данное целое, пребывают в нем и участвуют тем самым в упорядочивании его частей, в организации структур целого, процессов его функционирования и развития, появления его особых свойств (в том числе целостности). Итак, целостность невозможна без единства.

В связи с этим допустимым оказывается введение терминов, обозначающих основополагающие характеристики и свойства единого целого. Одним из них предлагается термин «единство целостности» (или «целостное единство»). В понятии «единство целостности» ставится акцент не только на фиксацию качественной однородности всех количественных свойств (количественного многообразия) при наличии некоего разнообразия общих состояний, изменений объекта, сохраняющих в определенных границах его определенность, но и на учет и сохранность специфичности, уникальных свойств каждой части данного целого. Уже у А. Ф. Лосева находим, что личность есть не просто единство, т. к. целостна. Но такое единство характеризуется еще единственностью, единичностью, неделимостью, уникальностью [цит. по 28, с. 17]. Эта мысль Лосева интересна тем, что показывает своего рода смысловой переход от единства, которое предполагает и целостность, к единству целостности, в котором только, по нашему мнению, и возможна фиксация единственного, уникального в автономно рассматриваемом.

С учетом сказанного, автором статьи предлагается следующая экспликация смыслового содержания понятия единого целого. Единое в едином целом присутствует в его целом через части. В данном смысле не из целого возможно непосредственное оформление частей, а прежде из единого. Свойства единого (в первую очередь имеется в виду единство) видны в каждой части из множества выделяемых частей целого. Это обстоятельство и служит источником, предпосылкой возникновения целостности – атрибута целого. Когда многие единичности, становясь частями, взаимодействуют, проявляют заложенное в них еще до этого единство и из их конгломерата, смеси, совокупности образуется интегративное целое. Так, в целом оказывается единое, его свойства. Целому, как и частям, присуще единство, но единство, актуализированное по сравнению с потенциальным, не проявленным единством единичностей, пребывающих не во взаимосвязанном состоянии, во множестве. Потенция новых качеств формирующегося целого осуществляется, превращается в действительность, когда единство (что делает единым это множество) актуализируется во всех объединяемых частях.

Но что служит стимулом для такой актуализации, силой реализации потенции единства в частях? Думается, что содвижение различающегося, а точнее разных единичностей, которые оказываются частями, ведущее к их взаимодействию по причине проявления их сродства (единого в них). В этих единичностях многого, а затем частях целого – различная степень сродства, которая задается природой их материально-энергетических носителей. Материя привносит в единое каждой части, в их объединение различную толику влияний, которые в разной степени ограничивают (затрудняют) проявления единого в них (определяя тем са-

мым степень их сродства). Актуализация единства происходит, если части по своей природе достаточно сродственны и способны образовать целостность (целое с новым качеством). Если их природа недостаточно совместима, то такой сродственности, а, значит, целостности не возникает. Образуется в лучшем случае конгломерат аддитивно сосуществующих частей, смесь, суммативное множество, механический комплекс (совокупное целое без нового качества – целостности).

Но какова сущность этого единого в частях, в каждой части, что позволяет им смыкаться и интегрироваться? Полагаем, что причиной данного содвижения служит информация в виде информационных потоков. Где информация есть мера упорядочивания, организации и динамизма, качественно разнородных структурно-функциональных связей различных материальных и нематериальных форм бытия. Такая информация выступает в роли универсального принципа фундирования единства любого объекта. Она есть то, что привносит единство, всеобъемлюще обобщая, объединяя все множество форм действительности, пребывая в каждой из этих форм.

Единичная часть, как и любое целое, понятие соотносительное. Понятно, что единичное в одном отношении оказывается сложным целым в другом отношении. Поэтому с определенной мерой условности можно говорить об единичных-целых объектах. Но единое для единичной части и ее же как целого – одно и то же. Вполне допустимо с определенной степенью условности признать, что такое единое есть информационное поле. В атрибутивной теории информации есть неотъемлемое, существенное свойство всего бытия. За основную форму существования информации в Универсуме многими авторами принимается полевая динамическая структура [14, с. 202–215; 266; 35, с. 25–35; 7, с. 11–13; 51; 22, с. 78–79; 36, с. 116] и др. Более того, например, Юзвизин, говоря об объединяющей роли информации, называет ее «генерализационно-единой субстанцией Вселенной» [там же, с. 63]. У него информация по своей сущности «пронизывает всю Вселенную» [там же, с. 66]. В таком случае становится очевидным факт всепронизанности и всеобъемлемости мира. Любое поле по причине своей континуальности, непрерывной протяженности объединяет все то, что в нем находится. Если учесть, что все изменения в мире происходят не без участия информации, то следует признать информационный аспект любых вещественно-энергетических процессов.

Полевая субстанция несет информацию и о данном объекте как целом, и об общих свойствах всего множества единичных-целых, представляемых в разных ракурсах рассмотрения и индивидуальную информацию об уникальных качествах каждого целого как единичного для другого целого. Так как только полевое образование способно содержать в каждой своей точке информацию о едином и обо всем множестве по причине своей континуальности. В информационном поле (едином для всего в мире) происходят перманентные информационные процессы, транслирующие различную информацию в разных направлениях. Сочетаясь, переплетаясь, перекрещиваясь, информационные потоки смешивают эту информацию в каждой точке информационного пространства, образуя очень густую сеть. В результате этого в любой точке данного пространства содержится одинаковая информация обо всем.

Любая информация пребывает в каждой точке такого поля в потенции. Но проявляется, реализуется в материальном или духовном планах она только при наличии особых внешних условий – при наличии в данном пространственном локусе определенного рода неинформационных (материальных или идеальных) образований. Эти образования (например, материальный объект или сознание) являются своего рода носителями информации. Причем специфика проявления этой информации в каждой точке «инфополя» во многом напрямую зависит от особенностей материальных (вещественно-энергетических) структур и (или) идеально-духовных образований психики человека, которые она «подстигает». Одновременно эта специфика определяет индивидуальность выраженности качеств данного материального или психического состояния, формы бытия как определенного единичного-целого. Единое и целое есть две стороны любого объекта, эксплицируемого как единое целое. Аспект выделения в объекте единого представляет собой акцентуацию на информационно-энергетические, континуальные, полевые измерения, срезы этого объекта. Аспект целого данного объекта есть акцентуация на вещественно-энергетические, дискретные его измерения, срезы, обращение внимания на дифференцированное в нем. Информационное в объекте как едином целом неразрывно связывается с вещественным через энергетическое.

За неимением подходящего термина, именующего мировоззренческую ориентацию и методологический подход исследования феномена бытия, выражением которого служит

смысловое пространство термина «единое целое» (в отличие от терминов «целое» и «единое»), обозначим их термином «постхолизм». Становящаяся парадигма постхолизма не может довольствоваться понятийным арсеналом сводящего части к целому холизма (а тем более уничижающего целое и единое меризма) по причине своей принципиальной чуждости абсолютизации одного при отвлечении от другого. Тем более постхолизм не соответствует мировоззренческо-методологической позиции меризма, абсолютизирующей сумму частей (механицизм), отдельные части (атомизм, элементаризм, партикуляризм) и редуцирующей целое к частям. В отличие от философских платформ меризма, холизма и единогоцентризма постхолистическое мировоззрение и соответствующая ему методология дают возможность учесть как целое в свойствах его частей, части в свойствах целого, зависимость тех и других от свойств единого, так и уникальность каждой части, ее свойств, обоюдно ограничивающие друг друга квалитатизм и квантитатизм, и другие характеристики собственно частей и целого.

Предлагаемый нами концепт постхолизма есть не столько «нонхолизм», сколько «квализохлизм», «экстрахолизм». Он углубляет, расширяет и дополняет смысловое содержание холизма, а не исключает его, т. к. целое не аннулируется, а дополняется единым и единичным, обладающим уникальностью. Приставка «экстра-» (лат. сверх, вне, кроме) применяется, т. к., во-первых, содержит дополнительно привнесенный, измененный смысл целого в рамках единого целого. Тем самым появляется возможность выйти за пределы прежнего, оказавшегося ограниченным, смысла холизма. Данная приставка к тому же более точно и полно, т. е. качественно выражает специфику взаимообусловленности и взаимодействия частей в целом, особенности единого путем уточнения смыслового пространства терминов и понятий части, целого, единого и их свойств. Приставка «квази-» (лат. якобы, как будто) оправдывается привнесением значения мнимости при оценке понятия холизма. Ее добавление к слову «холизм» также означает внешнее подобие, близость или похожесть некоторых сторон с исходным термином «холизм». Подобное поверхностное сходство терминов «холизм» и «постхолизм» (интерпретируемый как квазихолизм) объясняется в первую очередь наличием в составе понятия постхолизм значительной доли смыслового содержания образующих его терминов «целое» и «часть».

Методологией постхолизма выступает нонредукционизм, позволяющий произвести смысловой переход от понятий единого, целого, части к понятию «единое целое частей» (или сокращенно «единое целое»). Нонредукционизм в нашем случае не исключает второстепенную редукцию частей к целому или целого к частям, как и редукцию единого к целому, а целого к единому, но приоритетным остается их паритет в рамках единого целого. Подобным образом понимаемая нонредукционистская методология постхолизма имеет большое практическое значение для создания оснований (к примеру) наиболее адекватной реальности экологической картины мира, экологического мировоззрения. Именно в экологии в наибольшей степени обнаруживается потребность в методах, учитывающих не только глобальный охват объектов исследования, но и специфику их индивидуальных черт, особенностей структурно-функциональной организации и развития. В настоящее время в экологических исследованиях преобладает популярный в современной науке умеренный системный холизм, ограниченно допускающий меризм в формах элементаризма и необходимый для анализа экообъектов редукционизм. Единогоцентризм в любой форме продолжает исключаться и как мировидение, и как методология не только в экологии, но и во всей науке до последнего времени. Так как традиционно за единым закрепляется значение, как правило, неприемлемого для ученого божественного первоначала, выпадающего за рамки научных интересов. Думается, что вполне оправданная всем ходом исторического развития человеческой мысли позиция единогоцентризма все же не позволяет разрешить некоторые достаточно существенные вопросы образования целого из частей. Например, в теории систем, во всем научном познании нет ответа на то, откуда и почему в целом возникают новые качества, которых нет у его частей. Стоя на позиции холизма, этот вопрос не поддается разрешению. Философия в лице гегелевской диалектики показывает лишь, как из количественных изменений возникают качественные (т. е. механизм перехода одних в другие), но ничего не говорит о причинах, предпосылках такого перехода [21, с. 152–153].

Тем не менее, с позиции постхолистического нонредукционизма, не только учитывающей целое холизма, но и единое единогоцентризма в сопряженном виде (как единое целое), представляется возможным разработать методологию, лишенную основных крайностей редукционистской абсолютизации меризма, холизма и единогоцентризма. С такой мировоззрен-

ческо-методологической позиции, например, экообъект будет выглядеть единым целым, в котором учитываются его индивидуальные свойства, свойства целого и единого. Причем возможно оправдание свойств единого, как в отдельных частях, их группах, общей сумме, так и во всем целом. Более того, в таком случае становится возможным объяснение появления новых качеств социоприродного целого (в частности, целостности) при интегрировании его социальных и природных частей по причине проявления наличествующего в нем «сверхсоциоприродного» единого (например, экологически интерпретируемого поля информации) после образования такого целого из частей, в которых также изначально пребывает данное единое. О наличии единого в частях и целом экообъекта свидетельствует, например, такое присущее им свойство, как (информационное) единство. Если целостность, как атрибут целого, демонстрирует особенности синтеза из частей целого в едином целом, то единство, как атрибут единого, указывает на то, что данный объект как единое целое изначально или изначально не образован частями, а они выделяются из единого данного объекта после его возникновения в значении структурных сегментов и функциональных фрагментов.

Мировоззрение постхолизма нуждается в методологических средствах для разработки особого категориально-понятийного аппарата – не понятий-паллиативов, а понятий-сплавов, в которых максимально выражался бы смысловой контент подлинного нонредукционизма, понятий-спутников уже не интуиции, а полноправной философской категории «единое целое». Такая категория может обеспечить разработку картины мира, максимально соответствующую действительности.

Список литературы

1. Антология мировой философии : в 4-х т. Т. 1. Ч. 1 / ред. кол. В. В. Соколов и др. М. : Мысль, 1969. 576 с.
2. Антология мировой философии : в 4-х т. Т. 3 / ред. кол. Н. С. Нарский и др. М. : Мысль, 1971. 760 с.
3. Антология мировой философии : в 4-х т. Т. 4 / ред. кол. В. В. Богатов и др. М. : Мысль, 1972. 708 с.
4. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. М. : Эдиториал УССР, 1997. 448 с.
5. Варгин Д. В. Проблема понимания в современной герменевтике // Российский гуманитарный журнал. 2012. № 1. С. 67–72.
6. Ващекин Н. П., Пасхин Е. Н., Урсул А. Д. Информатизация общества и устойчивое развитие. М. : Изд-во МГУК, 2000. 268 с.
7. Гухман В. Б. Прикладная философия информации. Тверь : ТвГТУ, 2012. 192 с.
8. Единое целое. URL: http://ru.wiktionary.org/wiki/единое_целое (дата обращения: 03.03.2019).
9. «ЕЦ» предложит обществу идеологию «Единоцентризм». URL: <https://news.online.ua/2233/ets-predlozhit-obshchestvu-ideologiyu-edinotsentrizm> (дата обращения: 05.02.2019).
10. Жикаренцев В. Жизнь без границ. Строение и законы дуальной Вселенной. СПб. : Астрель, 2008. 100 с.
11. Игнатенко Е. А. Мелисс и его единое целое. URL: <https://nauchforum.ru/conf/social/xii/26846> (дата обращения: 23.03.2019).
12. Катречко С. Л. Категориальное различие между «Все», «Единое», «Целое». URL: <http://text-archive.ru/c-1707443.html> (дата обращения: 23.01.2019).
13. Князева Е. Н. Возвращение к единству: методологические аспекты эволюционного холизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3. С. 23–35.
14. Коган В. З. Теория информационного взаимодействия. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 320 с.
15. Ласло Э. Холизм в современной науке. Статья из книги «Вавилонская башня: последний ярус». URL: <http://www.wholeworld.ru/stati/ervin-laslo-cholizm-v-sovremennoy-nauke.html> (дата обращения: 12.05.2018).
16. Марков Ю. Г. Экология и информация. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2008. 163 с.
17. Мокий В. С. Единоцентризм как основа трансдисциплинарной науки // Методология научных исследований. Трансдисциплинарные подходы и методы. Нальчик : Studme.org, 2018. URL: https://studme.org/252890/filosofiya/edinotsentrizm_osnova_transdistsiplinarnoy_nauki#807 (дата обращения: 21.02.2018).
18. Мокий В. С. Трансдисциплинарные аспекты человеческого мировоззрения // Universum: Общественные науки : электронный науч. журн. 2015. № 4. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2100> (дата обращения: 26.12.2018).
19. Новая философская энциклопедия : в 4-х т. Т. 4 / под общ. ред. В. С. Степина М. : Мысль, 2010. 736 с.
20. Ополев П. В. Синергетика в философской традиции // Омский государственный педагогический университет. 2010. № 2. С. 467–472.

21. Орлов В. В., Гриценко В. С. Проблема сложности в современной зарубежной философии // Философия и общество. 2010. № 1. С. 141–155.
22. Павлов А. Н. Основы экологической культуры. СПб. : Политехника, 2004. 334 с.
23. Платон Парменид. URL: <https://booksafe.net/read/platon-parmenid-181995.html#> (дата обращения: 14.04.2019).
24. Платон Тимей / Платон. Сочинения : в 4-х т. Т. 3. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та ; Изд-во Олега Абышко, 1994. 654 с.
25. Платон Филеб / Платон. Сочинения : в 4-х т. Т. 3. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та ; Изд-во Олега Абышко, 1994. 654 с.
26. Прангишвили И. В. Системный подход и общесистемные закономерности. М. : СИНТЕГ, 2000. 528 с.
27. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней : в 4-х т. Т. 4. СПб. : Пневма, 2003. 880 с.
28. Ряснова О. В. Современные глобализационные процессы как философская проблема // Социум и власть. 2016. № 5. С. 15–19.
29. Садикова В. Топика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2017. 164 с.
30. Сараева Н. М., Суханов А. А. Принцип системности в экопсихологическом исследовании. М. : КРАСАНД, 2010. 112 с.
31. Скляров И. Система – системный подход – теории систем. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 152 с.
32. Сороко Э. М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем : Введение в общую теорию гармонии систем. М. : КомКнига, 2006. 264 с.
33. Товбин К. М. Традиционная духовность: философский анализ // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2013. № 3. С. 151–161.
34. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Корблева, В. А. Лутченко. М. : ИНФРА-М, 2005. 576 с.
35. Цымбал Л. А. Синергетика информационных процессов. М. : Наука, 1995. 119 с.
36. Юзвишин И. И. Основы информатиологии. М. : Информациология, Высшая школа, 2000. 517 с.
37. Dilthey W. Selected Writings. L. 1976.
38. Palme K. Hermeneutic s. Evanston, 1969.
39. Schleiermacher F. D. E. Hermeneutik. Heidelberg. 1969.

To the definition of a "single whole": the position of postholism

S. P. Myakinnikov

PhD of Philosophical Sciences, associate professor of the Department of history, philosophy and social sciences,
Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.
Russia, Kemerovo. E-mail: mspcaph@list.ru

Abstract. The article raises the problem of identifying universal relationships, relations of the world or any object as a whole, as well as the one and its components as unique singularities. This problem of metaphysics, being eternal, always remains actual. Its relevance and value reinforces the urgent need to develop a special philosophical bases and methodological approaches capable of efficiently matching the dignity of the methodological positions of the priority part (merism), the priority of the whole (holism) and priority one (idiocentrism). This requires a special apparatus of concepts-alloys, which will complement the arsenal of categories of concepts-palliatives of these positions, not devoid of a large share of reductionism. The author of the article suggests using metaphor and semi-intuition the "single whole" as one of such concepts-alloys. In the article the general representation and the characteristic of the term "whole" is made, the author explication of the corresponding concept is given. A review of the use of this term and concept in the philosophical literature is carried out. The advantages and disadvantages of the concept of the whole of different authors are analyzed. Based on the original point of view of the author of the article on the semantic content of the concepts "single" and "whole", the justification of the possibility and boundaries of the field of meaning of the word "whole", allocated as their general connotation, is made. For this purpose, the concept of information and the representation of the information field of the Universe from the attributive concept of information are used. The author substantiates the emergence of a special quality of the whole (integrity) from the one through the attribute of the one (unity) within the whole. It is concluded that the one in the whole is present in the whole through parts. Such a Union of the one, the whole and the parts becomes possible due to the affinity of the informational nature of those singularities that are potentially ready to become parts of this whole object. The ideological and methodological platform, the fundamental concept of which is a single whole, is proposed to be called the term "postholism". Postholism appears as a refined, expanded and in-depth holism that can explain both the "single whole" bundle and the uniqueness of each part in it. These findings can be used in the

development of methodological approaches of complex objects (for example, environmental), worldview settings, differing in terms of both unity, integrity, diversity of forms, and the individuality of each of them (for example, neoecological worldview).

Keywords: single, whole, single whole, holism, idiocentrism.

References

1. *Antologiya mirovoj filosofii: v 4-h t. T. 1. Ch. 1* – Anthology of world philosophy: in 4 vols. Vol. 1. Part 1 / ed. board V. V. Sokolov et al. M. Mysl'. 1969. 576 p.
2. *Antologiya mirovoj filosofii: v 4-h t. T. 3* – Anthology of world philosophy: in 4 vols. Vol. 3 / ed. board N. S. Narsky et al. M. Mysl'. 1971. 760 p.
3. *Antologiya mirovoj filosofii: v 4-h t. T. 4* – Anthology of world philosophy: in 4 vols. Vol. 4 / ed. board V. V. Bogatov et al. M. Mysl'. 1972. 708 p.
4. *Blauberg I. V. Problema celostnosti i sistemnyj podhod* [The problem of integrity and system approach]. M. Editorial of the USSR. 1997. 448 p.
5. *Vargin D. V. Problema ponimaniya v sovremennoj germenевtike* [The problem of understanding in modern hermeneutics] // *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal* – Russian humanitarian journal. 2012. No. 1. Pp. 67–72.
6. *Vashchekin N. P., Pashkin E. N., Ursul A. D. Informatizaciya obshchestva i ustojchivoє razvitie* [Informatization of society and sustainable development]. M. Moscow State University of Culture. 2000. 268 p.
7. *Guhman V. B. Prikladnaya filosofiya informacii* [Applied philosophy of information]. Tver. TvSTU. 2012. 192 p.
8. *Edinoe celoe* – The single whole. Available at: http://ru.wiktionary.org/wiki/единое_целое (date accessed: 03.03.2019).
9. *"EC" predlozhit obshchestvu ideologiyu "Edinocentrizm"* – "EC" will offer the public the ideology of "Idiocentrism". Available at: <https://news.online.ua/2233/ets-predlozhit-obshchestvu-ideologiyu-edinotsentrizm> (date accessed: 05.02.2019).
10. *Zhikarencев V. Zhizn' bez granic. Stroenie i zakony dual'noj Vselennoj* [Life without borders. Structure and laws of the dual Universe]. SPb. Astrel. 2008. 100 p.
11. *Ignatenko E. A. Meliss i ego edinoe celoe* [Meliss and his single whole]. Available at: <https://nauchforum.ru/conf/social/xii/26846> (date accessed: 23.03. 2019).
12. *Katrechko S. L. Kategorial'noe razlichenie mezhdru "Vse", "Edinoe", "Celoe"* [Categorical distinction between "All", "One", "Whole". Available at: <http://textarchive.ru/c-1707443.html> (date accessed: 23.01.2019).
13. *Knyazeva E. N. Vozvrashchenie k edinstvu: metodologicheskie aspekty evolyucionnogo holizma* [The return to unity: methodological aspects of evolutionary holism] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* – Herald of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2016. No. 3. Pp. 23–35.
14. *Kogan V. Z. Teoriya informacionnogo vzaimodejstviya* [Theory of information interaction]. Novosibirsk. Novosibirsk University. 1991. 320 p.
15. *Laslo E. Holizm v sovremennoj nauke. Stat'ya iz knigi "Vavilonskaya bashnya: poslednij yarus"* [Holism in modern science. Article from the book "The tower of Babel: the last tier"]. Available at: <http://www.wholeworld.ru/stati/ervin-laslo-cholizm-v-sovremennoj-nauke.html> (date accessed: 12.05.2018).
16. *Markov Yu. G. Ekologiya i informaciya* [Ecology and information]. Novosibirsk. GPNTB SB RAS. 2008. 163 p.
17. *Mokij V. S. Edinocentrizm kak osnova transdisciplinarnoj nauki* [Idiocentrism as the basis for transdisciplinary science] // *Metodologiya nauchnyh issledovanij. Transdisciplinarnye podhody i metody* – Scientific research methodology. Transdisciplinary approaches and methods. Nalchik. Studme.org, 2018. Available at: https://studme.org/252890/filosofiya/edinotsentrizm_osnova_transdisciplinarnoy_nauki#807 (date accessed: 21.02. 2018).
18. *Mokij V. S. Transdisciplinarnye aspekty chelovecheskogo mirovozzreniya* [Transdisciplinary aspects of human worldview] // *Universum: Obshchestvennye nauki : elektronnyj nauch. zhurn.* – Universum: Social Sciences : electronic scient. journal. 2015. No. 4. Available at: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2100> (date accessed: 26.12.2018).
19. *Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4-h t. T. 4.* – The new philosophical encyclopedia: in 4 vols. Under the general editorship of V. S. Stepin. M. Mysl'. 2010. 736 p.
20. *Opolev P. V. Sinergetika v filosofskoj tradicii* [Synergetics in philosophical tradition] // *Omskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet* – Omsk State Pedagogical University. 2010. No. 2. Pp. 467–472.
21. *Orlov V. V., Gricenko V. S. Problema slozhnosti v sovremennoj zarubezhnoj filosofii* [The problem of complexity in modern foreign philosophy] // *Filosofiya i obshchestvo* – Philosophy and society. 2010. No. 1. Pp. 141–155.
22. *Pavlov A. N. Osnovy ekologicheskoy kul'tury* [Fundamentals of ecological culture]. SPb. Polytechnic. 2004. 334 p.
23. *Plato Parmenid* [Parmenides]. Available at: <https://bookscafe.net/read/platon-parmenid-181995.html#> (date accessed: 14.04.2019).

24. *Plato Timej* [Timaeus] / *Plato. Sochineniya: v 4-h t. T. 3.* [Compositions: in 4 vol. Vol. 3]. SPb. St. Petersburg University; Oleg Abyshko. 1994. 654 p.
25. *Plato Fileb* [Philebus] / *Plato. Sochineniya: v 4-h t. T. 3.* [Compositions: in 4 vol. Vol. 3]. SPb. St. Petersburg University; Oleg Abyshko. 1994. 654 p.
26. Prangishvili I. V. *Sistemnyj podhod i obshchesistemnye zakonomernosti* [System approach and system-wide regularities]. M. SINTEG. 2000. 528 p.
27. Reale Dzh., Antiseri D. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashih dnei: v 4-h t. T. 4* [Western philosophy from its origins to the present day: in 4 vols]. SPb. Pnevma. 2003. 880 p.
28. Rjasnova O. V. *Sovremennye globalizacionnye processy kak filosofskaya problema* [Modern globalization processes as a philosophical problem] // *Socium i vlast'* – The society and the government. 2016. No. 5. Pp. 15–19.
29. Sadikova V. *Topika kak sistema strukturno-smyslovyh modelej porozhdeniya kommunikativnogo smysla* [Topic as a system of structural and semantic models of communicative sense generation]. Tver. Tver State University. 2017. 164 p.
30. Saraeva N. M., Suhanov A. A. *Princip sistemnosti v ekopsihologicheskom issledovanii* [The principle of consistency in ecopsychological research]. M. KRASANG. 2010. 112 p.
31. Sklyarov I. *Sistema – sistemnyj podhod – teorii sistem* [System – system approach – systems theory]. M. LIBROKOM. 2011. 152 p.
32. Soroko E. M. *Zolotyie secheniya, processy samoorganizacii i evolyucii sistem: Vvedenie v obshchuyu teoriyu garmonii sistem* [Golden sections, processes of self-organization and evolution of systems: an Introduction to the general theory of systems harmony]. M. Komkniga. 2006. 264 p.

Функции институтов глобального гражданского общества

А. В. Тиховодова

доцент кафедры философии и социально-правовых наук, Волжский государственный университет
водного транспорта. Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: tikhovodova@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли гражданского общества на международной арене. Показаны функции акторов глобального гражданского общества, преимущественные сферы их деятельности. Актуальность данной темы обусловлена современным этапом глобализации мира. Происходит усиление международной напряженности, что является следствием соревнования ведущих держав (Запад, мусульманский мир, Китай, Индия, Россия), пропагандирующих различные социокультурные ценности и наиболее выгодные для них правила игры. Это выражается в экономическом, политическом и военном противостоянии (спор США и России вокруг Договоров об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 г. и о ликвидации ракет средней и меньшей дальности от 8 декабря 1987 г., разработка и испытание новых видов вооружений, организация государственных переворотов, развязывание локальных конфликтов). Глобальные проблемы современности ставят под угрозу безопасность людей, а осуществление модели устойчивого развития невозможно без становления новой системы глобального управления. Целью работы является рассмотрение функций акторов глобального гражданского общества, в первую очередь международных неправительственных организаций, и определение их роли в процессе демократизации глобального управления. Предметом исследования выступает глобальное гражданское общество, которое само является следствием глобализации и испытывает на себе ее влияние. Автор приходит к следующим выводам: международные неправительственные организации стремятся поддерживать стабильность в мире, помогают в решении мировых проблем, урегулировании конфликтов. Формируется наднациональная система управления, которая противостоит глобальным финансовым рынкам, обеспечивает участие граждан в международных отношениях. Формируются новые модели партнерства между государством, глобальными рынками и гражданским обществом, повышается качество международного сотрудничества. Выявлены препятствия усиления роли глобального гражданского общества на мировой арене: финансовая зависимость, отсутствие наднациональной солидарности, усиление национальных гражданских обществ, проблемы диалога идентичностей. Материалы статьи применимы в процессе преподавания социальной философии, политологии, курсов, посвященных вопросам глобализации.

Ключевые слова: глобализация, глобальное управление, международные неправительственные организации, общественные движения, межсекторное партнерство.

Современная глобализация – это естественно-исторический процесс формирования единого экономического и информационного пространства планеты. Помимо положительных сторон, глобализация имеет и отрицательные проявления. Именно с глобализацией связаны этноконфессиональные конфликты, обусловленные геополитическим и геоэкономическим измерением современного мира [5, с. 111]. Усиление международной напряженности, возникновение региональных вооруженных конфликтов, миграционные процессы, участвовавшие природные и техногенные катастрофы, международный терроризм требуют введения новых рычагов и средств регулирования международных отношений. Важнейшим актором мировой политики в последние годы становятся международные неправительственные организации (МНПО), которые можно обозначить как глобальное гражданское общество. Возник даже термин «космополитическая демократия» (Н. Боббио, Д. Арчибуджи), которая предполагает космополитическое мировоззрение граждан и вытеснение государства из сферы социального регулирования. Претензии великих держав на мировую гегемонию порождают нестабильность, отсутствие безопасности и уязвимость других государств. Для усиления демократизации глобального управления необходима конвергенция глобального гражданского общества и национальных политик. Какова же роль глобального гражданского общества на международной арене и возможные последствия такого усиления влияния МНПО?

Главной задачей МНПО является поддержка стабильности в мире. Необходимость в существовании глобальной системы управления очевидна, о чем говорят усугубляющиеся мировые проблемы: кризис экономик стран мировой «периферии», глобальный экологический

кризис, манипулирование внутренними демократическими процессами извне, международный терроризм, неподконтрольность глобальных финансовых рынков существующим политическим институтам. Неслучайно среди сторонников конспирологических теорий популярна идея о мировом правительстве в лице Бильдербергского клуба – неформальной ежегодной конференции самых влиятельных политиков, бизнесменов и глав некоторых СМИ.

В настоящее время формируется новая система глобального управления в лице международных наднациональных структур, в функции которых входит решение актуальных транснациональных задач. Однако вмешательства в сферу компетенции государств не происходит. По мнению М. П. Иванова и А. И. Неклессы, будет создана гомогенная социальная конструкция: глобальное гражданское общество, находящееся под управлением коллективного международного центра. Главным фактором мировой политики и источником конфликтов станут не различия в цивилизационных ценностях (как утверждал С. Хантингтон), а отстаивание нациями-государствами своих разнонаправленных экономических и политических интересов [9, с. 164–166; 16, с. 26].

Таким образом, необходимость решения глобальных проблем человечества способствует совершенствованию существующих методов управления и поиску новых решений в мировом масштабе при участии акторов гражданского общества [10, с. 109]. С одной стороны, глобализация сделала возможным появление глобального гражданского общества, но оно же в лице антиглобалистов выступает против распространения либеральной модели капитализма. Исследователи в области теории глобального гражданского общества предлагают разный набор функций его институтов. Отмечается, что именно глобальное гражданское общество может внести вклад в снятие напряженности, которая является следствием глобализации. Отстаивается необходимость расширения роли акторов гражданского общества в глобальном управлении [3, с. 105]. Увеличение количества мозговых центров и МНПО свидетельствует о развитии глобального гражданского общества. Международные социальные движения и МНПО действуют в сферах предоставления услуг, образования, защиты прав граждан, выступают против распространения ядерного оружия, за мирное разрешение конфликтов, не одобряют гонку вооружений, принимают участие в подготовке проектов резолюций, одобряемых ООН.

Функциями МНПО как акторов глобального гражданского общества являются: лоббирование правительства для достижения общественно значимых целей; привлечение в процесс лоббирования средств государства и общественных организаций, влияющих на различные сферы общества; проведение исследований, предоставление консультаций и распространение информации среди должностных лиц и широкой общественности; защита или критика конкретных политических курсов, которые проводятся правительствами или межгосударственными объединениями; предоставление сетевых услуг, установление контактов как внутри страны, так и на международной арене; распространение информации, т. е. организация сотрудничества между различными организациями. МНПО могут предоставлять услуги (доставка гуманитарной помощи (например, в Сирию), контроль над соблюдением гражданских прав). МНПО, имеющие отношение к гуманитарным интервенциям, выполняют следующие функции: помощь жертвам всех войн, а также всех типов катастроф; борьба против государственных репрессий и нарушений гражданских прав; разрешение конфликтов (Центр Картера в США). Глобальное гражданское общество вводит новые элементы международной стратегии борьбы с терроризмом, вносят свои предложения руководству стран и спецслужб по созданию эффективных мер реагирования на террористические акты (форумы, симпозиумы, конференции), а также ведет деятельность по профилактике экстремизму и ксенофобии. Таким образом, для результативности антитеррористической системы необходимо объединять усилия властных, силовых государственных органов и глобального гражданского общества [12, с. 11]. МНПО и общественные движения часто озвучивают свои взгляды через интернет, а мозговые центры, находясь близко к правительствам, формулируют конкретные политические предложения. Новые информационно-коммуникационные технологии предоставляют глобальным объединениям гражданских обществ разных стран широкие возможности для проявления международных инициатив с целью поддержки демократических движений [17, с. 84].

Л. А. Гайнутдинова называет следующие функции акторов глобального гражданского общества: мобилизация общественности; эффективное привлечение экспертов; привлечение дополнительных финансовых и информационных ресурсов для решения проблемы в области защиты прав человека и экологии [2, с. 75]. Важной задачей МНПО является борьба с корруп-

цией (Transparency International, Коалиция Конвенции ООН против коррупции). Однако потенциал гражданского общества в борьбе с коррупцией до сих пор полностью не раскрыт, ощущается потребность в государственной поддержке [18, с. 44]. Акторы глобального гражданского общества могут выступать в союзе с национальными институтами гражданского общества, вырабатывать стратегии совместных действий. Выделяют две концепции взаимодействия: «эффект бумеранга» (М. Кек, К. Сикинк) и «спиральная модель» социализации (Т. Риссе). Эффект бумеранга – координированное влияние МНПО и НПО извне и снизу на политику авторитарных и репрессивных государств. Международные правозащитные общественные организации оказывают дополнительное давление на правительства тех или иных государств. МНПО обеспечивают интернациональный резонанс событий, помогают местным НПО консультациями, техническим и коммуникационным оснащением, оказывают финансовую поддержку. Часто взаимодействие разных акторов гражданского общества в процессе лоббирования гражданских инициатив и правовой защиты населения приобретает характер спиралевидного, когда влияние национальных и глобальных гражданских обществ на политику авторитарных государств проходит несколько стадий [21, р. 19].

Многие МНПО сотрудничают с ООН и имеют консультативный статус и статус наблюдателей при этой организации. Также происходит заключение с ООН закупочных контрактов, учреждение филантропических фондов. С конца 1990-х годов складываются новые виды сотрудничества. Они включают такие договоренности, как «глобальные инициативы» всецело заинтересованных сторон, таких как глобальный договор, глобальный альянс для вакцин и иммунизации и др. Процесс диалога происходит в Комиссии по устойчивому развитию и Целевой группе ООН по информационно-коммуникационным технологиям, а также в рамках многочисленных партнерств в отдельных странах и сообществах. Также активизируется участие негосударственных акторов в процессах международного правотворчества. Политолог М. Калдор считает глобальное гражданское общество средством осуществления переговоров, обслуживания посредничества при заключении социальных контрактов или сделок между индивидами и центрами политико-экономической власти [11, с. 78]. Общественная дипломатия является ответом на глобальные вызовы и имеет очевидные преимущества перед официальной. «Она менее затратна, более разнообразна в используемых приемах, методах и содержании, менее стереотипна и действует с учетом различий в социокультурных условиях и традициях. Общественная дипломатия – это инновационная технология общественной самоорганизации граждан, используемая для недопущения и мирного разрешения конфликтных ситуаций, сближения народов и государств, достижения высокого качества жизни людей, сохранения окружающей среды» [7, с. 69]. Общественная дипломатия является важным направлением деятельности Общественной палаты РФ. В 2017 г. ОП РФ снова стала членом Президиума Международной ассоциации экономических социальных советов и схожих институтов (МАЭСССИ), в которую входят институты гражданского общества 75 стран. ОП РФ участвует в обсуждении актуальных для России и всего мира тем: отстаивание традиционных ценностей, борьба с агрессивным национализмом, религиозной нетерпимостью, неонацистскими тенденциями в ряде европейских государств, противодействие террористической угрозе, наркоугрозе. ОП РФ ведет диалог с институтами гражданского общества других стран.

Понимание функций акторов глобального гражданского общества зависит от парадигмы, в рамках которой оно понимается [14, с. 55–56]. Согласно активистской доктрине, МНПО и социальные движения «проводят в жизнь интересы своих членов, стремятся решить конкретные вопросы и достичь стоящие перед ними цели» [1, с. 33]. В рамках неолиберального подхода акторы глобального гражданского общества транслируют нормы и ценности западной цивилизации в другие страны (демократическое устройство политической системы, рыночные отношения в экономике, либеральные ценности и права человека). Постмодернисты расширяют область существования глобального гражданского общества, включая в нее и страны исламской культуры. А деятельность институтов гражданского общества на международной арене они считают вторичной. Важнейшей составляющей глобального гражданского общества является общественная сила, выступающая против неолиберальной глобализации (антиглобалистское движение). Эта концепция имеет название «глобализация снизу» [6, с. 58]. Координация действий антиглобалистов осуществляется при помощи интернет-коммуникации. Сетевые сообщества способны на быструю мобилизацию. Как утверждает С. В. Сидоренко, именно «сетевая активность граждан выступает детерминантой формирования глобального гражданского общества» [19, с. 217]. Преваляющим в научной литературе является неолиберальный подход.

Для увеличения влияния МНПО в глобальном управлении необходимо расширять демократическое представительство на глобальном уровне при помощи усиления региональных парламентов, проведения глобальных референдумов. Есть предложения о создании Ассамблеи народов объединенных наций, реформировании ООН: создание расширенного Совета по социальной и экономической безопасности ООН, созыв ежегодного Форума гражданского общества, изменение Совета безопасности ООН. В качестве основных мер преобразования СБ ООН выделяют: увеличение численности как постоянными, так и непостоянными членами; сохранение права вето постоянных членов; расширение регионального представительства. Обосновывается необходимость усилить мировую судебную систему путем реформирования международного суда ООН. По общему мнению, современная ООН действует довольно слабо, если судить по реальным результатам деятельности [2, с. 106]. Речь идет о неудачах в урегулировании военных конфликтов (Югославия, Ирак). Констатируют упадок ООН и ОБСЕ и отсутствие действенных механизмов эффективного и справедливого глобального управления [20, с. 8]. Хотя ООН является символом и ядром стабильности мира, ее слабость усиливает неформальные субъекты глобального управления и финансовые структуры [8, с. 143]. Большую роль в деле обеспечения безопасности стали играть встречи «без галстуков» лидеров Большой восьмерки, задачи которой постоянно расширяются. Глобальный характер данной организации придало вступление в нее России [4, с. 147].

Гражданское общество создает условия для социального усиления национальных государств в обстановке глобализирующейся экономики. Высокий уровень активности гражданского общества может способствовать формированию на национальном уровне сильных политических коалиций. Данные коалиции создаются для того, чтобы подтолкнуть национальные государства в сторону индивидуальных действий по противостоянию требованиям транснационального промышленного капитала и ведению переговоров по созданию глобальных регулирующих рамок для частной экономической деятельности. В перспективе неизбежна конфронтация между экономической глобализацией и глобальным гражданским обществом.

Одновременно с официальными встречами лидеров сильнейших государств проходят так называемые параллельные саммиты. Их число постоянно растет. Параллельные саммиты организуются различными группировками глобального гражданского общества, они носят международный и независимый от государства характер. Они обсуждают те же вопросы, что и официальные саммиты, информируют общественность, формулируют альтернативные предложения. Глобальное гражданское общество призвано сделать политические институты более ответственными.

Конечно, на пути формирования эффективных институтов глобального гражданского общества стоит много препятствий. Гражданская солидарность предполагает в качестве основы наличие общей духовной основы, формирование которой в ближайшее время на глобальном уровне практически невозможно. Даже в рамках ЕС очевидны центробежные тенденции, усиливаются стихийные процессы самоорганизации различных национальных и этнических обществ. Хотя У. Бек, Ю. Хабермас именно Европу считают полигоном «космополитического государства», которое будет опираться на наднациональную идентичность, культуру и государственные органы [15, с. 12]. Тезис о возможности существования наднациональной идентичности и культуры является спорным. Попытки искусственного навязывания идентичности сверху во имя толерантности обречены на неудачу. Важной является проблема обеспечения диалога идентичностей: межкультурного, межнационального, глобального. Именно гражданская идентичность выступает фактором консолидации современного мирового общества в условиях глобализации [13, с. 47]. А. А. Гусейнов, Х. Э. Мариносян говорят о необходимости не только налаживания диалога культур, но и создания глобального этоса, в который входят ценности общечеловеческой культуры, признаваемые людьми разной этнокультурной принадлежности. В основе этого глобального этоса должна лежать Великая идея, которая задаст Великую цель [15, с. 13–14]. К тому же, деятельность МНПО и НКО на международной арене не может быть абсолютно независимой. Часто они прямо зависят от политической воли государств, осуществляющих их финансирование. МНПО не могут действовать без финансовой поддержки коммерческих структур, чем определяется их двойная зависимость: и от государств, и от коммерческих организаций.

Итак, глобальное гражданское общество занимается вопросами общемирового значения, вовлекая в трансграничную коммуникацию, в основе его деятельности лежит предпосылка надтерриториальной солидарности. Глобальное гражданское общество создает систему всеобщих правовых норм и систему управления, которая может внедрить эти нормы в жизнь и пре-

одолеть при необходимости сопротивление национальных государств. Глобальное гражданское общество формирует и пропагандирует новые ценности и нормы, которые могут противостоять традиционным государственным властям и новым формам глобального управления. МНПО и общественные движения как акторы глобального гражданского общества разрабатывают новые способы решения глобальных проблем современности и участвуют в демократизации мира.

Список литературы

1. Белов К. В. Модели понимания концепции глобального гражданского общества // Политика и общество. 2011. № 12. С. 26–37.
2. Гайнутдинова Л. А. Акторы глобального гражданского общества и их стратегии // Конфликтология. 2010. № 3. С. 73–94.
3. Гайнутдинова Л. А. Роль глобального гражданского общества в системе глобального управления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 5. С. 95–108.
4. Галкина Е. В., Конопелько И. В. Традиционные и новые практики взаимодействия государства и гражданского общества // Вестник Северо-кавказского федерального университета. 2014. № 2 (41). С. 146–149.
5. Галкина Е. В., Косов Г. В., Паслер О. В. Гражданское общество в России: модели, традиции, тенденции развития : монография / под ред. д. п. н. Г. В. Косова. Ставрополь : Ставролит, 2010. 344 с.
6. Гашенко А. Ю. Глобальное гражданское общество как идеологический феномен // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 1. С. 52–63.
7. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2017 год. М. : Общественная палата Российской Федерации, 2017. 100 с. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2018dok/doklad_OPRF_2017.pdf
8. Егоренкова М. А. Роль ООН в системе глобального управления // Научный альманах. 2018. № 11-3 (49). С. 141–143. DOI: 10.17117/na.2018.11.03.141
9. Иванов П. М. Столкновение цивилизаций или устойчивое развитие? // Политические исследования. 2015. № 2. С. 162–172.
10. Канунников А. А. Гражданское общество и глобальное управление // Международная жизнь. 2018. № 1. С. 109–120.
11. Капустин А. Я. Некоторые вопросы методологии исследования категории глобальное гражданское общество в международном праве // Правоведение. 2010. № 1. С. 71–83.
12. Крючков И. В., Каншаова Н. Р. Глобальное гражданское общество: стратегии борьбы с международным терроризмом // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 6. С. 9–11. DOI: [org/10.24158/rep.2017.6.1](https://doi.org/10.24158/rep.2017.6.1)
13. Каншаова Н. Р. Гражданская идентичность как фактор консолидации современного мирового общества в условиях глобализации // Социальная политика и социальное партнерство. 2018. № 2. С. 47–51.
14. Ландсберг А. А. К проблеме понимания сущности глобального гражданского общества // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 54–62.
15. Мариносян Х. Э. Глобальное гражданское общество, глобальное гражданство и космополитическое государство в контексте глобализации // Философские науки. 2011. С. 5–14.
16. Неклесса А. И. Непрерывный плебисцит. Генетика гражданского общества // Полис. 2013. № 2. С. 24–39.
17. Обидин Н. А. Влияние процессов глобализации на гражданское общество и связанные с этим проблемы // Международный научный журнал. 2014. № 5. С. 82–88.
18. Суханов В. А. Гражданское общество – основа международного сотрудничества в борьбе с коррупцией // Право и управление. XXI век. 2014. № 3. С. 42–46.
19. Сидоренко С. В. Причины и формы гражданского сопротивления власти в условиях глобализации // PHILOSOPHY AND COSMOLOGY. 2013. Т. 12. С. 214–220.
20. Цыганков П. А. Дискурс глобального гражданского общества в свете обострившейся потребности глобального управления // Пространство и время. № 1. Т. 9. 2015. 10 с.
21. Risse T., Sikkink K. Socialization of Human Rights Norms into Domestic Practices: Introduction // The Power of Human Rights: International Norms and Domestic Changes / Ed. By Th. Risse et al. Cambridge. 311 p.

Functions of global civil society institutions

A. V. Tikhovodova

associate professor at the Department of Philosophical Sciences and Social and Legal Sciences, Volga State University of Water Transport, Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: tikhovodova@list.ru

Abstract. The article discusses the role of civil society in the international arena. The functions of the actors of global civil society, the predominant areas of their activities are shown. The relevance of this topic is due to the current stage of globalization of the world. There is an increase in international tension, which is a consequence of

the competition of the leading powers (the West, the Muslim world, China, India, Russia), promoting various socio-cultural values and the most favorable rules of the game for them. This is reflected in the economic, political and military confrontation (the dispute between the United States and Russia over the Agreements on the limitation of anti-missile defense systems of May 26, 1972 and the elimination of medium-range and shorter-range missiles of December 8, 1987, the development and testing of new types of weapons, the organization of coups, the outbreak of local conflicts). The global problems of our time threaten human security, and the implementation of the model of sustainable development is impossible without the establishment of a new system of global governance. The aim of the work is to consider the functions of actors in global civil society, primarily international non-governmental organizations, and to determine their role in the process of democratization of global governance. The subject of the study is the global civil society, which is itself a consequence of globalization and is experiencing its impact. The author comes to the following conclusions: international non-governmental organizations strive to maintain stability in the world, help in solving world problems and resolving conflicts. A supranational system of governance is being formed, which opposes global financial markets and ensures the participation of citizens in international relations. New models of partnership between the state, global markets and civil society are being formed, and the quality of international cooperation is improving. Obstacles to strengthening the role of global civil society in the world arena are identified: financial dependence, lack of supranational solidarity, strengthening of national civil societies, problems of dialogue of identities. The materials of the article are applicable in the process of teaching social philosophy, political science, courses on globalization.

Keywords: globalization, global governance, international non-governmental organizations, social movements, intersectoral partnership.

References

1. Belov K. V. *Modeli ponimaniya koncepcii global'nogo grazhdanskogo obshchestva* [Models of understanding of the concept of global civil society] // *Politika i obshchestvo* – Politics and society. 2011. No. 12. Pp. 26–37.
2. Gajnutdinova L. A. *Aktory global'nogo grazhdanskogo obshchestva i ih strategii* [Actors of global civil society and their strategies] // *Konfliktologiya* – Conflictology. 2010. No. 3. Pp. 73–94.
3. Gajnutdinova L. A. *Rol' global'nogo grazhdanskogo obshchestva v sisteme global'nogo upravleniya* [Role of global civil society in the system of global governance] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* – Herald of Moscow University. Series 12. Political science. 2009. No. 5. Pp. 95–108.
4. Galkina E. V., Konopel'ko I. V. *Tradicionnye i novye praktiki vzaimodejstviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva* [Traditional and new practices of interaction between the state and civil society] // *Vestnik Severo-kavkazskogo federal'nogo universiteta* – Herald of the North Caucasus Federal University. 2014. No. 2 (41). Pp. 146–149.
5. Galkina E. V., Kosov G. V., Pasler O. V. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: modeli, tradicii, tendencii razvitiya : monografiya* [Civil society in Russia: models, traditions and development tendencies : monograph] / under the editorship of Doctor of Ped. Sciences G. V. Kosova. Stavropol. Stavrolit. 2010. 344 p.
6. Gashenko A. Yu. *Global'noe grazhdanskoe obshchestvo kak ideologicheskij fenomen* [Global civil society as an ideological phenomenon] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* – Herald of Moscow University. Series 12. Political science. 2014. No. 1. Pp. 52–63.
7. *Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii za 2017 god* – Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2017. M. Public chamber of the Russian Federation. 2017. 100 p. Available at: https://www.oprf.ru/files/1_2018dok/doklad_OPRF_2017.pdf.
8. Egorenkova M. A. *Rol' OON v sisteme global'nogo upravleniya* [The role of the UN in the system of global governance] // *Nauchnyj al'manah* – Scientific almanac. 2018. No. 11–3 (49). Pp. 141–143. DOI: 10.17117/na.2018.11.03.14.
9. Ivanov P. M. *Stolknovenie civilizacij ili ustojchivoe razvitiye?* [The clash of civilizations or sustainable development?] // *Politicheskie issledovaniya* – Political studies. 2015. No. 2. Pp. 162–172.
10. Kanunnikov A. A. *Grazhdanskoe obshchestvo i global'noe upravlenie* [Civil society and global governance] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* – International life. 2018. No. 1. Pp. 109–120.
11. Kapustin A. Ya. *Nekotorye voprosy metodologii issledovaniya kategorii global'noe grazhdanskoe obshchestvo v mezhdunarodnom prave* [Some questions of methodology of research of category global civil society in the international law] // *Pravovedenie* – Jurisprudence. 2010. No. 1. Pp. 71–83.
12. Kryuchkov I. V., Kanskaova N. R. *Global'noe grazhdanskoe obshchestvo: strategii bor'by s mezhdunarodnym terrorizmom* [Global civil society: a strategy against international terrorism] // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* – Society: politics, economics, law. 2017. No. 6. Pp. 9–11. DOI: org/10.24158/pep.2017.6.1.
13. Kanskaova N. R. *Grazhdanskaya identichnost' kak faktor konsolidacii sovremennogo mirovogo obshchestva v usloviyah globalizacii* [Civic identity as a factor of consolidation of modern world society in conditions of globalization] // *Social'naya politika i social'noe partnerstvo* – Social policy and social partnership. 2018. No. 2. Pp. 47–51.
14. Landsberg A. A. *K probleme ponimaniya sushchnosti global'nogo grazhdanskogo obshchestva* [On the problem of understanding the essence of global civil society] // *Gumanitarnye i social'nye nauki* – Humanities and social sciences. 2017. No. 2. Pp. 54–62.

15. *Marinosyan H. E. Global'noe grazhdanskoe obshchestvo, global'noe grazhdanstvo i kosmopoliticheskoe gosudarstvo v kontekste globalizacii* [Global civil society, global citizenship and cosmopolitan State in the context of globalization] // *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences*. 2011. Pp. 5–14.

16. *Neklessa A. I. Nepreryvnyj plebiscit. Genetika grazhdanskogo obshchestva* [Continuous plebiscite. Genetics of civil society] // *Polis – Polis*. 2013. No. 2. Pp. 24–39.

17. *Obidin N. A. Vliyanie processov globalizacii na grazhdanskoe obshchestvo i svyazannye s etim problemy* [Influence of globalization processes on civil society and related problems] // *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal – International scientific journal*. 2014. No. 5. Pp. 82–88.

18. *Suhanov V. A. Grazhdanskoe obshchestvo – osnova mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s korruptsiej* [Civil society – the basis of international cooperation in the fight against corruption] // *Pravo i upravlenie – Law and governance. Twenty-first century*. 2014. No. 3. Pp. 42–46.

19. *Sidorenko S. V. Prichiny i formy grazhdanskogo soprotivleniya vlasti v usloviyah globalizacii* [The causes and forms of civil resistance of authorities in the conditions of globalization] // *PHILOSOPHY AND COSMOLOGY*. 2013. Vol. 12. Pp. 214–220.

20. *Cygankov P. A. Diskurs global'nogo grazhdanskogo obshchestva v svete obostrivshejsya potrebnosti global'nogo upravleniya* [Discourse of global civil society in the light of the increased need for global governance] // *Prostranstvo i vremya – Space and time*. No. 1. Vol. 9. 2015. 10 p.

21. *Risse T., Sikkink K. Socialization of Human Rights Norms into Domestic Practices: Introduction* // *The Power of Human Rights: International Norms and Domestic Changes* / Ed. By Th. Risse et al' Cambridge. 311 p.

Основные тенденции развития современной дидактики

О. В. Коршунова

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
Researcher: D-1048-2017. ORCID: 0000-0003-2633-0305. E-mail: okorchun@mail.ru

Истина редко бывает чистой и никогда – однозначной.
Оскар Уайльд

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена вызовами современности, которые отражаются в системе образования, как в своеобразном зеркале. Такими вызовами выступают цифровизация, глобализация, высокая интенсивность и быстрота изменений нашего мира, информационная перенасыщенность жизни, неопределенность аксиологических основ мира.

Цель статьи заключается в попытке осмысления развития основных методологических параметров современной дидактики как науки об обучении (образовании) с учетом происходящих в мире трансформационных процессов и формулировании на основе этого тенденций ее развития.

Предмет и результаты исследования. Статья показывает основные линии развития научного знания дидактики с учетом вызовов цивилизации – тенденции *трансформации дидактического знания и дидактической деятельности*. *Интегративная* тенденция представлена через выделение направлений психодидактического и когнитивно-дидактического характера в теории обучения. Тенденция *осмысления возрастающей содержательно-организационной вариативности дидактического процесса* детерминирована интенсивным обогащением сферы образования цифровыми информационными технологиями и разнообразным миром технологий обучения. *Информационно-семиотическая* тенденция обусловлена процессами динамичности и информационной насыщенности, глобализации и «распыления» аксиологических основ в сфере образования и связывается с усиливающейся необходимостью владения умениями работы со знаками и знаковыми системами, представленными в различных форматах.

Дидактика представляется развивающейся системой знаний и деятельности, открытой для дальнейшего совершенствования и обогащения.

Область применения результатов: в теоретическом плане – материалы и выводы статьи будут полезны исследователям современной сферы образования, в практической плоскости – студентам, обучающимся по педагогическому и психолого-педагогическому направлениям подготовки, практикующим учителям, работникам системы дополнительного профессионального образования педагогов.

Ключевые слова: цифровизация, психодидактика, образовательная семиотика, содержательно-организационная вариативность, технологичность, конвергенция педагогической науки и цифровых информационных технологий, тенденция трансформации дидактического знания и дидактической деятельности, интегративная тенденция, тенденция осмысления возрастающей содержательно-организационной вариативности дидактического процесса, информационно-семиотическая тенденция.

Созданная чешским ученым Я. А. Коменским теория обучения прошла длительную эволюцию (более 300 лет), за которую накопила значительный объем дидактических знаний и богатейший опыт обучения и образования людей всех поколений. Как часть педагогики, современная дидактика исследует особенности обучения для различных возрастных периодов жизни человека: от дородового этапа до третьего возраста. В арсенале дидактики имеется широкий ассортимент описания разнообразных практик обучения, разработанные теории целей и задач обучения для различных идеологических режимов и социально-экономических условий развития общества; содержательно-процессуальные аспекты организации процесса обучения субъектов с самыми разнообразными характеристиками (их называют особыми образовательными потребностями, индивидуально-личностными и психофизиологическими

особенностями). Дидактика сегодня признается одной из самых разработанных и продвинутых научных отраслей педагогики. Однако так ли это на самом деле? Насколько соответствует современное состояние теории обучения реальному положению дел, сложившемуся к настоящему моменту времени в практиках обучения, в образовательной реальности? Данные вопросы и определяют нацеленность статьи на осмысление развития основных методологических параметров современной дидактики как науки об обучении (образовании) с учетом происходящих в мире трансформационных процессов и формулировании на основе этого тенденций ее развития.

Для начала проанализируем имеющиеся в современных авторитетных информационных источниках определения теории обучения.

Дидактика (др.-греч. Διδακτική – «поучающий») – раздел педагогики и теории образования, изучающий проблемы обучения. Раскрывает закономерности усвоения знаний, умений и навыков и формирования убеждений, определяет объем и структуру содержания образования [9].

«Дидактика представляет собой теорию воспитывающего и развивающего обучения или, иначе, явление действительности, характеризующееся целенаправленно программируемым содержанием социального опыта и организуемой трансляцией его молодому поколению с целью сохранения и развития культуры» [17].

Дидактика – «наука о преподавании и учении, система корректно обоснованных утверждений и гипотез, касающихся явлений, зависимостей и закономерностей преподавания-учения, способов их преобразования. <...> Объектом <...> является обучение во всем его объеме и во всех аспектах, а предметом – система отношений “учитель-ученик”, “ученик-учебный материал”, “ученик-другие ученики”, причем главным отношением в целенаправленной деятельности по передаче социального опыта последующим поколениям является отношение между двумя организованными деятельностями – преподаванием и учением. Это отношение организует всю систему дидактических отношений и их конкретное проявление в процессе обучения» [34, с. 82].

Резонирующие мысли высказываются и зарубежными коллегами. Так, Р. Джоши (R. Joshi) [42] раскрывает значимость «дидактического треугольника», задающего дидактические отношения в процессе обучения. «Дидактический треугольник» состоит из трех осей: «учитель-ученик», «учитель-предмет» и «предмет-ученик». Сила использования дидактического треугольника заключается в том, что он определяет различные типы отношений между учителем, учеником и предметом, а также возможность связать эти отношения со структурным контекстом:

– Ось «учитель-ученик» связана со знанием взаимодействия в классе и групповых процессах, а также умением управлять ими. Ось соотносится с пониманием учителем того, что происходит в дидактической комнате, а также осмыслением лидерства учителя и индивидуального стиля его преподавания. Следовательно, эта ось представляет микроаспекты обучения наряду со связью между ценностями и намерениями учителя и его способностью создать конструктивную среду обучения [42].

– Ось «учитель-предмет» относится к ощущению и распознаванию учителем своих собственных действий в отношении предмета или того, что следует сообщать обучающимся, как и почему. Общение в этом смысле связано с риторикой, включая ораторское искусство учителя, понимание получателя и способность достичь поставленной коммуникативной цели. Эта ось свидетельствует о наличии знаний в области предмета и способности иллюстрировать это. Она также предполагает, в дидактическом смысле, что учитель сам знает о своем использовании тона голоса, языка тела, зрительного контакта и доски. Здесь автор указывает на важность владения педагогом невербальными средствами коммуникации (закономерностями невербальной семиотики) [42].

– Ось «ученик-предмет» связана с пониманием и изложением предмета, чтобы школьник мог учиться наилучшим образом. Эта ось говорит о том, как предметный контент может быть сделан доступным для обучающегося, чтобы он обладал как свойством индивидуальности для познающего предмет субъекта, так и свойством прогрессивности в контексте развития. Важным фактором в этом измерении является предварительное понимание, которое, как предполагает учитель, имеет ученик, что позволяет ученику понять предмет и позволяет учителю полагать, что он способен управлять отдельным обучающимся и группой школьников. Учитель, который сочетает в себе осознанный дидактический подход с гибким подходом к учащимся в учебной ситуации, имеет больше шансов для достижения дидактического ли-

дерства, чем учитель, который испытывает трудности с принятием альтернативных когнитивных подходов к учащимся [42].

В положениях, приведенных выше, уже показаны отдельные методологические характеристики теории обучения – ее объект, предмет, функциональное назначение. Представим в табл. 1 основные методологические параметры современной дидактики, вышедшей на уровень теоретических обобщений и выводов, и обозначим направления (тенденции) трансформации дидактического знания и дидактической деятельности.

Таблица 1

Интерпретация параметра в современной дидактике	Необходимость трансформации и обогащения содержания параметра
Методологический компонент: определение научной отрасли	
Дидактика – наука об обучении во всех его проявлениях и аспектах, выявляющая закономерности, принципы, цели и задачи, содержание, методы, приемы, организационные формы и средства обучения [11]; наука о «дидактическом треугольнике» [42] – дидактических отношениях и дидактической деятельности	Необходимы дополнения, связанные с отображением протекания обучения в информационно-образовательной среде (пространстве массовой сетевой коммуникации и глобализации), которая(-ое) открывает новые уникальные возможности как для дидактических исследований, так и для расширения образовательных возможностей субъектов обучения
Методологический компонент: объект	
Обучение как целостный, комплексный, сложный, специально организованный и целенаправленный процесс усвоения содержания образования, являющийся составной частью образования наряду с воспитанием и развитием, психологической поддержкой субъекта в процессе интериоризации объективизированных знаний и опыта деятельности	Обучение, реализующееся в информационно-образовательной среде, органически объединяющее субъективные возможности и проявления обучающегося и результаты педагогического влияния; направленное на раскрытие, развитие и реализацию интеллектуального потенциала обучающегося; создание условий для становления компетентного и обладающего общей культурой члена современного общества массовой сетевой коммуникации и глобализации
Методологический компонент: предмет	
Закономерности, принципы, цели и задачи, содержание, методы, приемы, организационные формы и средства обучения [11; 16]: дидактические отношения и дидактическая деятельность	Появление новых закономерностей в связи с цифровизацией (парадигмы сетевого открытого образования; распределенного образования; высокотехнологичного образования; конвергентного образования [31]); глобализацией (принцип поликультурности); интенсивным проникновением идей психодидактики в содержание дидактики (появление принципа психологической комфортности и безопасности, эмоционального комфорта); развитием образовательной семиотики (принцип методологичности обучения и метапредметных его основ [3; 13]), возрастанием содержательно-организационной вариативности обучения (трансформация урока в учебное занятие; размывание границ между лекцией и семинарским занятием в высшей школе); все более глубоким проникновением технологического подхода в обучение (принцип технологичности), конвергенция педагогической науки и цифровых информационных технологий (слияние содержания, методов, приемов, технологий данных направлений)
Методологический компонент: основные категории	
Обучение – это целенаправленная взаимосвязанная деятельность учителя и учащихся, направленная на достижение целей обучения. Однако универсального определения процесса обучения не существует. Процесс обучения – сложное педагогическое явление, которое может быть рассмотрено с различных пози-	Протекание в информационно-образовательной среде (специфический контент и организация). Основные вопросы, на которые дает ответ современная дидактика: Кого учить? («видеть» своих учеников, понимать их особенности; учитывать контексты, в которых строится обучение); Зачем

<p>ций: как взаимодействие учителя и учащихся, как процесс передачи учителем социального опыта ученикам, как управление процессом познания [22]; «целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенциями, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни» [38, ст. 2 п. 3]</p>	<p>учить? (поиск смыслов освоения учебного материала, цели обучения); Чему учить? (отбор содержания обучения); Как учить? (определение процессуально-технологической стороны обучения – методов, приемов, средств, организационных форм обучения, технологий обучения).</p>
<p>Дидактический процесс – это смена состояния системы обучения как целостного педагогического явления, фрагмента, акта педагогической деятельности; это реализация дидактической системы во взаимодействии преподавателя и обучающихся с целью усвоения содержания образования. Классическая формула дидактического процесса предложена В. П. Беспалько:</p> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; width: fit-content; margin: 10px auto;"> $ДП = М + А_{\phi} + А_{y}$ </div> <p>ДП – дидактический процесс; М – мотивация учащихся к учению; А_φ – алгоритм функционирования (учебно-познавательная деятельность ученика). А_y – алгоритм управления (деятельность учителя по управлению учением, трансформирующимся сегодня в образовательную деятельность)</p>	<p>Дидактический процесс – это система целенаправленной учебно-познавательной деятельности обучающихся в рамках обязательных, а также внеклассных учебных занятий и самообразования, руководимая и управляемая педагогом по овладению на репродуктивном, конструктивном и творческом уровнях системой знаний, умений, способов деятельности, выступающих в качестве базиса для формирования компетентностей обучающихся и достижения ими личностных, метапредметных и предметных образовательных результатов с учетом специфики конкретной образовательной ситуации [17].</p> <p>Новая формула процесса обучения: $ОП \text{ в } ИОС = М (А_{\phi} + А_{y} + А_{c}) + ЦИТ$, где ОП – образовательный процесс; ИОС – информационно-образовательная среда; А_c – алгоритм функционирования семьи в тесном взаимодействии с образовательной организацией; ЦИТ – цифровые информационные технологии</p>
<p>Дидактическая деятельность – деятельность учителя, характеризующаяся взаимодействием проектирующего, организующего и аналитического видов дидактической деятельности [10]. <i>Имеет характер либо практический (реализация сценария урока), либо теоретический (сравнительный теоретический анализ систем обучения в рамках научного исследования), либо теоретико-практический (моделирование и планирование учебного занятия – подготовка учебного занятия)</i></p>	<p><i>Специфическая форма педагогической активности, содержательно связанная с процессом обучения. Все виды дидактической деятельности выполняются с применением цифровых информационных технологий.</i></p> <p>«Преподавание есть часть дидактической деятельности: “это деятельность учителя, предполагающая планирование и организацию процесса обучения, контроль его хода и оценку достигаемых результатов”» [25, с. 161]</p>
<p>Учение – «... это деятельность по освоению содержания учебного предмета, служащая основой для подготовки учащихся к практической деятельности, формированию и развитию опыта решения учебных и жизненных задач. <...> С психологической точки зрения, учение есть деятельность ученика по самоизменению путем освоения элементов социального опыта» [25, с. 161–162]</p>	<p>Восприятие становится все более клиповым; возникает состояние перенасыщения информацией, «... неспособность воспринимать длительное, постепенно разворачивающееся повествование, схватывать логические переходы» [21, с. 12]</p>
<p>Дидактическая система – совокупность элементов (целей, содержания, дидактических процессов, методов, средств, форм обучения, принципов), образующих единую целостную структуру, служащую достижению целей обучения [26]</p>	<p>Более быстрое планирование и оформление документации, отражающей дидактические компоненты в единстве (например, сценарий учебного занятия, или модель учебного занятия, или технологическая карта) при использовании цифровых средств</p>
<p>Дидактическое отношение – «учитель-ученик»</p>	<p>Во все три дидактических отношения «вмешивается цифра» и открытость общества.</p> <p>Происходит «... расширение связей классического дидактического отношения: учитель – учебный материал – ученики с образовательной средой школы, общества, мира, что позволяет выявить предпосылки перехода процесса обучения в образовательный процесс, ориентированный на самореализацию школьника» [25, с. 197]</p>

Методологический компонент: специфические задачи	
<p><i>Теоретические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – научное обоснование принципов развития систем обучения, целей и содержания обучения; – исследование сущности, структуры и функций процесса обучения; – разработка методологических основ дидактики и методов дидактических исследований; – исследование сущности феномена дидактической деятельности, педагогического мастерства и путей его формирования – разработка теории и методологии инновационных процессов, рациональных связей теории и практики, взаимопроникновения исследовательской и практической деятельности. <p><i>Прикладные:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – разработка методических основ обучения конкретным дисциплинам; – разработка форм, методов, приемов, средств, технологий организации процесса обучения; – разработка методов и форм контроля, критериев усвоения знаний и личностного развития; – разработка содержания и методики самообразования и привития потребности в нем 	<p><i>Теоретические:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – принцип ориентации обучающегося на самостоятельное приобретение знаний, умений, компетенций, осуществление разнообразных видов информационной деятельности и информационного взаимодействия на базе применения цифровых информационных технологий; – цель обучения – раскрытие, развитие, реализация интеллектуального потенциала обучающегося, а также его успешная социализация в условиях общества массовой сетевой коммуникации и глобализации; – осуществление педагогом самостоятельной информационной деятельности и информационного взаимодействия как между субъектами образовательного процесса, так и между ними и интерактивным источником учебной либо методической информации; самотворчество и самопредставление индивидуальности в «виртуальном мире»; – конвергенция исследовательских методов соответствующих наук и технологий их познания. <p><i>Прикладные:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – использование интерактивного контента; интеграция зон различных наук; – применение средств и систем автоматизированного управления процессом обучения, его планирования, мониторинга качества на базе цифровых информационных технологий; – развитие методологических умений обучающихся на основе самостоятельной информационной деятельности с использованием цифровых информационных технологий
Методологический компонент: логика функционирования дидактического знания	
<p>Связывается с логикой выстраивания научной теории: основания (методологические и эмпирические); ядро (непосредственно дидактическое знание: закономерности и законы, принципы, цели и задачи, содержание, организационно-процессуальная часть дидактической системы); выводы-следствия; интерпретация (определение границ закономерностей и законов)</p>	<p>Логика функционирования дидактики сохраняется, однако в ядре теории появляются новое знание об интерактивном контенте, цифровых информационных технологиях, об информационной образовательной среде, в которой, собственно, и протекают процессы обучения. Серьезное дополнение испытывает процессуально-технологический компонент из-за включения цифровых информационных технологий</p>
Методологический компонент: методы исследования в дидактике	
<p><i>Теоретические:</i> анализ, синтез, моделирование, метод восхождения от абстрактного к конкретному, идеализация, построение гипотез и доказательство выдвигаемых положений с помощью теоретического обоснования и др.</p> <p><i>Эмпирические:</i> опытные методы, наблюдение, педагогический эксперимент, изучение продуктов деятельности субъектов процесса обучения, метод диагностических ситуаций и др.</p> <p>Методы обработки данных (математической статистики)</p>	<p>Все группы методов значительно обогащают и улучшают свои характеристики за счет применения цифровых информационных технологий: возрастает скорость, например, получения необходимой информации, обработки эмпирических данных, построения графиков, выявления зависимостей, проведения «экранных» экспериментов, использование компьютерного моделирования иногда очень сложных ситуаций, например, процесса чтения и понимания текста [19]</p>

Таким образом, современная дидактика испытывает острую нужду в приведении в соответствие с вызовами времени и социальным заказом терминологического аппарата и своих методологических параметров, что и детерминирует *тенденции трансформации дидактического знания и дидактической деятельности.*

Анализ параметров современного учебного занятия (в школе и вузе) [8] позволил выделить тенденции, которые характерны для современного учебного занятия для уровней об-

щего среднего и высшего образования, дают представление о линиях его изменения и трансформации и обуславливают появление соответствующих тенденций в развитии и преобразовании непосредственно самого дидактического знания. Среди них:

– *психодидактическая тенденция* (связана с усилением внимания к вопросам учета и развития индивидуальных параметров обучающихся в процессе обучения, обеспечением развивающего характера обучения, созданием условий для становления субъектности обучающихся и обучающихся в процессе обучения);

– *тенденция возрастания содержательно-процессуальной вариативности* учебного занятия (связана с наличием инвариантных (ФГОС) и вариативных компонентов в содержании образования, а также проявлением педагогического творчества в части применения организационных и технологических форматов взаимодействия педагога и обучающихся в границах учебного занятия);

– *информационно-семиотическая тенденция* (отражает применение цифровых образовательных технологий в обучении, а также усиливающуюся необходимость развития у обучающихся и учителя семиотических умений и навыков, или семиотической компетенции, или владения опытом работы со знаками и знаковыми системами, которые в принципе и составляет содержание учебной информации). Актуальность последней тенденции доказывает большое количество научных работ в области образовательной семиотики – быстро развивающейся молодой научной отрасли – части философии образования [4; 7; 18; 29; 35; 37; 40; 41; 43]. Среди трудов, развивающих дидактику в данном направлении, отметим работы А. А. Веряева [4] по исследованию семиотического подхода к образованию в условиях информационного общества; С. А. Гончарова, О. М. Гончаровой, Н. Н. Королевой [7] по описанию феномена семиотической компетентности и ее значении в образовании и социуме; М. А. Лукацкого [18] по формированию параметров педагогической семиологии; С. Ю. Полянкиной [29] по вопросам семиотического подхода по разрешению ключевых противоречий в современной системе образования; А. Б. Соломника [35] по исследованию педагогических приложений семиотики; И. И. Сулимы по вопросам герменевтической концепции; М. Данези (M. Danesi) [40] об эдусемиотике и др.

С учетом выделенных тенденций можно утверждать, что для осмысления данных линий развития современного учебного занятия необходимы соответствующие дидактические исследования, которые бы позволили выявить позитивные возможности данных изменений, усилить их и минимизировать негативные векторы, которые также имеют место быть и оказывают соответствующее влияние на процесс обучения и его результаты. О проблемах, которые проектируются на плоскость дидактики и требуют решения, подробно и глубоко говорит И. А. Колесникова [12]. Мы их анализировали применительно к дидактике сельской школы [14; 23].

В направлении исследования тенденций психодидактического характера отметим труды Б. Ц. Бадмаева [2] (вопросы использования психологии в работе учителя), Э. Г. Гельфман [5] (психодидактика школьного учебника, обогащение ментального опыта обучающихся, интеллектуальное воспитание), О. С. Гибельгауз, А. Н. Крутского [6] (разработка 14 методологических подходов к обучению, идея единства психологии, дидактики и методики, идея пакетных технологий обучения), А. З. Рахимова [30] (формулировка психодидактических принципов), И. М. Осмоловской [21] (определение гибридного предмета психодидактики на основе идеи междисциплинарности), В. И. Панова [24] (определение психодидактического подхода, связывание его с развивающим образованием, а не обучением), А. И. Подольского [27] (идея разработки психодидактических технологий, реализующихся с помощью учебно-технологического комплекса), С. Д. Полякова [28] (разработка конкретных психодидактических систем и организационных форм образования), В. И. Савенкова [32] (рассмотрение методологических основ психодидактики), Э. Стоунса [36] (основополагающие работы по психопедагогике), Л. М. Фридмана [39] (предложение о введении элементов психопедагогике в процесс подготовки учителей), М. А. Холодную [5] (психодидактика школьного учебника, обогащение ментального опыта обучающихся, интеллектуальное воспитание). Основная идея исследований в этом направлении – поиск путей индивидуализирования процесса обучения, его субъективизации, предоставления обучающемуся комфортных образовательных условий для актуализации и реализации своего субъектного потенциала, обеспечение условий для развития всех сфер обучающихся (при сохранении условий для успешной работы в команде). Предметом психодидактики определены изменения в психике человека под воздействием обучения [21].

Тенденция возрастания содержательно-организационной вариативности и информационно-семиотическая тенденция очень тесно связаны друг с другом, поскольку практически охватывают собой как содержательную компоненту обучения (дидактического процесса), так

и процессуальную. Именно в границах данных тенденций, прежде всего, развивается представление об использовании цифровых информационных технологий, которые, как некоторая межпредметная методологическая основа, пронизывают обучение различным дисциплинам и создают тот фон, на котором сегодня происходит и обучение, и воспитание, и развитие обучающихся. Тенденция возрастания содержательно-организационной вариативности учебного занятия отражает факт все более глубокого проникновения технологического подхода в сферу образования в контексте использования технологий обучения [33]. Здесь имеется в виду разнообразие этих дидактических систем и вариативность применения с обеспечением наиболее оптимального сочетания с конкретной образовательной ситуацией.

В контексте данных тенденций нельзя не отметить проявление еще одного интегративного направления развития дидактики, которое получило название «когнитивно-дидактических исследований» и отражает взаимодействие дидактики с когнитивистикой – комплексом научных дисциплин, охватывающих теорию познания, когнитивную психологию, нейрофизиологию, когнитивную лингвистику, когнитивную антропологию и теорию искусственного интеллекта [21].

Когнитивное обучение направлено на когнитивное развитие обучающегося, т. е. совершенствование всей совокупности его умственных способностей и стратегий. Ученик есть познающая система, обладающая определенным набором индивидуальных средств, увеличивающих и развивающих его когнитивные возможности, и вовлекающаяся в активный процесс познания в случае обеспечения содержательной стороны образования и внутренней активности учащихся с помощью стимуляции их собственных когнитивных структур, обработки и преобразования поступающей учебной информации. «Требуется оснастить ученика универсальными инструментами познания, а учителя – вооружить методами и средствами когнитивного обучения, к которым относятся эвристическое наблюдение, методы смыслового, символического и образного видения, дивергентные и информационно-коммуникативные карты, тест-карты, опорные схемы и др.» [21, с. 18].

Когнитивные технологии обучения связываются с освоением обучающимися способов умственных действий с информацией в процессе ее использования. Когнитивная визуализация дидактических объектов предполагает наглядное представление когнитивных схем (структур) в виде когнитивных карт, фреймов, семантических сетей, кластеров для быстрой ориентировки в поступающей учебной информации, ее понимания и анализа. Дидактический дизайн представлен разработкой емких визуальных изображений, позволяющих передать большой объем информации в сжатом и лаконичном виде [1; 20].

Таким образом, наиболее выраженными тенденциями развития современной дидактики выступают:

– тенденция *трансформации методологических характеристик теории обучения*, являющаяся отражением закономерной необходимости развития и изменения содержания составных компонентов научной системы в контексте возникающих новых исторических условий и вызовов времени;

– *интегративная тенденция* (в частности, в ее рамках выделяются направления психодидактического и когнитивно-дидактического характера);

– тенденция *осмысления возрастающей содержательно-организационной вариативности дидактического процесса*, в частности, детерминированной интенсивным обогащением сферы образования цифровыми информационными технологиями и разнообразным миром технологий обучения;

– *информационно-семиотическая тенденция*, обусловленная процессами динамичности и информационной насыщенности (и даже пересыщенности) нашего мира, глобализации «распыления» аксиологических основ в сфере образования.

Тем не менее представленный взгляд на векторы развития науки об обучении не рассматривается единственно возможным (вспомним эпиграф к статье), однако он может стать вкладом в научную дискуссию исследователей-дидактов.

Список литературы

1. Ахметова Л. В. Методы когнитивного обучения: психолого-дидактический подход // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 7 (85). С. 48–52.
2. Бадмаев Б. Ц. Психология в работе учителя : в 2 кн. М. : Гуманитарный центр ВЛАДОС, 2004. Кн. 1. Практическое пособие по теории развития, обучения и воспитания. 233 с. (Психология для всех).
3. Блинова Т. Л. Метапредметность в подготовке учителя // Педагогика. 2018. № 3. С. 92–96.

4. *Веряев А. А.* Семиотический подход к образованию в информационном обществе : дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Барнаул, 2000. 367 с.
5. *Гельфман Э. Г., Холодная М. А.* Психодидактика школьного учебника. Интеллектуальное воспитание учащихся. СПб. : Питер, 2006. 384 с.
6. *Гибельгауз О. С.* Психодидактические пакетные технологии обучения : монография / О. С. Гибельгауз, А. Н. Крутский. Барнаул : АлтГПУ, 2016. 179 с.
7. *Гончаров С. А., Гончарова О. М., Королева Н. Н.* Семиотическая компетентность в образовании и социуме // Universum: Вестник Герценовского университета. 2011. № 8. С. 75–76.
8. *Данюшенков В. С.* Современный урок: тенденции развития / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова // Педагогика. 2017. № 10. С. 24–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32619757> (дата обращения: 28.05.2019).
9. *Дидактика* : Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 27.05.2019).
10. *Дидактическая деятельность*. URL: <https://www.ngpedia.ru/id472p1.html> (дата обращения: 27.05.2019).
11. *Загвязинский В. И.* Теории обучения и воспитания : учебник для студ. учреждений ВПО / В. И. Загвязинский, И. Н. Емельянова. М. : Академия, 2014. 256 с.
12. *Колесникова И. А.* Проблемы развития современной педагогической науки / И. А. Колесникова // Педагогика в современном мире : сб. статей Всеросс. науч. конф. / ред. сов. : Т. Б. Алексеева, И. В. Гладкая, И. Э. Кондракова, Н. М. Федорова. СПб. : Лема, 2011. С. 197–201.
13. *Корчажкина О. М.* Метапредметный урок как пространство усвоения обобщенных понятий // Педагогика. 2018. № 5. С. 61–71.
14. *Коршунова О. В.* Методологические подходы к обучению и воспитанию в сельской школе : монография / О. В. Коршунова, С. В. Огородникова. Вып. 22. Серия «Сельская школа». Киров : Изд-во ВятГУ, 2018. 653 с.
15. *Коршунова О. В.* Теория обучения. Педагогические технологии. Киров : Изд-во ВятГУ, 2016. 581 с.
16. *Коршунова О. В.* Проблемы дидактики сельской школы: концептуальные подходы, модели и технологии обучения : практико-ориентированная монография / О. В. Коршунова, О. Г. Селиванова. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. 292 с.
17. *Лернер И. Я.* Философия дидактики и дидактика как философия. М. : Изд-во РОУ, 1995. С. 11.
18. *Лукацкий М. А.* Педагогическая семиология: контуры становления // Ценности и смыслы. 2015. № 6 (40). С. 56–64.
19. *Майер Р. В.* Исследование математических моделей дидактических систем на компьютере : монография. Глазов: ГГПИ, 2018. 160 с.
20. *Манько Н. Н.* Проективная визуализация дидактических объектов детерминант развития обучающегося // Образование и наука. 2013. № 6. С. 90–105.
21. *Осмоловская И. М., Краснова Л. А.* Проблема междисциплинарности в исследованиях процесса обучения // Образование и наука. 2017. 19 (7). С. 9-24. URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-7-9-24> (дата обращения: 28.05.2019).
22. *Осмоловская И. М.* Дидактика : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стер. М. : Академия, 2008. 240 с.
23. Основные тенденции развития дидактики сельской школы // Социально-педагогические технологии в образовании : сб. научных и научно-практ. статей Всеросс. науч.-практ. форума «Социально-педагогические технологии в образовании: актуальность, перспективы и тенденции» / О. В. Коршунова. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-R).
24. *Панов В. И.* Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб. : Питер, 2007. 352 с.
25. Педагогика : учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под ред. А. П. Тряпицыной. СПб. : Питер, 2014. 304 с.
26. *Подласый И. П.* Педагогика : учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Просвещение ; ВЛАДОС, 1996. 492 с.
27. *Подольский А. И.* Системная психодидактика. Магнитогорск : Творчество, 2005. 328 с.
28. *Поляков С. Д.* Психопедагогика воспитания и обучения: опыт популярной монографии. М. : Новая школа, 2003. 304 с.
29. *Полянкина С. Ю.* Семиотический подход к разрешению ключевых противоречий современной системы образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 64–71.
30. *Рахимов А. З.* Философия психодидактики. Уфа : Творчество, 2008. 290 с.
31. *Роберт И. В.* Развитие дидактики в условиях реализации возможностей цифровых информационных технологий // Современные Web-технологии в цифровом образовании: значение, возможности, реализация : сб. ст. участников V-й Междунар. науч.-практ. конф. (17–18 мая 2019 г.) / науч. ред. С. В. Миронова, отв. ред. С. В. Напалков ; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2019. С. 27–41.

32. Савенков А. И. Психодидактика. М. : Национальный книжный центр, 2012. 360 с.
33. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий : в 2 т. НИИ школьных технологий, 2006. (Т. 1 – 816 с., Т. 2 – 816 с.)
34. Словарь-справочник по педагогике / авт.-сост. В. А. Мижериков ; под ред. П. И. Пидкасистого. М. : Сфера, 2004. 448 с.
35. Соломоник А. Б. Семиотика и ее педагогические продолжения // Проблемы современного образования. 2010. № 2. С. 41–49.
36. Стоунс Э. Психопедагогика. Психологическая теория и практика обучения / пер. с англ. ; под ред. Н. Ф. Талызиной. М. : Педагогика, 1984. 472 с.
37. Сулима И. И. Бытийный статус образования. Герменевтическая концепция : дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2004. 355 с.
38. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об образовании в Российской Федерации». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 16.12.2018).
39. Фридман Л. М. Психопедагогика общего образования. М. : Институт практической психологии, 1997. 288 с.
40. Danesi M. Foreword: Edusemiotics. In I. Semetsky (Ed.), *Semiotics education experience*. Rotterdam: Sense Publishers. 2010. Pp. vii-xi.
41. Deely J., Semetsky I. Semiotics, edusemiotics and the culture of education // *Educational Philosophy and Theory*. № 49 (3). 2016. Pp. 1–13.
42. Joshi R. Didactics and pedagogy: Enhancing students' performance // *The Himalayan times*. Published: February 26, 2018. Available at: <https://thehimalayantimes.com>.
43. Semetsky I., Stables A. (Eds.) *Pedagogy and edusemiotics: Theoretical challenges / practical opportunities* Rotterdam : Sense Publishers, 2014.

The main trends in the development of modern didactics

O. V. Korshunova

Doctor of Pedagogical Sciences, professor at the Department of pedagogy, Vyatka State University. Russia, Kirov.
Researcher: D-1048-2017. ORCID: 0000-0003-2633-0305. E-mail: okorchun@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the challenges of our time, which are reflected in the education system, as in a kind of mirror. Such challenges are digitalization, globalization, high intensity and speed of changes in our world, information saturation of life, uncertainty of axiological foundations of the world.

The purpose of the article is to try to understand the development of the main methodological parameters of modern didactics as a science of learning (education), taking into account the ongoing transformation processes in the world and formulating on the basis of this trend of its development.

Subject and results of the study. The article shows the main lines of development of scientific knowledge of didactics taking into account the challenges of civilization – the trend of transformation of didactic knowledge and didactic activity. Integrative tendency is presented through the allocation of areas of psychodidactic and cognitive-didactic nature in the theory of learning. The tendency to comprehend the increasing content-organizational variability of the didactic process is determined by the intensive enrichment of the sphere of education with digital information technologies and the diverse world of learning technologies. The information-semiotic tendency is caused by processes of dynamism and information saturation, globalization and "dispersion" of axiological bases in the sphere of education and is connected with increasing need of possession of skills of work with signs and sign systems presented in various formats.

Didactics appears to be a developing system of knowledge and activity, open to further improvement and enrichment.

Application of the results: in theoretical terms – the materials and conclusions of the article will be useful for researchers of modern education, in practical terms – students studying in pedagogical and psychological-pedagogical areas of training, practicing teachers, employees of the system of additional professional education of teachers.

Keywords: digitalization, psychodidactics, educational semiotics, content-organizational variability, manufacturability, convergence of pedagogical science and digital information technologies, the tendency of transformation of didactic knowledge and didactic activity, integrative tendency, the tendency of understanding of increasing content-organizational variability of didactic process, information-semiotic tendency.

References

1. Ahmetova L. V. *Metody kognitivnogo obucheniya: psihologo-didakticheskij podhod* [Methods of cognitive training: psychological and didactic approach] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of Tomsk State Pedagogical University. 2009. Issue 7 (85). Pp. 48–52.

2. Badmaev B. C. *Psihologiya v rabote uchitelya* [Psychology in the work of a teacher. In 2 books]. M. Humanitarian center VLADOS. 2004. Book 1. *Prakticheskoe posobie po teorii razvitiya, obucheniya i vospitaniya* – Practical guide to the theory of development, training and education. 233 p. (Psychology for all).
3. Blinova T. L. *Metapredmetnost' v podgotovke uchitelya* [Metasubjectivity in teacher training] // *Pedagogika* – Pedagogy. 2018. No. 3. Pp. 92–96.
4. Veryaev A. A. *Semioticheskij podhod k obrazovaniju v informacionnom obshchestve : dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.01* [Semiotic approach to education in the information society : dis. ... dr. Ped. Sciences: 13.00.01]. Barnaul. 2000. 367 p.
5. Gel'fman E. G., Holodnaya M. A. *Psihodidaktika shkol'nogo uchebnika. Intellektual'noe vospitanie uchashchihsya* [Psychodidactics of the school textbook. Intellectual education of students]. SPb. Piter. 2006. 384 p.
6. Gibel'gauz O. S. *Psihodidakticheskie paketnye tekhnologii obucheniya : monografiya* [Psychodidactic packet technology of training : monograph] / O. S. Gibelgauz, A. N. Krutskij. Barnaul. AltSPU. 2016. 179 p.
7. Goncharov S. A., Goncharova O. M., Koroleva N. N. *Semioticheskaya kompetentnost' v obrazovanii i sociume* [Semiotic competence in education and society] // *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta* – Univer-sum: Herzen University Herald. 2011. No. 8. Pp. 75–76.
8. Danyushenkov V. S. *Sovremennyy urok: tendencii razvitiya* [Modern lesson: development trends] / V. S. Danyushenkov, O. V. Korshunova // *Pedagogika*. 2017. No. 10. Pp. 24–31. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32619757> (date accessed: 28.05.2019).
9. Didactics : Material from Wikipedia – the free encyclopedia. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (date accessed: 27.05.2019). (in Russ.)
10. *Didakticheskaya deyatel'nost'* – Didactic activity. Available at: <https://www.ngpedia.ru/id472p1.html> (date accessed: 27.05.2019).
11. Zagvyazinskij V. I. *Teorii obucheniya i vospitaniya : uchebnik dlya stud. uchrezhdenij VPO* [Theory of education : textbook for students of institutions of higher education] / V. I. Zagvyazinskij, I. N. Emelyanova. M. Akademiya. 2014. 256 p.
12. Kolesnikova I. A. *Problemy razvitiya sovremennoj pedagogicheskoy nauki* [Issues of development of modern pedagogical science] / I. A. Kolesnikova // *Pedagogika v sovremennom mire : sb. statej Vseross. nauch. konf.* – Pedagogy in the modern world : collection of articles of all-Russia scient. conf. / edit. board: T. B. Alekseeva, I. V. Gladkaya, I. E. Kondrakova, N. M. Fedorova. SPb. Lema. 2011. Pp. 197–201.
13. Korchazhkina O. M. *Metapredmetnyj urok kak prostranstvo usvoeniya obobshchennykh ponyatij* [Metasubject lesson as a space of assimilation of generalized concepts] // *Pedagogika* – Pedagogy. 2018. No. 5. Pp. 61–71.
14. Korshunova O. V. *Metodologicheskie podhody k obucheniju i vospitaniju v sel'skoj shkole : monografiya* [Methodological approaches to teaching and education in rural school : monograph] / O. V. Korshunova, S. V. Ogorodnikova. Issue 22. Series "Rural school". Kirov. VyatSU. 2018. 653 p.
15. Korshunova O. V. *Teoriya obucheniya. Pedagogicheskie tekhnologii* [Theory of education. Pedagogical technologies]. Kirov. VyatSU. 2016. 581 p.
16. Korshunova O. V. *Problemy didaktiki sel'skoj shkoly: konceptual'nye podhody, modeli i tekhnologii obucheniya : praktiko-orientirovannaya monografiya* [Issues of didactics of rural school: conceptual approaches, models and technologies of education : practice-oriented monograph] / O. V. Korshunova, O. G. Selivanova. Kirov. VyatSU. 2014. 292 p.
17. Lerner I. Ya. *Filosofiya didaktiki i didaktika kak filosofiya* [Philosophy of didactics and didactics as philosophy]. M. ROU. 1995. P. 11.
18. Lukackij M. A. *Pedagogicheskaya semiologiya: kontury stanovleniya* [Pedagogical semiology: contours of the formation] // *Cennosti i smysly* – Values and meanings. 2015. No. 6(40). Pp. 56–64.
19. Mayer R. V. *Issledovanie matematicheskikh modelej didakticheskikh sistem na komp'yutere : monografiya* [Research of mathematical models of didactic systems on the computer : monograph]. Glazov. GSPI. 2018. 160 p.
20. Man'ko N. N. *Proektivnaya vizualizaciya didakticheskikh ob"ektov determinant razvitiya obuchayushchegosya* [Projective visualization of didactic objects determinants of student development] // *Obrazovanie i nauka* – Education and science. 2013. No. 6. Pp. 90–105.
21. Osmolovskaya I. M., Krasnova L. A. *Problema mezhdisciplinarnosti v issledovaniyah processa obucheniya* [The problem of interdisciplinarity in studies of the learning process] // *Obrazovanie i nauka* – Education and science. 2017. 19 (7). Pp. 9–24. Available at: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-7-9-24> (date accessed: 28.05.2019).
22. Osmolovskaya I. M. *Didaktika : ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij* [Didactics : tutorial for students of higher education institutions]. 2-e publ., ster. M. Akademiya. 2008. 240 p.
23. *Osnovnye tendencii razvitiya didaktiki sel'skoj shkoly* – The basic tendencies of development of didactics of rural schools // *Social'no-pedagogicheskie tekhnologii v obrazovanii : sb. nauchnyh i nauchno-prakt. Statej Vseross. nauch.-prakt. foruma "Social'no-pedagogicheskie tekhnologii v obrazovanii: aktual'nost', per-spektivy i tendencii"* – Social-pedagogical technologies in education : collection of scientific and scientific-pract. articles of all-Russia scientific-pract. forum "Social and pedagogical technologies in education: relevance, prospects and trends" / O. V. Korshunova. Petrozavodsk. PetrSU. 2018. 1 electron. optical disc (CD-R).

24. Panov V. I. *Psihodidaktika obrazovatel'nyh sistem: teoriya i praktika* [Psychodidactics of educational systems: theory and practice]. SPb. Piter. 2007. 352 p.
25. *Pedagogika : uchebnik dlya vuzov. Standart tret'ego pokoleniya* – Pedagogy : textbook for universities. The standard of the third generation / ed. A.P. Tryapicina. SPb. Piter. 2014. 304 p.
26. Podlasyj I. P. *Pedagogika : uchebnik dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij* [Pedagogics : textbook for the stud. of higher. ped. institutions]. M. Prosveshchenie; VLADOS. 1996. 492 p.
27. Podol'skij A. I. *Sistemnaya psihodidaktika* [Systemic psychodidactics]. Magnitogorsk. Tvorchestvo. 2005. 328 p.
28. Polyakov S. D. *Psihopedagogika vospitaniya i obucheniya: opyt populyarnoj monografii* [Psychopedagogics of education and training: the experience of the popular monograph]. M. Novaya shkola. 2003. 304 p.
29. Polyankina S. Yu. *Semioticheskij podhod k razresheniyu klyuchevykh protivorechij sovremennoj sistemy obrazovaniya* [Semiotic approach to the resolution of the key contradictions of the modern system of education] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* – Herald of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2018. No. 41. Pp. 64–71.
30. Rahimov A. Z. *Filosofiya psihodidaktiki* [Philosophy of psychodidactics]. Ufa. Tvorchestvo. 2008. 290 p.
31. Robert I. V. *Razvitie didaktiki v usloviyah realizacii vozmozhnostej cifrovyykh informacionnykh tekhnologij* [Development of didactics in terms of digital information technologies] // *Sovremennyye Web-tekhnologii v cifrovom obrazovanii: znachenie, vozmozhnosti, realizaciya : sb. st. uchastnikov V-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (17–18 maya 2019 g.)* – Modern Web technologies in digital education: the value, opportunities, implementation : collection of articles of the participants of the V-th Intern. scient.-prakt. conf. (17–18 May 2019) / scientific ed. S. V. Mironova, resp. ed. S. V. Napalkov; Arzamas branch of Nizhny Novgorod State University. Arzamas. Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University. 2019. Pp. 27–41.
32. Savenkov A. I. *Psihodidaktika* [Psychodidactics]. M. National book center. 2012. 360 p.
33. Selevko G. K. *Enciklopediya obrazovatel'nykh tekhnologij* [Encyclopedia of educational technologies]. In 2 vol. Institute of school technology. 2006. (Vol. 1 – 816 p., Vol. 2 – 816 p.)
34. *Slovar'-spravochnik po pedagogike* – Dictionary-reference book on pedagogy / author.-comp. Mizherikov V. A.; under the editorship of P. I. Pidkasistyj. M. Sphera. 2004. 448 p.
35. Solomonik A. B. *Semiotika i ee pedagogicheskie prodolzheniya* [Semiotics and its teaching continue] // *Problemy sovremennogo obrazovaniya* – Issues of modern education. 2010. No. 2. Pp. 41–49.
36. Stones E. *Psihopedagogika. Psihologicheskaya teoriya i praktika obucheniya* [Psychopedagogy. Psychological theory and practice of training] / transl. from Eng.; ed. by N. F. Talyzina. M. Pedagogika. 1984. 472 p.
37. Sulima I. I. *Bytijnnyj status obrazovaniya. Germeneyticheskaya koncepciya : dis. ... d-ra filos. nauk* [Existential status of education. Hermeneutic concept : dis. ... dr. Philos. Sciences]. N. Novgorod. 2004. 355 p.
38. Federal law of 29.12.2012 № 273-ФЗ (as amended on 23.07.2013) "On education in Russian Federation". Available at: www.consultant.ru (date accessed: 16.12.2018). (in Russ.)
39. Friedman L. M. *Psihopedagogika obshchego obrazovaniya* [Psychopedagogics of general education]. M. Institute of practical psychology. 1997. 288 p.
40. Danesi M. Foreword: Edusemiotics. In I. Semetsky (Ed.), *Semiotics education experience*. Rotterdam. Sense Publishers. 2010. Pp. vii-xi.
41. Deely J., Semetsky I. Semiotics, edusemiotics and the culture of education // *Educational Philosophy and Theory*. No. 49 (3). 2016. Pp. 1–13.
42. Joshi R. Didactics and pedagogy: Enhancing students' performance // *The Himalayan times*. Published: February 26, 2018. Available at: <https://thehimalayantimes.com>.
43. Semetsky I., Stables A. (Eds.) *Pedagogy and edusemiotics: Theoretical challenges / practical opportunities* Rotterdam. Sense Publishers. 2014.

Литературный квест как интерактивная образовательная технология и форма профориентационной деятельности

А. Г. Маслова¹, О. Ю. Поляков², О. А. Полякова³

¹ доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9118-2983. E-mail: usr11021@vyatsu.ru

² доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9362-7720. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

³ кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-7013-4141. E-mail: usr11233@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена презентации литературного квеста как образовательной технологии, которая используется преподавателями факультета филологии и медиакоммуникаций Вятского государственного университета в рамках учебной и профориентационной деятельности. Предлагаемая форма работы рассматривается как интерактивная форма обучения и развития личности, способствующая выработке у обучающихся метапредметных умений и филологической компетенции. В статье дан обзор содержания проведенного на базе Вятского государственного университета мероприятия, раскрыты основные этапы его подготовки и проведения, обозначены методические приемы, использованные в ходе его реализации; проанализированы итоги применения квест-технологий; обобщается опыт проведения литературного профориентационного квеста с целью выявления его образовательного и воспитательного потенциала и определения возможностей использования в профессиональном самоопределении школьников. Результаты показали, что квест способствовал развитию у учащихся нестандартного самостоятельного мышления, интуиции, логики, процессов анализа и синтеза, обобщения материала, сравнения и противопоставления; реализации интеллектуального и творческого потенциала.

При разработке образовательного квеста необходимо учитывать обязательные условия интерактивного общения. При проведении игры рекомендуется использовать многообразные формы, активные и интерактивные методы: тесты, блиц-опросы, дискуссии, тренинги, викторины, игровые и творческие задания, рисунки, видеоматериалы и другие. Преимуществом описанной технологии является активное творческое взаимодействие всех участников – преподавателей вуза, студентов и школьников – и личностная вовлеченность каждого в познавательную и развивающую деятельность. Материалы статьи имеют практическую значимость для организации профориентационной работы с потенциальными абитуриентами в средних и высших профессиональных учебных заведениях.

Ключевые слова: методика обучения литературе, компетентностный подход, игровые образовательные технологии, интеграция теории и практики в обучении литературе.

Введение. Ключевой идеей современного образования является требование обучать школьников и студентов не столько конкретным знаниям, сколько способам эффективного и самостоятельного их освоения: способам действия со знаниями, на границах разных знаний, а также поведения в нестандартных ситуациях. Уметь решать открытые задачи, прогнозировать, быстро ориентироваться, проявлять инициативу, действовать в пространстве вариантов – эти положения современного образовательного стандарта могут быть успешно реализованы с помощью квест-технологий, относящихся к интерактивным формам обучения и воспитания.

Одним из актуальных направлений деятельности высших учебных заведений является работа с будущими абитуриентами с целью повышения имиджа образовательной организации и привлечения талантливых выпускников в современных условиях конкуренции на рынке образовательных услуг. В рамках реализации Программы Опорного университета Кировской области, одной из задач которой является закрепление одаренной молодежи в регионе, на всех факультетах Вятского государственного университета разрабатываются разнообразные олимпиады и конкурсы для школьников и обучающихся колледжей, так как «формирование базы талантливых школьников позволит обеспечить массовый охват абитуриентов и

учет их индивидуальных достижений» [15, с. 24]. Так, кроме олимпиад, творческих и научно-исследовательских конкурсов, на факультете филологии и медиакоммуникаций ВятГУ была разработана технология профориентационных квестов для абитуриентов, которая и является предметом данного исследования.

Целью данной статьи является раскрытие образовательного, воспитательного и профориентационного потенциала литературного квеста, апробация которого успешно прошла на факультете филологии и медиакоммуникаций Вятского государственного университета (г. Киров, октябрь 2017 года).

Авторы исследования считают необходимым решить следующие задачи: во-первых, обобщить концептуальную основу квеста как инновационной образовательной формы; во-вторых, охарактеризовать квест-технологии на примере конкретного опыта; в-третьих, на основе эмпирических наблюдений выявить эффективность литературного квеста как формы профориентационной деятельности современного вуза и средства профессионального самоопределения школьников. Для решения задач, связанных с достижением поставленной цели, в исследовании использовались такие традиционные методы, как анализ, синтез, обобщение научных источников, эмпирическое наблюдение.

Высокий уровень востребованности квест-технологии подтверждается педагогическим опытом, описанным в многочисленных тезисах и статьях, авторы которых используют квест в различных педагогических ситуациях: на уроках в начальной школе [1; 5; 8; 14], при изучении естественных наук [13], при решении воспитательных задач в образовательных учреждениях дополнительного образования [2], в библиотеках [3; 18], в практике филологического образования школьников [4; 6; 12], при преподавании филологических дисциплин в вузе [10].

Эффективность квест-технологий в различных сферах деятельности, как можно убедиться, уже доказана педагогической практикой, поэтому гипотеза нашего научного исследования связана не столько с теоретическими, сколько с практическими целями: мы предполагаем, что технология квеста для абитуриентов решает одновременно несколько стратегических задач современного высшего образования: способствует повышению имиджа образовательной организации и привлечению одаренной молодежи в конкретное высшее учебное заведение, а также создает условия для формирования профессиональных компетенций у студентов, задействованных в организации и проведении квеста.

Новизна и ценность данного исследования обусловлена тем, что впервые технология квеста рассматривается как форма профориентационной деятельности с абитуриентами.

Квест (англ. Quest) – поиск, предмет поисков, поиск приключений. В мифологии и литературе понятие «квест» изначально обозначало один из способов построения сюжета – путешествие персонажей к определенной цели через преодоление трудностей. Сегодня понятие «квест» у подростков ассоциируется с компьютерной игрой, в которой управляемый игроком герой продвигается по сюжету и взаимодействует с игровым миром посредством применения предметов, общения с другими персонажами и решения затруднительных логических задач. В «Толковом словаре русского языка XXI века» дано следующее значение слова «квест»: «1. Жанр литературных произведений, фильмов, а также компьютерных игр, требующих от участников решения логических задач для продвижения по сюжету; литературное произведение, фильм, игра в этом жанре, а также сама такая задача» [17, с. 134–135].

Изначально квест разрабатывался американскими учеными Б. Доджем и Т. Марчем как образовательная веб-технология, предполагающая использование интернет-ресурсов. Для современной методической науки характерно более широкое осмысление и применение этой технологии. Так, возникли понятия «реал-квест», «живой» квест, указывающие на применение методики игрового поиска не в виртуальном, а в реальном мире. Подчеркивая возможность широкого применения квест-технологии, Е. А. Игумнова и И. В. Радецкая предлагают определение образовательного квеста как «интегрированной технологии, объединяющей идеи проектного метода, проблемного и игрового обучения, взаимодействия в команде и ИКТ; сочетающей целенаправленный поиск при выполнении главного проблемного и серии вспомогательных заданий с приключениями и (или) игрой по определенному сюжету» [7].

Квест представляет собой увлекательную и одновременно познавательную интеллектуальную игру. Организационные и тематические формы интеллектуальных игр необычайно широки, но, как отмечает Б. Р. Мандель, суть у них одна: «при решении поставленных задач происходит акт развития и творчества, находится новый путь или создается что-то новое, требуются особые качества ума, такие как наблюдательность, умение сопоставлять и анали-

зировать, комбинировать, находить связи и зависимости, закономерности и т. д. – все, что в совокупности составляет творческие и интеллектуальные способности человека» [11].

Современные ученые-практики и педагоги рассматривают квест как технологию, которая имеет конкретные дидактические задачи, игровой замысел, регламентацию, предполагает руководство модератором всей игровой деятельности.

И. Н. Сокол предлагает следующую классификацию образовательных квестов:

- по форме проведения (компьютерные игры-квесты, веб-квесты, медиа-квесты, квесты на природе, комбинированные);
- по режиму проведения (в реальном режиме; в виртуальном режиме; в комбинированном режиме);
- по сроку реализации (краткосрочные; долгосрочные);
- по форме работы (групповые; индивидуальные);
- по предметному содержанию (моноквест; межпредметный квест);
- по информационной образовательной среде (традиционная образовательная среда; виртуальная образовательная среда) [16].

В зависимости от сюжета квесты могут быть линейными, в которых игра построена по цепочке: разгадав одно задание, участники получают следующее, и так до тех пор, пока не пройдут весь маршрут; штурмовыми, где все игроки получают основное задание и перечень точек с подсказками, но при этом самостоятельно выбирают пути решения задач; кольцевыми, которые представляют собой тот же «линейный» квест, но замкнутый в круг. Команды стартуют с разных точек, которые будут для них финишными.

Все вышесказанное свидетельствует о разнообразии форм и эффективности применения технологии квеста в различных образовательных сферах. *Актуальность* обращения к проблеме разработки и анализа технологии литературного квеста для абитуриентов обусловлена необходимостью использования в современной вузовской практике интерактивных методов взаимодействия университетских преподавателей и выпускников школ, являющихся потребителями образовательных услуг.

Материалы и методы. В образовательной практике учителей-словесников закрепилось понятие «литературный квест». Свой вариант определения литературного квеста дает Н. А. Колодина: «Литературный квест – жанр игры с последовательным выполнением заданий по заданному сюжету. Способствует повышению интереса к изучаемому предмету. По сути это современный вид уроков-путешествий» [9, с. 90]. Однако предложенное определение носит скорее формальный характер, поскольку не отражает потенциальных возможностей литературного квеста, обусловленных его предметным содержанием: литературный квест относится к моноквестам и в то же время является квестом межпредметным, так как при его проведении не только проявляется литературоведческий кругозор учащихся, но и актуализируются их знания по истории, культурологии, искусству, проверяются творческие навыки и уровень духовно-нравственного развития. Образовательные и воспитательные возможности художественной литературы неисчерпаемы, поэтому организаторы литературного квеста могут ставить самые разнообразные цели и решать всевозможные задачи. Важно отметить, что литературный квест может стать действенной формой профориентационной деятельности, поскольку, способствуя проявлению творческой активности школьников, формирует повышенный интерес к предмету, побуждает к расширению литературоведческих знаний, а главное – помогает в профессиональном самоопределении.

Об этом свидетельствуют результаты литературного профориентационного квеста «Крылатое слово писателя», который был проведен для абитуриентов на факультете филологии и медиакоммуникаций в Вятском государственном университете в качестве эксперимента с целью апробации квест-технологий в профессиональном ориентировании школьников. В квесте приняли участие 82 старшеклассника из восьми средних учебных заведений города Кирова и Кировской области, составившие 16 команд по 4-6 человек.

Цель и задачи квеста. Литературный профориентационный квест для старшеклассников по теме «Крылатое слово писателя» проходил в рамках профориентационной работы Вятского государственного университета и был направлен на привлечение внимания к ВятГУ будущих выпускников школ, а также на выявление старшеклассников, склонных к филологическим наукам. Квест помог определить у старшеклассников уровень развития общекультурных и профессиональных компетенций в области изучения и осмысления литературных фактов, филологического анализа и интерпретации художественных текстов. Квест-технологии

способствовали созданию интерактивной образовательной среды, в которой проверялись такие умения и навыки учащихся, как способность и готовность ориентироваться в культурологической, литературоведческой и лингвистической терминологии; использование профессиональных понятий при анализе произведений литературы и искусства; подбор необходимых аргументов и фактов для формирования суждений о литературных явлениях; выразительное чтение и творческая интерпретация фрагментов художественных произведений; написание сочинений в разных жанрах (критические высказывания, аргументированное эссе, сказка и т. д.).

Содержание квеста. Квест представляет собой соревнование команд в форме игры-путешествия, в ходе которого участники выполняют разнообразные задания по литературе. Исходя из направлений профессиональной деятельности кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения ВятГУ и с ориентацией на школьную программу были определены литературные «станции»: «Древнегреческие сюжеты и образы», «Зарубежная литература», «Русское устное народное творчество», «Русская литература XIX века», «Загадка художественного текста», «Живая классика». Задания, которые должны были выполнять участники, формулировались исходя из основных дидактических принципов доступности, научности, наглядности, сознательности и активности, связи теории с практикой. Участникам литературного квеста предлагались следующие задания на «станциях».

1. «Древнегреческие сюжеты и образы»: на этом этапе проверялось знание основных древнегреческих мифологических циклов и фразеологизмов, связанных с античными сюжетами и образами, предлагались творческие задания по осмыслению и выразительному чтению художественных текстов; в оформлении использовались произведения искусства на мифологические темы.

Пример задания: командам предлагались фразеологизмы, связанные с античной мифологией (Авгиевы конюшни, Сизифов труд, Ахиллесова пята, Яблоко раздора, Панический страх, Рог изобилия, Ящик Пандоры, Нить Ариадны, Кануть в Лету, Троянский конь). Необходимо было показать знание мифа-источника и его современное значение.

Отзыв модератора станции: «На этапе “Античная литература” ребятам надо было справиться с четырьмя заданиями. Во-первых, определить мифологический сюжет или узнать образ, связанный с античной мифологией. Многие узнали “Пана” М. Врубеля, “Похищение Европы” В. Серова, “Рождение Венеры” С. Боттичелли и др. Удивительно, что только одна команда узнала “Данаю” Рембрандта и еще интереснее, что другая команда вспомнила о длительной реставрации и ее причинах, но ничего не сказала ни о героине, ни об авторе.

Письменная часть заданий заключалась в определении значения фразеологических оборотов и античных мифов, связанных с их появлением. Кроме того, ребятам предлагалось “дописать” мораль к басням Эзопа. Это задание было, пожалуй, наиболее сложным, поскольку оценивалось соответствие оригиналу, но угадать замысел древнегреческого автора не удалось практически никому.

Заключительная часть испытаний – декламация – позволила ощутить торжественность и величавость поэтического слога древнегреческих мастеров, и многие интерпретации вызвали искренние аплодисменты».

2. «Зарубежная литература»: здесь выявлялся уровень знакомства с содержанием известных произведений зарубежной классики и понимания крылатых выражений из таких произведений, как трагедия Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта», сказка Э. Т. А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король», поэма Дж. Г. Байрона «Корсар»; учащимся предлагалось охарактеризовать байронического героя, а также разгадать английские загадки.

Примеры заданий тестового характера:

Вопрос 1. Какой персонаж русской литературы сравнивается автором с известным героем Байрона:

Как Child-Harold, угрюмый, томный

В гостиных появлялся он...

А. Александр Андреевич Чацкий

Б. Евгений Онегин

В. Илья Ильич Обломов

Вопрос 2. Какой русский поэт признавался:

Нет, я не Байрон, я другой,

Еще неведомый избранник,

Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой...

А. А. С. Пушкин

Б. М. Ю. Лермонтов

В. Ф. И. Тютчев

Вопрос 3. За что ценили русские писатели английского поэта-романтика Байрона?

А. За прославление свободы

Б. За исторические произведения

В. За пейзажную лирику

3. «Русское устное народное творчество»: участники выполняли творческие задания, связанные с проверкой знания пословиц и поговорок, понимания особенностей фольклорных жанров; школьники художественно моделировали фольклорный текст в соответствии со спецификой определенного жанра.

Примеры заданий: 1) задание на знание пословиц: «Допишите пословицы: Семь раз отмерь – ...; Беда не приходит...; Заставь дурака Богу молиться...; Нет худа...; Любишь кататься...; Кто не работает...; Знание – ...; А где щи...; Аз да буки избавят...; В глаза льстит...»; 2) творческое задание: «Придумайте и запишите волшебную сказку о школе»; при выполнении этого задания необходимо было следовать традициям русской волшебной сказки: композиционным и сюжетным, о которых участникам напоминали модераторы станции в предварительной беседе.

Отзыв модератора станции о выполнении творческого задания: «Большинство сказок, сочиненных учащимися, начинались так: “В некоторой школе (лицее), в некотором классе...” Героями сказок были простые ученики, антагонистами – учителя и даже директора школ. Было смешно, как зеленый учитель химии преображался в доброго учителя, как ленивый ученик искал средства для того, чтобы без труда выполнить домашнее задание. В сказках появлялся злой ЕГЭ, которого знаниями побеждал ученик. Все сказки заканчивались традиционно: добро, знания побеждали зло и лень».

4. «Русская литература XIX века»: на этой станции проверялось знание содержания комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», понимание крылатых фраз, звучащих в этих произведениях. К 200-летию юбилею И. С. Тургенева были подготовлены вопросы по биографии писателя, его роману «Отцы и дети» и задания, предполагающие литературоведческий анализ стихотворений в прозе.

Примеры заданий: «Кто из персонажей романа “Евгений Онегин” описан в данном отрывке?»; «Кому из героев комедии А. С. Грибоедова принадлежат эти крылатые выражения?»; Предлагались отрывки из произведений, учащиеся должны были написать ответы.

5. «Загадка художественного текста»: на данном этапе у участников возникала объективная необходимость использовать литературоведческие знания в сочетании со способами решения проблем творческого и поискового характера.

Примеры заданий: на основании сопоставления двух стихотворений («Слово» И. А. Бунина и «Мужество» А. А. Ахматовой) старшеклассники письменно формулировали ответ на вопрос: «Что говорят поэты о значении языка и слова в жизни людей»? Ответ-вывод не должен был превышать шести предложений. Далее предлагалось решение тестовых заданий по содержанию стихотворения А. Фета «Шепот, робкое дыханье...». На каждый тезис было предложено три варианта ответа. Нужно было выбрать правильный вариант и кратко аргументировать свой выбор.

6. «Живая классика»: на этой станции учащиеся инсценировали отрывки из художественных текстов, входящих в школьную программу (комедия Д. И. Фонвизина «Недоросль», комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», драма А. Н. Островского «Гроза»), при этом использовались театральные костюмы и декорации.

На каждой станции участники, в зависимости от набранного количества баллов, получали «ключи» – слово или часть крылатой фразы из известных художественных произведений. Пройдя весь маршрут, команды «открывали» путь к названию литературного произведения и имени автора, составив из полученных «ключей» крылатые фразы. В финале команды оценивались как по набранному на станциях общему количеству баллов, так и по количеству «открытых тайников»: названий художественных текстов и их авторов, чьи крылатые фразы они собрали.

В целом следует отметить, что станции и задания могут быть любимы, принципиальным является разнообразие предлагаемых заданий и соотнесенность их с тематикой квеста и школьной программой, чтобы не был нарушен принцип доступности.

Этапы подготовки и проведения литературного профориентационного квеста:

Подготовительный этап включал информирование образовательных учреждений о предстоящем событии, сбор заявок, составление списков участников, разработку заданий для каждой станции, формирование маршрутов для каждой команды, подготовку раздаточного материала и аудиторий, консультирование студентов, выразивших готовность принять участие в организации и проведении квеста. За подготовку творческих заданий отвечали преподаватели факультета филологии и медиакоммуникаций ВятГУ.

Программа квеста сообщалась участникам заранее в информационном письме, в котором перечислялись художественные произведения и определялся круг литературоведческих терминов, что давало школьникам возможность более основательно подготовиться к мероприятию.

Основной этап включал следующие моменты:

1) введение (регистрация участников, вступительное приветственное слово декана факультета, определение маршрутов для каждой команды, знакомство с правилами прохождения маршрута, критериями оценивания, системой работы с «ключами»);

2) поисковые и творческие задания, которые выполняли участники в командах согласно заданным маршрутам;

3) заключение – подведение итогов, определение победителей.

В качестве модераторов станций и проводников команд в квесте были задействованы студенты факультета филологии и медиакоммуникаций.

Рефлексивный этап предусматривал обсуждение результатов литературного квеста с участниками, брич-опрос о состоявшемся событии, подготовку и публикацию материалов на сайте университета и в газете, выходящей на факультете.

Обсуждения. Обобщая опыт проведения литературного квеста, его организаторы пришли к следующим выводам, свидетельствующим об эффективности данной формы работы.

Во-первых, мероприятие позволило выявить уровень отношений современного школьника с искусством слова, прежде всего начитанность учащихся, направленность их читательских интересов, объем историко-культурных и теоретико-литературных знаний и способность применять их в нестандартных ситуациях. Такого рода деятельность, актуализируя литературоведческие и общекультурные знания и навыки, способствует развитию дивергентного мышления школьников, а также повышает их коммуникативную активность. Квест-технологии создают интерактивную среду, расширяющую рамки образовательного пространства, которая помогает участникам реализовать интеллектуальный и творческий потенциал и в то же время осознать проблемы в данной области знания, которые необходимо восполнить, чтобы соответствовать вызовам современности. Так, на станции «Древнегреческие сюжеты и образы» проверялись общекультурные компетенции, когда участники должны были узнать мифологических персонажей, запечатленных на полотнах известных художников. Задание творческого типа – дописать мораль к басням Эзопа – выявило уровень развития нестандартного самостоятельного мышления. Еще одно творческое испытание, когда школьникам предлагалось выступить в роли древнегреческих ораторов и посоревноваться в декламации отрывков из античной классики, продемонстрировало степень развития когнитивной, эмоционально-экспрессивной и поэтической функции речи. Задание, в котором необходимо было определить значение фразеологических оборотов из произведений античности, было сформулировано таким образом, чтобы школьники осознали актуальность этих знаний, так как многие крылатые выражения встречаются в современных журналистских текстах, названиях учреждений и организаций, в рекламе и т. п. Задания, которые предлагались на станции «Загадка художественного текста», способствовали созданию условий для развития таких универсальных учебных действий, как аналитический отбор информации, сравнение и сопоставление, оформление мысли в устной и письменной форме, обоснование своей позиции и восприятие позиции другого на эмоционально-рефлексивном уровне. Ученики овладевали рядом ключевых терминов и понятий, которые относятся ко многим видам искусства: автор, художественное произведение, образ, пафос, гармония, художественный замысел, сюжет, композиция, стиль, язык искусства, совершенствовали умения самостоятельно интерпретировать лирическое произведение, оценивать его и аргументировать свои суждения указанием на конкретные художественные средства, с помощью которых автор выразил свой замысел.

Во-вторых, условия литературного квеста как коммуникативного события способствовали формированию у школьников навыков организации коллективной социально-творче-

ской деятельности, которая в предложенных обстоятельствах становится сотворчеством, рождает чувство ответственности за общий результат и ощущение работы в команде. Так, на станции «Русское устное народное творчество» было предложено задание написать волшебную сказку на предложенную тему. Участники, получив инструкцию, которая помогла им вспомнить сюжетно-композиционные особенности сказочного жанра, смогли почувствовать атмосферу творческого сотрудничества и освоить навыки коммуникационной культуры. Придуманные ими сказки отличались остроумием и выдумкой, в них нашли отражение проблемы, актуальные для самих учащихся.

В-третьих, реальным результатом литературного квеста стала активизация профориентационного самоопределения учащихся выпускных классов. Блиц-опрос, проведенный в завершение мероприятия, показал, что практически все школьники восприняли участие в квесте как положительный опыт, как способ расширения не только литературоведческих знаний, но и представлений об университетских реалиях. Это подтверждают выдержки из отзывов учеников: «это был невероятный опыт, благодаря которому я поняла, что мне нужно еще читать и читать», «меня поразили высокий профессионализм преподавателей, их было приятно слушать», «каждое творческое задание заставляло погружаться в увлекательный мир литературы, а прекрасные преподаватели факультета помогали разгадывать тайны художественного текста», «подобные квесты – это толчок к получению знаний и творческому развитию», «во время каждого этапа ты погружаешься в студенческую жизнь», «после конкурса не чувствуешь ни переживаний, ни испуга, а лишь вдохновение, благодаря которому стремление изучать тайны русского языка и литературы только увеличивается». Школьники высказали пожелание, чтобы такие мероприятия стали традицией факультета.

В-четвертых, профориентационный эффект литературного квеста проявился и в участии студентов-филологов, для которых он стал своеобразной формой педагогической практики: они не только помогли командам в навигации, но и познакомили участников с университетом, особенностями студенческой жизни, оказывали психологическую поддержку.

Результаты. Квест способствует развитию у учащихся нестандартного самостоятельного мышления, интуиции, логики, процессов анализа и синтеза, обобщения материала, сравнения и противопоставления; реализации интеллектуального и творческого потенциала. Нарботанные в процессе литературной игры навыки имеют универсальный характер (что соответствует новым требованиям ФГОС) и большое значение для будущей профессиональной деятельности учащихся.

Технология профессионально ориентированного квеста для абитуриентов предполагает трехэтапную структуру: подготовительный, основной и рефлексивный этапы; при этом основной этап также включает три этапа: подготовку к игре, выполнение заданий на «станциях» в соответствии с выданными маршрутами и подведение итогов.

При разработке образовательного квеста необходимо учитывать обязательные условия интерактивного общения. При проведении игры рекомендуется использовать многообразные формы, активные и интерактивные методы: тесты, блиц-опросы, дискуссии, тренинги, викторины, игровые задания, рисунки, видеоматериалы и другие.

Литературный квест для абитуриентов является эффективной формой профориентационной деятельности и повышения имиджа конкретной образовательной организации, так как участники игры имеют возможность ближе познакомиться с интересующей их профессией и с потенциально избираемым для дальнейшего обучения вузом. Об этом свидетельствуют многочисленные положительные отзывы учащихся, а также тот факт, что некоторые из участников квеста сейчас являются студентами факультета филологии и медиакоммуникаций Вятского государственного университета.

Привлечение студентов к подготовке и организации литературного квеста для абитуриентов является важной составляющей предложенной технологии, так как у будущих учителей литературы формируются необходимые практические навыки профессионального взаимодействия с учащимися.

Таким образом, предложенная разработчиками литературного квеста для абитуриентов технология решает одновременно несколько стратегических задач современного высшего образования: способствует повышению имиджа образовательной организации и привлечению одаренной молодежи в конкретное высшее учебное заведение, а также создает условия для формирования профессиональных компетенций у студентов, задействованных в организации и проведении квеста.

Заключение. Технология образовательного профориентационного квеста является современной и практико-ориентированной формой интеграции теоретических знаний и практических умений и навыков обучающихся, поэтому имеет широкую сферу применения. Предложенная в исследовании методика может использоваться не только в профориентационной практике филологических факультетов высших учебных заведений, но в других образовательных сферах деятельности. Преимуществом описанной технологии является творческое взаимодействие всех участников – преподавателей вуза, студентов и школьников – и личностная включенность каждого в познавательную и развивающую деятельность.

Список литературы

1. *Афанасьева Л. О.* Использование квест-технологии при проведении уроков в начальной школе / Л. О. Афанасьева, Е. А. Поречная // Школьные технологии. 2012. № 6. С. 149–159.
2. *Владыкина Е. А.* Использование веб-квеста как способа активизации учебной деятельности и формирования мировоззрения, основанного на общечеловеческих ценностях // Педагогический пере-кресток: школа-семья-общество : материалы междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : Изд-во НОУ ДПО «Экспертно-методический центр», 2016. С. 73–77.
3. *Головлева О. А.* Литературный квест как технология взаимодействия с подростками в детской библиотеке / О. А. Головлева, А. О. Чудакова // Молодой ученый. 2015. № 22–1 (102). С. 80–82. URL: <https://moluch.ru/archive/102/23174> (дата обращения: 25.05.2019).
4. *Демина И. В.* Литературный квест как способ повышения речевой культуры школьников // Русская речевая культура: теория и практика филологического образования в школе и вузе : сб. науч. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф. Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 2017. С. 164–167.
5. *Дружинина Е. В.* Образовательный квест как социокультурная практика приобщения ребенка к чтению // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 6–3. С. 32–34.
6. *Замалетдинова Л. Р.* Филологический квест: новые формы недели русского языка и литературы (2013/2014 учебный год) / Л. Р. Замалетдинова, С. И. Зорина // Открытый урок. URL: <http://festival.1september.ru/articles/648185> (дата обращения: 25.05.2019).
7. *Игумнова Е. А.* Квест-технология в контексте требований ФГОС общего образования / Е. А. Игумнова, И. В. Радецкая // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. DOI 10.17513/spno.25517. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25517> (дата обращения: 25.05.2019).
8. *Карпова В. В.* Литературный квест «На поиски зеленой палочки» (урок литературного чтения для 1-го класса) // Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах : материалы XXXV Международных Толстовских чтений. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого. С. 369–375.
9. *Колодина Н. А.* Использование ИКТ на уроках литературы: новые виды и формы проектных работ (сэлфи, литературный квест, буктрейлер, on-line-аннотация, QR-кодированная библиотека) // Образование. Наука. Карьера : сборник тезисов региональной научно-практической конференции проектных и исследовательских работ / Ассоциация педагогов Московской области, работающих с одаренными детьми. М. : Перо, 2016. С. 89–91.
10. *Курбатова О. А.* Применение квест-технологии в вузовском филологическом образовании : в 4-х ч. Ч. 3 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66). С. 198–201.
11. *Мандель Б. Р.* Интеллектуальная игра: социокультурный феномен в движении (к вопросам истории и определения сущности) // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 2. С. 62–68. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=1079> (дата обращения: 25.05.2019).
12. *Марянина Г. А.* Квесты в изучении литературных сказок в средней школе // Ребенок в современном образовательном пространстве мегаполиса : материалы IV всерос. науч.-практ. конф. М. : Перо, 2017. С. 310–315.
13. *Осяк С. А.* Образовательный квест – современная интерактивная технология / С. А. Осяк, С. С. Султанбекова, Т. В. Захарова и др. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Ч. 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20247> (дата обращения: 25.05.2019).
14. *Перцева В. Е.* Интеллектуальная литературная игра // Начальная школа плюс до и после. 2013. № 7. С. 39–41.
15. Программа развития ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» на 2016–2020 годы. М., 2016. 131 с. URL: https://www.vyatsu.ru/uploads/file/1803/programma_razvitiya_2016_2020_s_korrektivovkami_na_2017_god.pdf
16. *Сокол И. Н.* Классификация квестов // Молодой ученый. 2014. № 6 (09). С. 138–140. URL: <http://moloduyvcheny.in.ua/files/journal/2014/6/89.pdf> (дата обращения: 25.05.2019).
17. *Шагалова Е. Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М. : АСТ : Астрель, 2011. 413 с.
18. *Шукина Т. Ю.* Квест-игра в детской библиотеке // Наука и образование: новое время. 2016. № 4. С. 304–308.

Literary quest as an interactive educational technology and a form of career-oriented activities

A. G. Maslova¹, O. Yu. Polyakov², O. A. Polyakova³

¹ Doctor of Philological Sciences, associate professor,
professor of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9118-2983. E-mail: usr11021@vyatsu.ru

² Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian
and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9362-7720. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

³ PhD of Philological Sciences, associate professor
of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-7013-4141. E-mail: usr11233@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the presentation of the literary quest as an educational technology that is used by teachers of the faculty of Philological Sciences and media communications of Vyatka State University in the framework of educational and career-oriented activities. The proposed form of work is considered as an interactive form of learning and personal development, contributing to the development of metasubject skills and philological competence of students. This article provides an overview of the content of the event held at the Vyatka State University, describes the main stages of its preparation and carrying out identified instructional techniques used during its implementation; it analyzes the results of the use of the quest technology; it summarizes the experience of the literary career-oriented quest to identify its educational potential and to identify opportunities in the use in professional self-determination of schoolchildren. The results showed that the quest contributed to the development of students' non-standard independent thinking, intuition, logic, processes of analysis and synthesis, generalization of material, comparison and opposition; realization of intellectual and creative potential.

When developing an educational quest, it is necessary to take into account the mandatory conditions of interactive communication. During the game it is recommended to use various forms, active and interactive methods: tests, blitz surveys, discussions, trainings, quizzes, game and creative tasks, drawings, videos and others. The advantage of the described technology is the active creative interaction of all participants – university teachers, students and schoolchildren – and personal involvement of each in cognitive and developmental activities. The materials of the article are of practical importance for the organization of career guidance with potential applicants in secondary and higher vocational schools.

Keywords: methodology of teaching literature, competence approach, game educational technologies, integration of theory and practice in teaching literature.

References

1. Afanas'eva L. O. *Ispol'zovanie kvest-tehnologii pri provedenii urokov v nachal'noj shkole* [The use of quest technology during lessons in primary school] / L. O. Afanasyeva, E. A. Porechnaya // *Shkol'nye tekhnologii – School technologies*. 2012. No. 6. Pp. 149–159.
2. Vladykina E. A. *Ispol'zovanie veb-kvesta kak sposob aktivizatsii uchebnoj deyatel'nosti i formirovaniya mirovovzreniya, osnovannogo na obshchechelovecheskih cennostyakh* [The use of web quest as a way to enhance learning activities and the formation of a worldview based on universal values] // *Pedagogicheskij perekrestok: shkola-sem'ya-obshchestvo : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Pedagogical crossroads: school-family-society : materials of Intern. scientific and pract. conf. Cheboksary. Non-commercial Educational Establishment of Additional Professional Education "Expert-methodical center"*. 2016. Pp. 73–77.
3. Golovleva O. A. *Literaturnyj kvest kak tekhnologiya vzaimodejstviya s podrostkami v detskoj biblioteke* [Literary quest as a technology of interaction with teenagers in the children's library] / O. A. Golovleva, A. O. Chudakova // *Molodoj uchenyj – Young scientist*. 2015. No. 22-1 (102). Pp. 80–82. Available at: <https://moluch.ru/archive/102/23174> (date accessed: 25.05.2019).
4. Demina I. V. *Literaturnyj kvest kak sposob povysheniya rechevoj kul'tury shkol'nikov* [Literary quest as a way to improve the speech culture of students] // *Russkaya rechevaya kul'tura: teoriya i praktika filologicheskogo obrazovaniya v shkole i vuze : sb. nauch. st. po materialam vseros. nauch.-prakt. konf. – Russian speech culture: theory and practice of philological education at school and university : collection of scientific works. On materials of all-Russia scientific and pract. conf. Ivanovo. Ivanovo State University*. 2017. Pp. 164–167.
5. Druzhinina E. V. *Obrazovatel'nyj kvest kak sociokul'turnaya praktika priobshcheniya rebenka k chteniyu* [Educational quest as a socio-cultural practice of introducing a child to reading] // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk – Actual problems of Humanities and natural sciences*. 2016. No. 6-3. Pp. 32–34.
6. Zamaletdinova L. R. *Filologicheskij kvest: novye formy nedeli russkogo yazyka i literatury (2013/2014 uchebnyj god)* [Philological quest: new forms of the week of Russian language and literature

(2013/2014 academic year)] / L. R. Zamaletdinova, S. I. Zorina // *Otkrytyj urok – Open lesson*. Available at: <http://festival.1september.ru/articles/648185> (date accessed: 25.05.2019).

7. Igumnova E. A. *Kvest-tehnologiya v kontekste trebovanij FGOS obshchego obrazovaniya* [Quest-technology in the context of the requirements of the Federal Standard of general education / E. A. Igumnova, I. V. Radetskaya // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 2016, No. 6. DOI 10.17513/spno.25517. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25517> (date accessed: 25.05.2019).

8. Karpova V. V. *Literaturnyj kvest "Na poiski zelenoj palochki" (urok literaturnogo chteniya dlya 1-go klassa)* [Literary quest "In search of the green wand" (lesson of literary reading for the 1st grade) // *Duhovnoe nasledie L. N. Tolstogo v sovremennykh kul'turnykh diskursah : materialy XXXV Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenij – Spiritual heritage of L. N. Tolstoy in modern cultural discourses : materials of the XXXV International Tolstoy readings*. TSPU n.a. L. N. Tolstoy. Pp. 369–375.

9. Kolodina N. A. *Ispol'zovanie IKT na urokah literatury: novye vidy i formy proektnykh rabot (selfi, literaturnyj kvest, buktrejler, on-line-annotaciya, QR-kodirovannaya biblioteka)* [The use of ICT at literature lessons: new types and forms of project work (selfie, literary quest, book trailer, on-line annotation, QR-coded library) // *Obrazovanie. Nauka. Kar'era : sbornik tezisev regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii proektnykh i issledovatel'skikh rabot. Associaciya pedagogov Moskovskoj oblasti, rabotayushchih s odarennyimi det'mi – Education. Science. Career: collection of thesis of the regional scientific-practical conference of design and research works. Association of teachers of the Moscow region, working with gifted children*. M. Pero. 2016. Pp. 89–91.

10. Kurbatova O. A. *Primenenie kvest-tehnologii v vuzovskom filologicheskom obrazovanii* [Application of quest technologies in higher philological education] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2016, No. 12 (66). In 4 parts, part 3. Pp. 198–201.

11. Mandel' B. R. *Intellektual'naya igra: sociokul'turnyj fenomen v dvizhenii (k voprosam istorii i opredelenii sushchnosti)* [Intellectual game: sociocultural phenomenon in motion (to the questions of history and definition of essence)] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 2009. No. 2. Pp. 62–68. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=1079> (date accessed: 25.05.2019).

12. Maryanina G. A. *Kvesty v izuchenii literaturnykh skazok v srednej shkole* [Quests in the study of literary fairy tales in high school] // *Rebenok v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve megapolisa : materialy IV vseros. nauch.-prakt. konf. – Child in the modern educational space of the metropolis : materials of the IV all-Russia scientific and pract. conf*. M. Pero. 2017. Pp. 310–315.

13. Osyak S. A. *Obrazovatel'nyj kvest – sovremennaya interaktivnaya tekhnologiya* [Educational quest is a modern interactive technology] / S. A. Osyak, S. S. Sultanbekova, T. V. Zakharova, etc. // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 2015. No. 1. Part 2. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20247> (date accessed: 25.05.2019).

14. Perceva V. E. *Intellektual'naya literaturnaya igra* [Intellectual literary game] // *Nachal'naya shkola plus do i posle – Elementary school plus before and after*. 2013. No. 7. Pp. 39–41.

15. *Programma razvitiya FGBOU VO "Vyatskij gosudarstvennyj universitet" na 2016–2020 gody* – Development program of Vyatka State University for 2016–2020. M. 2016. 131 p. Available at: https://www.vyatsu.ru/uploads/file/1803/programma_razvitiya_2016_2020_s_korrektirovkami_na_2017_god.pdf.

16. Sokol I. N. *Klassifikaciya kvestov* [The classification of quests] // *Molodij vchenij – Young scientist*. 2014. No. 6 (09). Pp. 138–140. Available at: <http://molodyvcheny.in.ua/files/journal/2014/6/89.pdf> (date accessed: 25.05.2019).

17. Shagalova E. N. *Samyj noveshij tolkovyj slovar' russkogo yazyka XXI veka* [The newest dictionary of the Russian language of the XXI century]. M. AST: Astrel. 2011. 413 p.

18. Shchukina T. Yu. *Kvest-igra v detskoj biblioteke* [Quest is a game in children's library] // *Nauka i obrazovanie: novoe vremya – Science and education: new time*. 2016. No. 4. Pp. 304–308.

Кризис идентичности молодежи и становление Гражданина

О. А. Коряковцева¹, Т. В. Бугайчук²

¹доктор политических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, директор Института развития кадрового потенциала, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Россия, г. Ярославль. E-mail: youth1@mail.ru

²кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Россия, г. Ярославль. E-mail: mischenko@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме кризиса личностных и социальных идентичностей как значимых компонентов «экзистенциального кризиса» в условиях общественной трансформации. Опираясь на идеи экзистенциальной феноменологии, авторы выявляют причины утраты традиционного для России идентификационного единства.

В исторические периоды экономической и общественной неустойчивости значительно возрастает роль молодежи, априори готовой к инновационной (и даже революционной) деятельности. Следовательно, в такой ситуации как никогда остро встает вопрос о становлении и развитии гражданской идентичности молодых россиян.

На основе результатов опроса активистов молодежной общественной палаты Ярославской области в статье рассматривается специфика гражданской идентичности современной молодежи.

В итоге психосемантического исследования «Изучение гражданской идентичности студенческой молодежи» становится очевидной актуальность проблемы разработки и выбора технологий и моделей формирования новой идентичности российской молодежи и воспитания Гражданина. Прежде всего это обусловлено нестабильностью современной общественной ситуации в мире, ее динамикой, что крайне осложняет и так непростой процесс самоидентификации и социализации молодежи.

Результаты исследования убеждают, что лидеры молодежного движения не видят перспектив роста гражданственности у молодых граждан России, а значит, не осознают своей роли в этом процессе. Следовательно, их социальная активность направлена не на выполнение гражданского долга по воспитанию подрастающего поколения, а на достижение карьеры и повышение собственного статуса. Безусловно, подобные выводы вызывают множество вопросов и определяют актуальность проблемы становления гражданской позиции и гражданской идентичности. В статье предлагается ряд апробированных эффективных технологий, способствующих социально-политической субъективизации личности: от поддержки молодежных инициатив до реализации молодежью конкретных проектов развития поселка, города, региона и развития патриотических чувств.

Ключевые слова: кризис идентичности, гражданская идентичность молодежи, феноменологический подход, психосемантическое исследование.

Введение. Всемирная глобализация сопровождается игнорированием многих традиционных духовных и общественных ценностей, что оказывает значительное воздействие на идентичность современного человека.

Дефиниция «идентичность», ставшая сегодня особенно значимой в процессе осмысления социокультурных изменений, несмотря на большое количество научных исследований, остается одним из самых многозначных и сложных понятий. В зависимости от того, в какой области человеческого знания используется термин «идентичность», он приобретает свое значение и смысл. По мнению социального философа А. Этциони, XX век – это век идеологической борьбы в мире, а общественное развитие в XXI веке будет определяться вызовами идентичности [6; 22]:

– кризисом индивидуальных и коллективных идентичностей;

– появлением «размытой» идентичности полиидентичности.

Трансформация цивилизационной российской идентичности в связи с кризисом советской идеологии и культуры актуализирует различные возможные векторы ее развития. А. С. Панарин считает, что «главный кризис современной России – это кризис не социальный и не экономический, а кризис идентичности. Именно этот кризис препятствует “вызреванию” в обществе и в недрах политической элиты общенациональной Идеи и образованию субъектов национальных интересов» [18].

Кризис идентичности рассматривается в отечественной научной литературе как самое значительное последствие «развала» советского государства и как причина социально-психологической «травмы» большинства граждан. Например, А. Эткинд [23] и И. С. Кон [10] в своих трудах подчеркивают психологическую остроту утраты как личной, так и коллективной идентичности, переживание россиянами жестокого «экзистенциального» кризиса. Но подобная ситуация характерна не только для России.

Современное мировое сообщество нестабильно: рушатся, казалось бы, утвердившаяся система либерально-демократических ценностей, стереотипы мышления, мораль как принятые обществом правила поведения, идеологические основы. Становящаяся личность вынуждена проходить сложный процесс самоопределения и социализации в период «кризиса идентификации». Вот почему перед исследователями возникает вопрос об изучении, выборе и разработке технологий, моделей формирования новой идентичности и, в первую очередь, новой идентичности молодежи, что имеет стратегическое значение для будущего любой страны.

Материалы и методы исследования. Исследования в сфере идентификаций подтверждают, что социальные идентичности (в том числе гражданская) обусловлены способностями личности к самостоятельному осмыслению существования и успешной социализации.

В исторические периоды общественно-экономических трансформаций для массового сознания характерны не только кризис идентичности, но и смена социальных стереотипов и системы ценностей, что, безусловно, требует глубокого социально-психологического анализа. Российские психологи ведут исследования по всем трем направлениям, уделяя особое внимание кризису системы идентификаций. Так, Н. М. Лебедева [16] убеждена, что глобальные общественно-экономические изменения в России порождают серьезные изменения социальных категорий, которые становятся основой обновления идентификационных процессов личности.

Изменения претерпели не только социальные категории, но и направленность, цели, сама суть самоидентификации. Базовые ценности населения перестают быть однообразными, а значит, способствуют постепенному движению общества от коллективизма к индивидуализму, от потребности самоощущения к потребности смысла.

С. Г. Климова, изучая кризис идентичности, пришла к выводу, что в меняющемся обществе люди освобождаются от прежней идентичности, они вынуждены заниматься самоидентификацией: сопоставлять, выбирать, создавать новые общности, ориентируясь на совпадение личных ценностей с предлагаемыми тем или иным сообществом. Индивид признает общество «своим» не только потому, что он разделяет его цели, но и потому, что способы их достижения для него морально приемлемы. В самом общем смысле цель самоидентификации человека в окружающей его реальности – это поиск ответа на вопрос «кто Я такой?» [9].

В работах ряда исследователей, опирающихся на зарубежный и отечественный опыт, отмечается, что отказ человека от постоянной идентификации – тоже своего рода осознанный выбор. Современный человек в отличие от человека традиционного общества, привязанного к определенной культуре и традиции, не останавливается на месте и избегает любой фиксации. Идентичность современного человека можно определить как «здесь-и-сейчас-идентичность» [8; 20].

В связи с общественной нестабильностью и динамичностью личности требуются системные научные изыскания в сфере ценностных ориентаций, жизненных приоритетов, профессиональных предпочтений современной молодежи, проблем ее социализации. Говоря о реальной модернизации, успех общественно-экономической трансформации во многом предопределен активным участием молодых граждан. Воспитание Гражданина – вот главное условие динамичного развития гражданского общества в любой стране.

Деятельность в направлении становления и развития гражданской идентичности подрастающего поколения является «локомотивом» социальных реформ в России.

Процесс социально-экономических преобразований, его отрицательные факторы оказывают негативно-индивидуалистическое воздействие на осознание молодежью своей граж-

данской миссии, хотя традиционное для России поликультурное общество требует от своих членов ответственности, коммуникабельности и толерантности. Сложность формирования гражданской идентичности молодых россиян заключается в необходимости, с одной стороны, обеспечить целостность и интегративность самосознания личности на основе общих нравственных ценностей, а с другой стороны, обеспечить возможность самовыражения в связи с множественностью социальных норм и правил.

Исследователи современного российского общества отмечают противоречивость гражданского самосознания, недостаточный уровень общегражданской идентичности, восприятия самого себя как Гражданина страны, достойной уважения, иначе говоря, граждан, идентичность которых часто носит формальный характер [15].

С целью выявления особенностей гражданской идентичности молодых ярославцев лабораторией «Изучение гражданской идентичности студенческой молодежи: сущность, условия развития, перспективы» Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского было проведено исследование среди участников проекта «Молодежная общественная палата Ярославской области». Для исследования гражданской идентичности молодежных лидеров применялся психосемантический метод.

Апробация проводилась на основе ряда характеристик гражданской идентичности, выделенных и систематизированных нами по схеме: «знание + действие» в ходе анализа литературы по проблеме:

- знание и принятие законов общества, умения практического применения законов;
- желание и готовность принимать участие в общественно-политической жизни страны, города, поселка;
- наличие собственной гражданской позиции, готовность противостоять антиобщественным действиям;
- знание истории России, уважение ее целостности, патриотизм;
- знания о народах России, уважение к их культуре, толерантность;
- ответственность за свою страну, свой выбор и свои действия;
- принятие ценности другой личности, семьи, многонационального российского общества и мирового сообщества.

Каждое качество оценивалось по шестибалльной системе: от нуля до пяти баллов:

- «0» – отсутствие данного качества;
- «5» – максимальная выраженность качества.

Результаты исследования представлены в форме диаграмм как субъективных семантических пространств на основе факторного анализа.

Результаты исследования. На рисунке 1 показано сравнение качеств идентичности «идеального Гражданина» и «типичного Гражданина» Российской Федерации.

Все участники выборки показали, что их представления об «идеальном Гражданине» далеко от «типичного Гражданина».

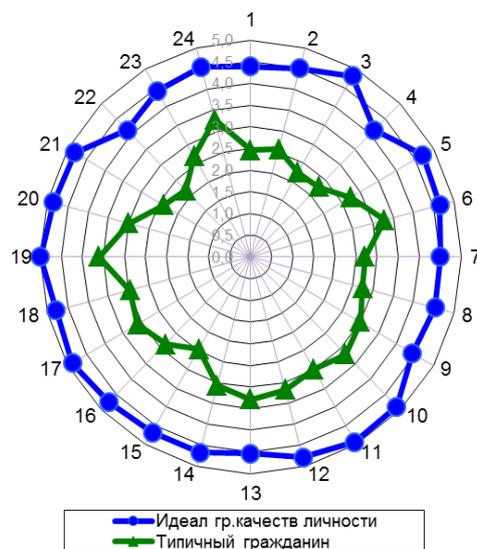

Рис. 1. Соотношение представлений молодых активистов об «идеальном Гражданине» и «типичном Гражданине» РФ

Но вместе с тем молодежные лидеры определяют собственные гражданские качества выше, чем у «типичных Граждан», стремясь к качествам «идеального Гражданина» России. Это, несомненно, обусловлено их активной общественной деятельностью и лидерством в различных социальных проектах.

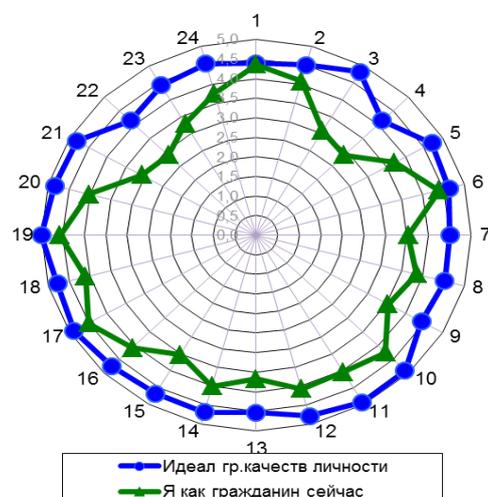

Рис. 2. Соотношение представлений молодых активистов о себе как о гражданине сейчас и об «идеальном Гражданине»

Участники исследования полагают, что:

- современная молодежь в целом далека от «идеального Гражданина»;
- они сами близки к «идеальному Гражданину» России.

Таким образом, оценивая остальную молодежь, они принижают ее гражданскую значимость, и можно сделать вывод о развитии «кастового» снобизма среди молодежных активистов.

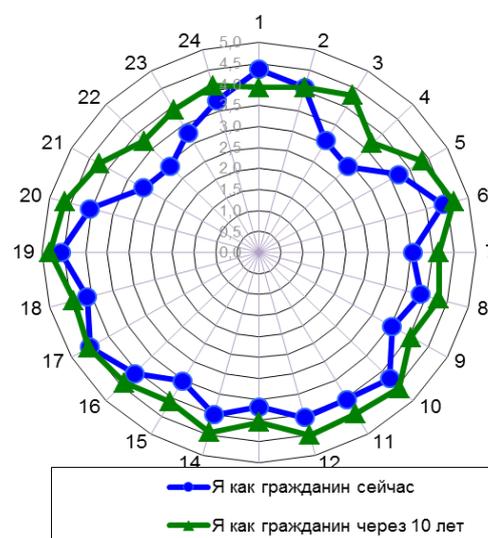

Рис. 3. Соотношение представлений молодых активистов о себе как о гражданине сейчас и через 10 лет

Перспектива развития гражданственности через десять лет (рис. 3):

- молодые активисты свою гражданскую позицию через 10 лет видят неизменной;
- молодые активисты полагают, что их «готовность участвовать в общественно-политической жизни страны» снизится.

Можно сделать вывод о том, что активность опрошенной молодежи сегодня определяется необходимостью карьерного роста и достижения общественного статуса. А через 10 лет их активность уже будет неактуальна, так как жизнь «уже удалась!». Хотя, по нашему мнению, это самый продуктивный социальный возраст.

Итак, члены Ярославской молодежной общественной палаты, несмотря на то, что они лидеры молодежного движения, считают свою деятельность по воспитанию гражданственно-

сти у будущих поколений лишеной всякого смысла, так как они не предполагают успешной социализации подрастающего поколения.

Тогда возникает вопрос: зачем они участвуют в этой деятельности?

Обсуждение и заключение. В качестве инструментария выявления и понимания сути гражданственности сегодня становится экзистенциальная феноменология, в основе которой положено представление о социальной коммуникации как о субъективно осознанной, а взаимодействие людей понимается как базис идентичности.

Формирование социальной идентичности молодежи и, прежде всего, гражданской идентичности – сложный, многоаспектный и противоречивый процесс, анализ которого требует учета множества факторов.

Концепцию формирования идентичности мы предлагаем основывать на идеях Н. А. Бердяева, который считал, что духовная сущность личности определяет «активность ее действий» [2; 3]. Именно на этих постулатах мы предлагаем выстраивать концепцию формирования идентичности. Активное деятельностное отношение человека к миру, то есть общественно-историческая практика, требует в первую очередь формирования у молодежи активности духа, иначе субъективный фактор в истории не сработает. В рамках феноменологического подхода мы считаем, что общество развивается усилиями субъектов, но в процессе социальной деятельности меняется и сам Человек. Активизация гражданской ответственности настоятельно требует такой социальной практики в пространстве региона, где молодежь проявляла бы свои лучшие гражданские качества, так как без этого невозможно становление Гражданина.

В предыдущих наших работах были определены наиболее результативные формы гражданской активизации:

- молодежный парламентаризм;
- развитие самоуправления;
- поддержка молодежных инициатив, особенно в ходе реализации проектов местного характера, то есть всего того, что служит развитию региона.

А для этого, безусловно, требуется развитие гражданского образования молодежи с обязательным сопровождением компетентными специалистами сферы молодежной политики [17]. Если молодым приходится «себя искать», то в этом им призваны помочь общество и государство.

Политическое руководство страны в течение всего постсоветского периода делало некоторые шаги по развитию общегражданского сознания. Например, на уровне средней школы воспитание патриотизма и формирование гражданской идентичности школьников представляет одно из приоритетных направлений государственной образовательной политики.

Можно отметить следующие документы, где на этом сделан акцент:

- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.;
- Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»;
- Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы»;
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ;
- Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования;
- Федеральные государственные образовательные стандарты.

Отметим, что на данный момент эффект от практической реализации положений указанных документов пока отдален во времени и судить о нем сложно.

Огромное значение для становления гражданственности и развития патриотизма молодежи имеет наличие общих предметов национальной гордости. Также очевидно, что для современной России становление гражданской идентичности происходит в поликультурной и мультиэтнической среде с интенсификацией потоков миграции, тотальным этническим самоопределением.

Итак, общая трансформация современного общества порождает кризис идентичности, это подчеркивается большинством современных исследователей.

В настоящее время на «идентичность» не влияют ни традиция, ни социальный статус, ни место, где живет человек. Она выбирается каждым человеком самостоятельно.

В условиях глобализации идентификационное пространство становится значительно шире, чем пределы отдельного государства. Процессы трансформации идентичности характеризуются: пересмотром основ социальной идентичности (особенно в гражданском и профессиональном аспектах); появлением новых объектов идентификации; новых форм идентичности и ее формирования. Кризис идентичности связан с потерей или, лучше сказать, с утратой некоторых важнейших элементов этой сложной системы ценностей, чувств, правил, традиций и т. д. Следовательно, формирование идентичности молодежи необходимо рассматривать в плоскости восстановления, возвращения ее лучших черт. Но при этом мы должны отдавать себе отчет в том, что во многом новая форма идентичности будет не совпадать с прежней.

Анализ результатов исследования убеждает в необходимости создания государственно-общественной системы идентификации и социализации подрастающего поколения с обязательным привлечением ведущих ученых в этой сфере.

Понимание значимости развития гражданской активности для динамичного развития не только России, но и мирового сообщества возрастает в условиях общественных бифуркаций.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рассмотренные в статье факторы, несомненно, свидетельствуют об острой необходимости выработки оптимальной модели идентичности человека, особенно детей и молодежи в современной России.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М. : Изд-во МГУ, 1988. 429 с.
2. Бердяев Н. А. Мое философское мирозерцание // Н. А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Ч. 1. 403 с.
3. Бердяев Н. А. Творчество и свобода. Индивидуализм и универсализм / Н. А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусств : в 2 т. Т. 1. М. : Искусство, 1994. С. 353.
4. Бугайчук Т. В., Доссэ Т. Г. Идентичность как объект исследования социальных наук // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 2. № 3. С. 212–217.
5. Гуссерль Э. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2005. 465 с.
6. Иванишкина Ю. В. Коммуитаризм Амитаея Этциони: некоторые аспекты теории «всеобщего блага» // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия «История и политология». 2014. № 2. С. 68–75.
7. Иванова Н. Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 52–60.
8. Иванова С. Ю., Аракелян Э. А. Становление гражданской идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов н/Д, 2007. С. 76–95.
9. Климова С. Г. Социальная идентификация в условиях общественных перемен // Человек. 1995. № 3. С. 26–35.
10. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М. : Прогресс, 1990. 367 с.
11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства России от 17 ноября 2008 года № 1662-р). URL: <http://минобрнауки.рф/документы/4717/файл/3617/2.%20концепция%201662-p.doc>
12. Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В. Воспитание современной молодежи: формирование гражданской идентичности // Современные концепции профессионального образования студенческой молодежи : коллективная монография. Ульяновск, 2015. С. 244–256.
13. Коряковцева О. А., Доссэ Т. Г. Феноменологический подход к формированию гражданской идентичности российской молодежи // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 29–35.
14. Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В. Молодежь России: кризис гражданской идентичности // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 1. С. 140–150.
15. Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В. Развитие гражданского самосознания молодежи: от «активности духа» к «активности действий» // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 27–32.
16. Лебедева Н. М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48–58.
17. Молодежь России: феноменология гражданственности : коллективная монография / под науч. ред. О. А. Коряковцевой. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2014. 162 с.
18. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М. : Алгоритм, 2003.
19. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы. Государственная программа (утв. Распоряжением Правительства РФ № 1493 от 30 декабря 2015 г.). URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkJ1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>
20. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3. С. 56.
21. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004. 1056 с.
22. Этциони А. От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. М. : Ладомир, 2004. 384 с.

23. Etkind A. M. Psychological Culture // Russian Culture at the Crossroad / Ed. D. Shalin. Boulder : Westview Press, 1996. 127 p.

24. Koryakovtseva O. A., Ermakova L. I., Bugaychuk T. V., Upeniece I. Formation of young people's civil identity: technological approach // 3d the International Scientific-Practical Conference on the Humanities and the Natural Science 23–29 December 2015. L., 2016. Pp. 129–139.

The identity crisis of youth and the formation of a Citizen

O. A. Koryakovtseva¹, T. V. Bugaychuk²

¹Doctor of Political Sciences, PhD of Pedagogical Sciences, professor at the Department of social pedagogy and organization of work with young people, Director of the Institute of human resources development, Yaroslavl State Pedagogical University. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: youth1@mail.ru

²PhD of Psychological Sciences, associate professor at the Department of general and social psychology, Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: mischenko@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the crisis of personal and social identities as significant components of the "existential crisis" in the conditions of social transformation. Based on the ideas of existential phenomenology, the authors identify the reasons for the loss of traditional Russian identity unity.

In historical periods of economic and social instability increases the role of young people significantly, a priori ready for innovation (and even revolutionary) activities. Therefore, in such a situation, the question of the formation and development of the civil identity of young Russians is more acute than ever.

Based on the results of a survey of activists of the youth public chamber of the Yaroslavl region, the article discusses the specifics of the civic identity of modern youth.

As a result of psychosemantic research "Study of civil identity of students" the urgency of the problem of development and choice of technologies and models of formation of new identity of the Russian youth and education of the citizen becomes obvious. First of all, this is due to the instability of the current social situation in the world, its dynamics, which is extremely complicated and so difficult process of self-identification and socialization of young people.

The results of the study assure that the leaders of the youth movement do not see the prospects for the growth of citizenship among young citizens of Russia, and therefore do not realize their role in this process. Consequently, their social activity is not aimed at fulfilling the civic duty to educate the younger generation, but at achieving a career and improving their own status. Of course, such conclusions raise many questions and determine the relevance of the problem of the formation of citizenship and civic identity. The article proposes a number of proven effective technologies that contribute to the socio-political subjectivization of the individual: from the support of youth initiatives to the implementation of youth specific projects for the development of the village, city, region and the development of patriotic feelings.

Keywords: crisis of identity, civil identity of youth, phenomenological approach, psychosemantic research.

References

1. Andreeva G. M. *Social'naya psihologiya* [Social psychology]. M. Moscow State University Publ. 1988. 429 p.
2. Berdyaev N. A. *Moe filozofskoe mirosozercanie* [My philosophical outlook] // N. A. Berdyaev o russkoj filosofii – N. A. Berdyaev about Russian philosophy. Sverdlovsk. 1991. Part 1. 403 p.
3. Berdyaev N. A. *Tvorchestvo i svoboda. Individualizm i universalizm* [Creativity and freedom. Individualism and universalism] / N. A. Berdyaev. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstv: v 2 t. T. 1.* [Philosophy of creativity, arts and culture: in 2 vol. Vol. 1]. M. Iskusstvo. 1994. P. 353.
4. Bugajchuk T. V., Dosse T. G. *Identichnost' kak ob'ekt issledovaniya social'nyh nauk* [Identity as an object of research of social sciences] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl Pedagogical Herald. 2013. Vol. 2. No. 3. Pp. 212–217.
5. Husserl E. *Izbrannye raboty* [Selected works]. M. Territory of the future. 2005. 465 p.
6. Ivanishkina Yu. V. *Kommunitarizm Amitaya Etcioni: nekotorye aspekty teorii "vseobshchego blaga"* [Communitarianism of Amitai Etzioni: some aspects of the theory of "the common good"] // *Vestnik MGGU im. M. A. Sholohova* – Herald of MSGU n.a. M. A. Sholokhov. Series "History and political science". 2014. No. 2. Pp. 68–75.
7. Ivanova N. L. *Struktura social'noj identichnosti lichnosti: problema analiza* [Structure of social identity: the problem of analysis] // *Psihologicheskij zhurnal* – Psychological journal. 2004. Vol. 25. No. 1. Pp. 52–60.
8. Ivanova S. Yu., Arakelyan E. A. *Stanovlenie grazhdanskoj identichnosti v polietnicheskom sociume* [Formation of civil identity in a multiethnic society] // *Vektor identichnosti na postsovetском prostranstve* – Identity vector in the post-Soviet space. Rostov-on-don. 2007. Pp. 76–95.
9. Klimova S. G. *Social'naya identifikaciya v usloviyah obshchestvennyh peremen* [Social identification in the conditions of social change] // *Chelovek* – A man. 1995. No. 3. Pp. 26–35.

10. Kon I. S. *V poiskah sebya: Lichnost' i ee samosoznanie* [In search of themselves: Personality and its identity]. M. Progress. 1990. 367 p.
11. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020 (app. The order of the Government of Russia of November 17, 2008. No. 1662-p). Available at: <http://минобрнауки.рф/документы/4717/файл/3617/2.%20концепция%201662-р.doc>. (in Russ.)
12. Koryakovceva O. A., Bugajchuk T. V. *Vospitanie sovremennoj molodezhi: formirovanie grazhdanskoj identichnosti* [Education of modern youth: formation of civil identity] // *Sovremennye koncepcii professional'nogo obrazovaniya studencheskoj molodezhi : kollektivnaya monografiya* – Modern concepts of professional education of students : collective monograph. Ulyanovsk. 2015. Pp. 244–256.
13. Koryakovceva O. A., Dosse T. G. *Fenomenologicheskij podhod k formirovaniyu grazhdanskoj identichnosti Rossijskoj molodezhi* [Phenomenological approach to the formation of civil identity of Russian youth] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl Pedagogical Herald. 2016. No. 6. Pp. 29–35.
14. Koryakovceva O. A., Bugajchuk T. V. *Molodezh' Rossii: krizis grazhdanskoj identichnosti* [Youth of Russia: crisis of civil identity] // *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* – Locus: people, society, cultures, meanings. 2018. No. 1. Pp. 140–150.
15. Koryakovceva O. A., Bugajchuk T. V. *Razvitie grazhdanskogo samosoznaniya molodezhi: ot "aktivnosti duha" k "aktivnosti dejstvij"* [Development of civil consciousness of youth: from "activity of spirit" to "activity of actions"] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl Pedagogical Herald. 2016. No. 5. Pp. 27–32.
16. Lebedeva N. M. *Social'naya identichnost' na postsovetskom prostranstve: ot poiskov samouvazheniya k poiskam smysla* [Social identity in the post-Soviet space: from the search for self-esteem to the search for meaning] // *Psihologicheskij zhurnal* – Psychological journal. 1999. Vol. 20. No. 3. Pp. 48–58.
17. *Molodezh' Rossii: fenomenologiya grazhdanstvennosti : kollektivnaya monografiya* – Youth of Russia: phenomenology of citizenship : collective monograph / under scientific ed. O. A. Koryakovtseva. Yaroslavl. YaS-PU. 2014. 162 p.
18. Panarin A. S. *Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke* [Strategic instability in the twenty-first century]. M. Algorithm. 2003.
19. Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020. State program (app. The order of the Government of the Russian Federation No. 1493 of December 30, 2015). Available at: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>. (in Russ.)
20. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Pantin V. I. *Identichnost' v sisteme koordinat mirovogo razvitiya* [Identity in the coordinate system of world development] // *Polis* – Polis. 2010. No. 3. P. 56.
21. Shchyuc A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchijsya smyslom* [Favorites: World, glowing with sense]. M. ROSSPEN. 2004. 1056 p.
22. Etcioni A. *Ot imperii k soobshchestvu. Novyj podhod k mezhdunarodnym otnosheniyam* [From Empire to community. A new approach to international relations]. M. Ladomir. 2004. 384 p.
23. Etkind A. M. *Psychological Culture* // *Russian Culture at the Crossroad* / Ed. D. Shalin. Boulder. Westview Press. 1996. 127 p.
24. Koryakovtseva O. A., Ermakova L. I., Bugajchuk T. V., Upeniece I. *Formation of young people's civil identity: technological approach* // 3d the International Scientific-Practical Conference on the Humanities and the Natural Science 23–29 December 2015. L. 2016. Pp. 129–139.

Психическая саморегуляция студентов в трудных жизненных ситуациях*

Е. И. Перикова¹, В. М. Бызова², А. Е. Ловягина³

¹кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории поведенческой нейродинамики, Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург.
ORCID: 0000-0001-9156-9603. E-mail: chikurovaEI@gmail.com

²доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург.
ORCID: 0000-0001-6362-7714. E-mail: vbysova@mail.ru

³кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Санкт-Петербургский государственный университет. Россия, г. Санкт-Петербург.
ORCID: 0000-0001-6120-1808. E-mail: lovagina2@mail.ru

Аннотация. Существует большой объем научной и научно-популярной литературы по проблеме психической саморегуляции, однако остаются малоизученными используемые молодыми людьми приемы саморегуляции в трудных жизненных ситуациях. В статье приведены данные эмпирического исследования приемов психической саморегуляции, используемых студентами в трудных жизненных ситуациях на примере выбора вуза и адаптации к нему в первые годы обучения. В исследовании приняли участие 111 студентов второго курса Санкт-Петербургского государственного университета в возрасте 19±1,4 года. В качестве методик исследования использованы опросники: «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой, «Самоорганизация деятельности» Е. Ю. Мандриковой; методика Н. Холла на определение уровня эмоционального интеллекта, анкета приемов саморегуляции А. Е. Ловягиной для оценки осведомленности о приемах саморегуляции, опыте использования и эффективности. Выявлены наиболее используемые приемы саморегуляции, которые оценивались как эффективные: физические упражнения, самоанализ и самоубеждение. Кластерный анализ позволил выделить группы респондентов, предпочитающих разные приемы саморегуляции в соответствии с личностными характеристиками. Определены группы приемов саморегуляции, которые используются совместно, дополняя друг друга: самовнушение и самоубеждение; релаксация и самоанализ; дыхательные упражнения и медитация; физические упражнения, аутогенная тренировка и психорегулирующая тренировка. Исследование показало, что оценки осведомленности, опыта использования и эффективности приемов психической саморегуляции были согласованы между собой. Респонденты использовали известные им приемы саморегуляции и их же оценивали в качестве эффективных. Выявлено, что выбор приемов саморегуляции связан с уровнем эмоционального интеллекта и стилями саморегуляции поведения.

Ключевые слова: приемы саморегуляции, стили саморегуляции поведения, эмоциональный интеллект, самоорганизация деятельности, трудные жизненные ситуации.

Введение. В современной науке понятие «саморегуляция» определяется как «универсальный принцип активности живых и квазиживых систем, направляемых целями или другими высшими критериями желательного» [10, с. 19]. Саморегуляция рассматривается как механизм целесообразной коррекции активности в движении от менее благоприятных к более благоприятным результатам [10].

В отечественной и зарубежной психологии феномен психической саморегуляции рассматривается в разных аспектах: как средство организации и реализации деятельности [8; 9; 13; 15; 19] в качестве приемов оптимизации психических состояний тревоги, стресса, утомления [1; 5; 17; 22]; как фактор развития личности [12; 16; 21; 23].

В научной литературе и в культурной традиции разных народов описано множество приемов саморегуляции, позволяющих оптимизировать состояние субъекта в трудных жизненных ситуациях. Систематическое применение различных способов саморегуляции позволяет нормализовать эмоционально-энергетические характеристики психики, в частности, закрепить преимущественно позитивные психические состояния. Авторы отмечают необходимость индивидуального подхода в выборе приемов саморегуляции и характере использования, причем, «выбрав приемлемый вид саморегуляции, важно придерживаться в

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ №18-013-00256а.
© Перикова Е. И., Бызова В. М., Ловягина А. Е., 2019

дальнейшем одного неперемного условия – постоянства и регулярности в овладении приемами» [14, с. 93]. В работах отечественных авторов подчеркивается системный подход, в котором личность и деятельность саморегуляции изучаются в единстве с выделением наиболее интегральных уровней во взаимодействии с другими личностными характеристиками [2; 5].

При большом объеме доступной научной и научно-популярной литературы по проблеме методов саморегуляции остаются малоизученными используемые молодыми людьми приемы саморегуляции в трудных жизненных ситуациях. В связи с этим цель нашего исследования заключалась в описании практикуемых приемов саморегуляции среди студенческой молодежи и самооценка их эффективности. Трудные жизненные ситуации рассматривались на примере выбора учебного заведения и адаптации в первые годы обучения в вузе.

Гипотезы исследования: 1. Существует согласованность между наиболее известными, используемыми и эффективными приемами саморегуляции. 2. Приемы саморегуляции связаны с личностными характеристиками респондентов.

Выборку составили 111 студентов второго курса факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета (18% юношей и 82% девушек) в возрасте $19 \pm 1,4$ года.

Методы. Исследование осуществлялось в два этапа. На первом этапе оценивались личностные характеристики студентов с использованием опросников: «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой [12], «Самоорганизация деятельности» Е. Ю. Мандриковой [11]; методика Н. Холла на определение уровня эмоционального интеллекта [6].

На втором этапе предлагалась «Анкета приемов саморегуляции» А. Е. Ловягиной, включающая такие приемы, как самовнушение, самоубеждение, дыхательные упражнения, аутогенная тренировка, физические упражнения, самоанализ, психомышечная тренировка, медитация, психорегулирующая тренировка, визуализация (представление желаемой ситуации), самогипноз, идеомоторная тренировка, релаксация. В инструкции предлагалось студентам вспомнить о трудных жизненных ситуациях в период поступления и адаптации к вузу, оценить использованные приемы психической саморегуляции [4]. Каждый прием саморегуляции оценивался по трем основаниям: 1) осведомленность о способе саморегуляции оценивалась по шкале: «Ничего не знаю, не слышал(а) об этом», «Немного знаю, что-то слышал(а)», «Хорошо знаю об этом»; 2) используемость способа оценивалась по шкале: «Не использовал(а)», «Очень редко», «Редко», «Иногда», «Часто», «Очень часто»; 3) эффективность способа оценивалась по 5-балльной шкале от «Совсем не помогло» до «Очень помогло».

Процедура исследования. Исследование проводилось непосредственно после реализации учебного курса «Психическая саморегуляция», причем участие было добровольным и анонимным.

Статистическая обработка проводилась с использованием SPSS 19.0. Применялись описательные статистики, дисперсионный и кластерный виды анализа.

Результаты. Трудные жизненные ситуации, с которыми сталкивались юноши и девушки, состояли в следующем: «Изменение круга общения»; «Переезд в другой город»; «Переезд в другую страну»; «Включение в новое общество»; «Взаимоотношения с противоположным полом»; «Устройство на работу». Таким образом, большинство студентов отмечало изменение жизненных паттернов в разнообразных сферах деятельности.

Юноши в качестве трудных жизненных ситуаций выделяли «Противоречивость и сложность расставания с девушками»; «Момент перехода дружеских отношений в близкие»; «Умение постоять за себя, изменить отношение к себе и к другим». Особое место занимали ситуации, обусловленные состоянием здоровья: «Кризисное состояние собственного здоровья – способен ли выздороветь». В выборке девушек в качестве трудных ситуаций подчеркивалось «Общение с незнакомыми людьми», «Отношения с друзьями, переживания о том, что друзья могут прервать общение», «Сомнения в том, “кем хочу быть” и “чем действительно хочу заниматься”».

Описательные статистики позволили оценить выбираемые приемы психической саморегуляции среди студентов (таблица 1).

Таблица 1

Популярность приемов саморегуляции в контексте осведомленности о них, используемости и эффективности

	Осведомленность		Использование		Эффективность	
	М	Ст. откл	М	Ст. откл	М	Ст. откл
Самовнушение	1,58	0,56	2,85	1,48	2,89	1,53
Самоубеждение	1,54	0,54	3,12	1,48	2,95	1,51
Дыхательные упражнения	1,41	0,59	2,32	1,51	2,86	1,74
Аутогенная тренировка	0,56	0,72	1,11	0,62	1,54	0,79
Физические упражнения	1,71	0,49	3,12	1,42	3,29	1,77
Самоанализ	1,65	0,55	3,47	1,49	2,96	1,69
Психомышечная тренировка	0,51	0,28	0,61	0,22	0,90	0,29
Медитация	1,42	0,56	1,89	1,62	2,13	1,97
Психорегулирующая тренировка	0,46	0,26	0,69	0,27	0,23	0,76
Приемы визуализации – представление желаемой ситуации	1,59	0,59	2,81	1,58	2,37	1,80
Самогипноз	0,57	0,44	0,67	0,27	0,75	0,23
Идеомоторная тренировка	0,53	0,29	0,68	0,22	0,87	0,27

Из таблицы 1 видно, что наиболее известными для студентов были следующие приемы: «Физические упражнения» (1,71±0,49), «Самоанализ» (1,65±0,55), «Приемы визуализации» (1,59±0,59). Наиболее используемыми оказались приемы: «Самоанализ» (3,47±1,49), «Физические упражнения» (3,12±1,42), «Самоубеждение» (3,12±1,48). Причем эти стратегии оценивались в качестве самых эффективных: «Физические упражнения» (3,29±1,77), «Самоанализ» (2,96±1,69) и «Самоубеждение» (2,95±1,51). Исключение составили «Приемы визуализации», уровень эффективности которых оказался ниже уровня использования. В целом студенты использовали приемы, популярные и одобряемые в массовой культуре, однако обращает на себя внимание в целом невысокая осведомленность о приемах саморегуляции среди студентов-психологов, несмотря на соответствующий курс в учебной программе. Вероятно, для студентов, помимо лекционного курса, необходим практический опыт освоения приемов саморегуляции.

После процедуры нормализации шкал анкеты приемов саморегуляции был проведен кластерный анализ методом Варда, позволивший выделить шесть групп респондентов: первая (17 человек), вторая (27 человек), третья (23 человека), четвертая (17 человек), пятая (15 человек) и шестая группа (12 человек). Использование множественного дисперсионного анализа позволило осуществить сравнение групп (таблица 2).

Таблица 2

Сравнение распространенности приемов психической саморегуляции в группах

		Первая группа		Вторая группа		Третья группа		Четвертая группа		Пятая группа		Шестая группа		F	p
		М	MS	М	MS	М	MS	М	MS	М	MS	М	MS		
Осведомленность	Самовнушение	1,71	0,47	1,44	0,51	1,78	0,42	1,76	0,44	1,67	0,62	1,08	0,67	4,35	0,00
	Дыхательные упражнения	1,06	0,56	1,33	0,55	1,57	0,51	1,65	0,49	1,73	0,46	1,08	0,79	4,49	0,00
	Аутогенная тренировка	0,41	0,62	0,59	0,80	0,22	0,52	0,41	0,62	1,27	0,59	0,75	0,75	5,12	0,00
	Физические упражнения	1,76	0,44	1,81	0,40	1,74	0,45	1,71	0,47	1,87	0,35	1,17	0,72	3,98	0,00
	Медитация	1,06	0,56	1,37	0,49	1,48	0,51	1,71	0,47	1,67	0,49	1,17	0,72	3,66	0,00
	Приемы визуализации	1,76	0,66	1,30	0,54	1,87	0,34	1,35	0,70	1,80	0,41	1,50	0,67	3,66	0,00
	Релаксация	1,53	0,51	1,30	0,67	1,91	0,29	1,35	0,61	1,67	0,62	0,83	0,39	7,50	0,00
Использование	Самовнушение	3,82	0,81	1,78	1,37	3,65	0,93	3,12	1,11	3,07	1,44	1,58	1,62	11,6	0,00
	Самоубеждение	4,00	0,61	2,70	1,44	3,74	1,18	2,12	1,69	3,73	1,10	2,00	1,48	7,26	0,00
	Дыхательные упражнения	1,35	1,00	1,70	1,46	2,91	1,12	3,53	0,80	3,33	1,18	0,92	1,51	13,2	0,00
	Физические упражнения	3,53	1,07	3,04	1,32	3,61	1,08	3,29	1,05	3,87	1,19	0,67	0,98	13,6	0,00
	Самоанализ	3,18	1,67	3,63	1,18	4,30	0,70	3,82	1,01	3,60	1,30	1,17	1,70	10,6	0,00

	Психомышечная тренировка	0,06	0,24	0,04	0,19	0,00	0,00	0,29	0,85	1,07	0,96	0,17	0,39	9,96	0,00
	Медитация	0,41	0,51	0,93	1,00	2,65	1,37	3,29	1,61	2,60	1,18	1,67	1,78	14,1	0,00
	Психорегулирующая тренировка	0,24	0,56	0,07	0,27	0,22	0,60	0,12	0,49	0,93	1,28	0,08	0,29	4,14	0,00
	Визуализация	3,94	0,66	1,63	1,52	3,87	0,92	2,00	1,50	3,33	0,82	2,25	1,96	13,1	0,00
	Идеомоторная тренировка	0,00	0,00	0,22	0,80	0,04	0,21	0,00	0,00	1,13	1,13	0,08	0,29	8,63	0,00
	Релаксация	2,82	1,13	1,96	1,68	4,09	0,90	2,76	1,56	3,00	1,41	0,83	1,11	11,1	0,00
Эффективность	Самовнушение	3,88	1,22	1,85	1,54	3,43	0,73	3,18	1,42	3,60	0,83	1,42	1,68	11,2	0,00
	Самоубеждение	4,12	0,60	2,56	1,45	3,61	0,84	1,76	1,56	3,67	1,05	1,92	1,68	10,1	0,00
	Дыхательные упражнения	1,76	1,39	2,33	1,66	3,74	1,21	4,06	0,83	4,13	0,99	0,83	1,53	16,3	0,00
	Аутогенная тренировка	0,12	0,33	0,78	1,55	0,09	0,42	0,18	0,73	3,20	1,42	1,08	1,98	15,8	0,00
	Физические упражнения	3,88	1,62	3,70	1,30	3,70	1,18	2,47	1,87	4,60	0,63	0,17	0,39	19,5	0,00
	Самоанализ	3,41	1,66	3,22	1,34	3,57	0,99	2,88	1,90	3,40	1,55	0,42	1,00	9,22	0,00
	Психомышечная тренировка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,06	0,24	2,07	1,58	0,00	0,00	31,7	0,00
	Медитация	0,35	0,79	1,04	1,45	3,35	1,40	3,35	1,73	3,60	1,59	1,42	2,15	15,7	0,00
	Психорегулирующая тренировка	0,06	0,24	0,04	0,19	0,09	0,29	0,00	0,00	1,47	1,55	0,00	0,00	14,6	0,00
	Визуализация	3,12	1,45	0,78	1,15	3,83	0,89	1,94	1,89	3,13	1,46	1,92	1,93	13,9	0,00
	Идеомоторная тренировка	0,00	0,00	0,22	0,85	0,00	0,00	0,00	0,00	1,60	1,55	0,00	0,00	12,5	0,00
	Релаксация	3,29	1,31	2,41	1,74	4,35	0,88	2,88	1,83	3,60	1,72	0,33	0,89	13,4	0,00

В первой группе респондентов использовались и оценивались в качестве эффективных следующие приемы: «Самовнушение» ($F(11,62) = 3,83$; $p = 0,000$, и $F(11,25) = 3,88$; $p = 0,000$), «Самоубеждение» ($F(7,26) = 4,00$; $p = 0,000$ и $F(10,15) = 4,12$; $p = 0,000$), «Визуализация» ($F(13,60) = 3,94$; $p = 0,000$ и $F(13,91) = 3,12$; $p = 0,000$), «Самоанализ» ($F(10,69) = 3,18$; $p = 0,000$ и $F(9,22) = 3,41$, $p = 0,000$). Данные приемы саморегуляции относятся к осознаваемому, целенаправленному уровню саморегуляции и включают в качестве ведущего когнитивно-коммуникативный компонент [5]. Респонденты данной группы имели наиболее высокие результаты по шкале «Программирование» среди стилей саморегуляции поведения ($F(3,454) = 6,59$, $p = 0,006$). Для респондентов была характерна потребность детально продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей. Респонденты были ориентированы на осознанную личную включенность и самомотивацию в процесс разрешения трудной ситуации путем создания программы действий для получения приемлемого результата.

Анализ результатов респондентов второй группы выявил средние показатели по всем приемам саморегуляции, за исключением низкого уровня в «Программировании» ($F(3,45) = 4,81$, $p = 0,006$). Вероятно, респондентам несвойственно заранее продумывать конкретные приемы саморегуляции для достижения намеченных целей.

Третья группа респондентов оценивала в качестве наиболее известных способов «Приемы визуализации» ($F(3,66) = 1,87$; $p = 0,000$) и «Релаксации» ($F(7,50) = 1,91$; $p = 0,000$), однако в качестве наиболее используемых и эффективных были отмечены «Самоанализ» ($F(10,69) = 4,30$; $p = 0,000$ и $F(9,22) = 3,57$; $p = 0,000$) и «Релаксация» ($F(11,17) = 4,09$; $p = 0,000$ и $F(13,46) = 4,35$; $p = 0,000$). Самоанализ и релаксация относятся к разным уровням саморегуляции: осознаваемому, целенаправленному и неосознаваемому уровням саморегуляции.

Респонденты четвертой группы выбирали для использования и оценивали в качестве эффективных «Дыхательные упражнения» ($F(13,27) = 3,53$; $p = 0,000$ и $F(16,31) = 4,06$; $p = 0,000$ соответственно) и «Медитацию» ($F(14,15) = 3,29$; $p = 0,000$ и $F(15,74) = 3,35$; $p = 0,000$ соответственно). Данные приемы пассивны по внешнему проявлению, но активны по внутреннему психологическому наполнению и объединяют произвольный-неосознаваемый и произвольный-осознаваемый уровни саморегуляции.

Респонденты пятой группы характеризовались осведомленностью о менее популярных приемах саморегуляции: «Аутогенная тренировка» ($F(5,12) = 1,27; p = 0.000$), «Физические упражнения» ($F(3,98) = 1,87; p = 0.000$). В качестве используемых предпочитались «Физические упражнения» ($F(13,66) = 3,87; p = 0.000$), «Психорегулирующая тренировка» ($F(4,14) = 0,93; p = 0.000$), «Идеомоторная тренировка» ($F(8,63) = 1,13; p = 0.000$). В качестве эффективных оценивались «Физические упражнения» ($F(19,56) = 4,60; p = 0.000$), «Аутогенная тренировка» ($F(15,88) = 3,20; p = 0.000$) и «Психорегулирующая тренировка» ($F(14,68) = 1,47; p = 0.000$). Вышеперечисленные приемы саморегуляции объединяет необходимость специальной подготовки: знание упражнений, наличие навыков и умений выполнения конкретных техник саморегуляции. Респондентам пятой группы был свойственен высокий уровень «Самотивации» ($F(4,9) = 9,8; p = 0.000$) и «Общий уровень эмоционального интеллекта» ($F(4,2) = 46,7; p = 0.001$), что отражает высокую степень понимания собственных эмоций, умение управлять эмоциями.

Для респондентов шестой группы характерны наиболее низкие уровни осведомленности, использования и оценки эффективности приемов саморегуляции. Примечательно, что в этой группе «Самоанализ» ($F(9,52) = 0,42; p = 0.000$) был на самом низком уровне в сравнении с другими группами, а также самые низкие показатели «Самотивации» ($F(4,91) = 0,17; p = 0.001$) и «Управления своими эмоциями» ($F(4,2) = 19,25; p = 0.001$). Полученные данные свидетельствуют о сложностях в понимании и управлении собственными эмоциями, а также об игнорировании каких-либо приемов саморегуляции.

Обсуждение. Выявлен узкий спектр известных и используемых студентами приемов саморегуляции. Данный факт отражает невысокие возможности саморегуляции молодых людей. Известно, что постоянство и регулярность использования приемов саморегуляции является залогом их освоения [14].

Студенты использовали комбинации приемов саморегуляции: самовнушения и самовнушения; релаксации и самоанализа; дыхательных упражнений и медитации; физических упражнений, аутогенной и психорегулирующей тренировки. Выделенные группы нередко объединяли приемы, различные по уровню психической саморегуляции, компонентам структуры деятельности и ведущим механизмам активации [5; 3]. Вероятно, комплексный подход в использовании различных приемов и стратегий создает возможность гибкости в актуализации психологических ресурсов.

Выявленные в ходе анализа группы респондентов обнаруживают некоторую специфику в выборе приемов саморегуляции и личностных черт. Первая группа респондентов выбирала осознаваемые, целенаправленные приемы саморегуляции на когнитивном и сенсорно-перцептивном уровнях [5]. При этом респондентам была свойственна личная включенность и программирование действий для достижения целей. Респонденты второй группы были противоположны первой и не нацелены на программирование какой-либо деятельности, в том числе в использовании приемов саморегуляции. Респонденты третьей группы выбирали максимально разнообразные по механизмам приемы психической саморегуляции (визуализацию, релаксацию и самоанализ), объединяя осознаваемый и неосознаваемый уровни саморегуляции. Четвертая группа использовала дыхательные упражнения и медитацию, которые ряд авторов объединяет в единую технику «медитация с дыханием» [7; 18; 20].

Пятая группа объединила респондентов с высоким уровнем самотивации, готовых к использованию приемов саморегуляции, требующих дополнительной физической и психической подготовки: физических упражнений, идеомоторной тренировки, аутогенной тренировки и психорегулирующей тренировки. Данные техники являются комбинированными, а в их основе лежат находки древнеиндийской системы йогов, китайской оздоровительной системы цигун, о чем свидетельствуют психофизиологические исследования и опыт применения мышечной релаксации [1; 14]. Шестая группа респондентов была противоположна пятой, поскольку студенты испытывали сложности в управлении своими эмоциями и в выборе способов саморегуляции, а также отличались низкой мотивацией. Для данной группы необходима дополнительная поддержка в выборе и освоении техник психической саморегуляции для контроля психических состояний.

Заключение. Исследование показало, что оценки в осведомленности, опыте использования и эффективности приемов саморегуляции согласуются между собой: использовались известные респондентам приемы, и они же оценивались в качестве эффективных. Было показано, что выбор приемов саморегуляции связан с уровнем эмоционального интеллекта и стилями саморегуляции поведения.

Список литературы

1. Алексеев А. В. Себя преодолеть! М. : Физкультура и спорт, 1985. 192 с.
2. Анцыферова Л. И. Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь. М. : Наука, 1990. С. 7–8.
3. Безюлева Г. В., Шеламова Г. М. Толерантность: взгляд, поиск, решение. М. : Вербум-М, 2003. 164 с.
4. Бызова В. М., Ловягина А. Е. Стили психосоматического поведения у студентов с разными приемами саморегуляции в ситуации экзамена. Экология человека. № 7. 2017. С. 25–31.
5. Дикая Л. Г. Системно-деятельностная концепция саморегуляции психофизического состояния человека // Психологические основы профессиональной деятельности : хрестоматия / сост. В. А. Бодров. М. : ПЕР СЭ ; Логос, 2007. С. 448–452.
6. Ильин Е. И. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001. 633 с.
7. Каптен Ю. Л. Основы медитации. СПб., 1991. 225 с.
8. Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–13.
9. Костин А. Н., Голиков Ю. Я. Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности. М. : Институт психологии РАН, 2014. 448 с.
10. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37. DOI: 10.17223/17267080/62/3.
11. Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87–111.
12. Моросанова В. И. Психология саморегуляции. М. : Нестор-История, 2012. 519 с.
13. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции. М. : Наука, 2001. 192 с.
14. Шингаев С. М., Никифоров Г. С. Виды психической саморегуляции // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. № 1. Т. 5. Психология. 2014. С. 92–101.
15. Никифоров Г. С. Теоретические вопросы самоконтроля // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 5. С. 19–31.
16. Осницкий А. К. Регуляторный опыт, субъектная активность и самостоятельность человека. Ч. 2 // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2009. № 6 (8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 07.10.2018).
17. Прохоров А. О. Функциональные структуры и средства саморегуляции психических состояний // Психологический журнал. 2005. № 26 (2). С. 68–80.
18. Розенберг Л., Гай Д. Секреты медитативного дыхания, медитация випассана. М., 2006. 287 с.
19. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2000. 712 с.
20. Шубина Е. В. Медитация: путь к совершенству. СПб., 2002. 165 с.
21. Carver C. S., Scheier M. F. Optimism, pessimism, and self-regulation. In E. C. Chang (Ed.), Optimism and pessimism: Implications for theory, research, and practice. 2001. Washington, DC: American Psychological Association. Pp. 31–51.
22. Garnefski N., Kraaij V. The cognitive emotion regulation questionnaire: Psychometric features and prospective relationships with depression and anxiety in adults // European Journal of Psychological Assessment. 2007. V. 23. Pp. 141–149. DOI: 10.1027/1015-5759.23.3.141.
23. Kuhl J. Action and state orientation: Psychometric properties of the action control scales (ACS-90). In J. Kuhl & J. Beckmann (Eds.), Volition and personality: Action versus state orientation 1994b. Göttingen, Germany : Hogrefe. Pp. 47–59.

Mental self-regulation of students in difficult situations

E. I. Perikova¹, V. M. Byzova², A. E. Lovyagina³

¹PhD of Psychological Sciences, researcher at the laboratory of behavioral neurodynamics, St. Petersburg State University. Russia, St. Petersburg.

ORCID: 0000-0001-9156-9603. E-mail: chikurovaEI@gmail.com

²Doctor of Psychological Sciences, professor at the Department of general psychology, St. Petersburg State University. Russia, St. Petersburg.

ORCID: 0000-0001-6362-7714. E-mail: vbysova@mail.ru

³PhD of Psychological Sciences, associate professor at the Department of general psychology, St. Petersburg State University. Russia, St. Petersburg.

ORCID: 0000-0001-6120-1808. E-mail: lovagina2@mail.ru

Abstract. There is a large volume of scientific and popular literature on the problem of mental self-regulation, but the methods of self-regulation used by young people in difficult situations remain poorly understood. The article presents the data of empirical research of methods of mental self-regulation used by students in difficult situations on the example of choosing a university and adapting to it in the first years of study. The

study involved 111 second-year students of St. Petersburg State University aged 19±1.4 years. As methods of research questionnaires were used: "The style of self-regulation of behavior" by V. I. Morosanova, "Self-organization activities" by E. Y. Mandrikov; method by N. Hall to determine the level of emotional intelligence, questionnaire of techniques of self-regulation by A. E. Lovyagina to assess awareness of the techniques of self-regulation, experience of use and effectiveness. The most used methods of self-regulation, which were evaluated as effective: physical exercises, self-analysis and self-persuasion, were revealed. Cluster analysis allowed to identify groups of respondents who prefer different methods of self-regulation in accordance with personal characteristics. Groups of methods of self-regulation, which are used together, complementing each other, were defined: self-hypnosis and self-persuasion; relaxation and self-reflection; breathing exercises and meditation; physical exercises, autogenic training and psychology training. The study found that the assessments of awareness, experience and effectiveness of mental self-regulation techniques were consistent with each other. Respondents used self-regulation techniques known to them and were evaluated as effective. It is revealed that the choice of methods of self-regulation is associated with the level of emotional intelligence and styles of self-regulation of behavior.

Keywords: methods of self-regulation, styles of self-regulation of behavior, emotional intelligence, self-organization of activity, difficult life situations.

References

1. Alekseev A. V. *Sebya preodolet!* [Overcome yourself!] M. Physical education and sport. 1985. 192 p.
2. Ancyferova L. I. *Lichnost' s pozicij dinamicheskogo podhoda* [Personality from the standpoint of dynamic approach] // *Psihologiya lichnosti v socialisticheskom obshchestve. Lichnost' i ee zhiznennyj put'* – Psychology of personality in socialist society. Personality and her way of life. M. Nauka. 1990. Pp. 7–8.
3. Bezyuleva G. V., Shelamova G. M. *Tolerantnost': vzglyad, poisk, reshenie* [Tolerance: look, find, solution]. M. Verbum-M. 2003. 164 p.
4. Byzova V. M., Lovyagina A. E. *Stili psihosomaticeskogo povedeniya u studentov s raznymi priemami samoregulyacii v situacii ekzamena* [Styles of psychosomatic behavior in students with different methods of self-regulation in the exam situation]. *Ekologiya cheloveka* – Human ecology. No. 7. 2017. Pp. 25–31.
5. Dikaya L. G. *Sistemno-deyatel'nostnaya koncepciya samoregulyacii psihofizicheskogo sostoyaniya cheloveka* [System-activity concept of self-regulation of the psycho-physical condition of the person] // *Psihologicheskie osnovy professional'noj deyatel'nosti : hrestomatiya* – Psychological fundamentals of professional activity : reader / comp. V. A. Bodrov. M. PER SE; Logos. 2007. Pp. 448–452.
6. Il'in E. I. *Emocii i chuvstva* [Emotions and feelings]. SPb. Piter. 2001. 633 p.
7. Kapten Yu. L. *Osnovy meditacii* [Basics of meditation]. SPb. 1991. 225 p.
8. Konopkin O. A. *Psihicheskaya samoregulyaciya proizvol'noj aktivnosti cheloveka (strukturno-funktional'nyj aspekt)* [Mental self-regulation of voluntary activity (structural-functional aspect)] // *Voprosy psihologii* – Issues of psychology. 1995. No. 1. Pp. 5–13.
9. Kostin A. N., Golikov Yu. Ya. *Organizacionno-processual'nyj analiz psihicheskoy regulyacii slozhnoj deyatel'nosti* [Organizational and procedural analysis of mental regulation of complex activity]. M. Institute of psychology RAS. 2014. 448 p.
10. Leont'ev D. A. *Samoregulyaciya, resursy i lichnostnyj potencial* [Self-regulation, resources, and personal potential] // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* – Siberian psychological journal. 2016. No. 62. Pp. 18–37. DOI: 10.17223/17267080/62/3.
11. Mandrikova E. Yu. *Razrabotka oprosnika samoorganizacii deyatel'nosti* [Development of the questionnaire of self-organization of activity] // *Psihologicheskaya diagnostika* – Psychological diagnostics. 2010. No. 2. Pp. 87–111.
12. Morosanova V. I. *Psihologiya samoregulyacii* [Psychology of self-regulation]. M. Nestor-Istoriya. 2012. 519 p.
13. Morosanova V. I. *Individual'nyj stil' samoregulyacii* [Individual style of self-regulation]. M. Nauka. 2001. 192 p.
14. Shingaev S. M., Nikiforov G. S. *Vidy psihicheskoy samoregulyacii* [Types of psychic self-regulation] // *Vestnik LGU imeni A. S. Pushkina. № 1. T. 5. Psihologiya* – Herald of Leningrad State University named after A. S. Pushkin. No. 1. Vol. 5. Psychology. 2014. Pp. 92–101.
15. Nikiforov G. S. *Teoreticheskie voprosy samokontrolya* [Theoretical issues of control] // *Psihologicheskij zhurnal* – Psychological journal. 1985. Vol. 6. No. 5. Pp. 19–31.
16. Osnickij A. K. *Regulyatornyj opyt, sub"ektnaya aktivnost' i samostoyatel'nost' cheloveka* [Regulatory experience, subjective activity and human independence. Part 2] // *Psihologicheskie issledovaniya : elektron. nauch. zhurn.* – Psychological research : electron. scient. journal. 2009. No. 6 (8). Available at: <http://psystudy.ru> (date accessed: 07.10.2018).
17. Prohorov A. O. *Funktional'nye struktury i sredstva samoregulyacii psihicheskikh sostoyanij* [Functional structures and means of self-regulation of mental states] // *Psihologicheskij zhurnal* – Psychological journal. 2005. No. 26(2). Pp. 68–80.
18. Rozenberg L., Gaj D. *Sekrety meditativnogo dyhaniya, meditaciya vipassana* [Secrets of meditative breathing, Vipassana meditation]. M. 2006. 287 p.

19. Rubinstein S. L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of general psychology]. SPb. Piter. 2000. 712 p.
20. Shubina E. V. *Meditaciya: put' k sovershenstvu* [Meditation: the way to perfection]. SPb. 2002. 165 p.
21. Carver C. S., Scheier M. F. Optimism, pessimism, and self-regulation. In E. C. Chang (Ed.), *Optimism and pessimism: Implications for theory, research, and practice*. 2001. Washington, DC. American Psychological Association. Pp. 31-51.
22. Garnefski N., Kraaij V. The cognitive emotion regulation questionnaire: Psychometric features and prospective relationships with depression and anxiety in adults // *European Journal of Psychological Assessment*. 2007. V. 23. Pp. 141-149. DOI: 10.1027/1015-5759.23.3.141.
23. Kuhl J. Action and State orientation: Psychometric properties of the action control scales (ACS-90). In J. Kuhl & J. Beckmann (Eds.), *Volition and personality: Action versus State orientation 1994b*. Göttingen, Germany. Hogrefe. Pp. 47-59.

Особенности эго-идентичности у лиц, зависимых от психоактивных веществ

Н. А. Суворова

психолог, Центр реабилитации «На Казанской»,
магистрант кафедры психологии, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: nat_suvorova@mail.ru

Аннотация. Проблема эго-идентичности в современном мире становится все более актуальной в связи с увеличением набора статусов и ролей личности, а также в связи с повышением значимости достигнутой позитивной идентичности для успешной жизнедеятельности и сохранения психологического здоровья человека. С возрастанием количества новых «Я» повышается риск утраты их подлинности и интегрированности. К потенциальным рискам нарушения эго-идентичности относится чрезмерное употребление психоактивных веществ. В статье представлены результаты исследования особенностей эго-идентичности у лиц, зависимых от психоактивных веществ. Теоретико-методологической основой исследования выступили концепция эго-идентичности Э. Эриксона и концепция статусов эго-идентичности Дж. Марсиа. Были применены методики: «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда; методика исследования личностной идентичности («МИЛИ») Л. Б. Шнейдер. В качестве респондентов выступили: 1) лица с синдромом зависимости от психоактивных веществ ($n = 71$); 2) лица без синдрома зависимости от психоактивных веществ ($n = 69$). В статье приводятся данные об особенностях идентификационных характеристик зависимых от психоактивных веществ лиц в сравнении с идентификационными характеристиками группы условно здоровых респондентов. Также по результатам методики «Кто Я?» описываются особенности самооценки зависимых лиц по способу, предложенному Т. В. Румянцевой в адаптации теста М. Куна, Т. Макпартленда. Исследование показало, что для большинства зависимых лиц характерен статус диффузной идентичности, для которого свойственны сниженная осмысленность своего «Я», их размытость, потеря интереса к себе, самоотчужденность, отсутствие четких целей и убеждений, утрата временной непрерывности и целостности своей личности, отсутствие чувства жизненной наполненности.

Ключевые слова: эго-идентичность, статусы эго-идентичности, диффузная идентичность, зависимость от психоактивных веществ.

Проблема эго-идентичности в современной социокультурной ситуации становится все более актуальной в связи с повышением значимости *достигнутой позитивной идентичности* (Дж. Марсиа) для успешного функционирования и психологического благополучия личности. В связи с постоянным и быстрым увеличением количества новых «Я» повышается риск утраты их подлинности и интегрированности. В обыденной жизни человека подстерегают многие опасности, связанные с формированием и нарушениями эго-идентичности. К потенциальным рискам невозможности достижения позитивной эго-идентичности относится чрезмерное употребление психоактивных веществ.

Особенности личностной и социальной идентичности лиц, зависимых от психоактивных веществ, в настоящее время все чаще оказываются в центре внимания исследователей [5; 9; 14]. С клинической точки зрения, данная проблема важна для построения психологической реабилитационной работы с категорией зависимых людей. За рамками клинической психологии эта проблема находит свое место в исследованиях, направленных на изучение механизмов функционирования и нарушения эго-идентичности при употреблении психоактивных веществ, а также при разработке содержания и технологий психологической профилактики зависимости от психоактивных веществ.

Цель исследования – изучение и анализ особенностей эго-идентичности лиц, зависимых от психоактивных веществ.

Гипотеза исследования: эго-идентичность лиц, зависимых от психоактивных веществ, чаще, в сравнении с группой условно здоровых лиц, характеризуется диффузностью.

Для проверки гипотезы были поставлены задачи: 1) опираясь на научную литературу, дать обзор изученности проблемы особенностей эго-идентичности лиц, зависимых от психо-

активных веществ; 2) эмпирически определить особенности эго-идентичности зависимых от психоактивных веществ лиц в сравнении с группой условно здоровых людей.

Теоретическими основаниями исследования являются концепция эго-идентичности Э. Эриксона и концепция статусов идентичности Дж. Марсиа.

Представляя взгляд Э. Эриксона на идентичность, А. В. Толстых пишет о том, что идентичность трактуется как «тождественность человека самому себе», а также как «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным “я” независимо от изменений “я” и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [22, с. 12]. Идентичность рассматривается Э. Эриксоном как «показатель зрелой (взрослой) личности» [там же].

Э. Эриксон исходит из того, что ребенок на своем жизненном пути «имеет достаточно возможностей идентифицировать себя <...> с реальными или воображаемыми людьми любого пола, с привычками, особенностями, профессиями, идеями. Определенные кризисы заставляют его делать радикальные выборы. Однако историческая эра, в которой он живет, предлагает лишь ограниченное количество социально значимых моделей для выполнимых комбинаций фрагментов идентификаций» [23, с. 25]. В соответствии с концепцией Э. Эриксона, общество, обуславливая развитие идентичности ребенка, вместе с тем ограничивает его в возможностях идентификации и постоянно ставит его в ситуацию выбора [2].

Э. Эриксон различает идентичность индивида и идентичность группы. Идентичность индивида, по Э. Эриксону, основывается «на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими» [22, с. 58–59]. Вводя понятие «эго-идентичность», Э. Эриксон подчеркивает, что оно «имеет отношение не просто к самому факту существования; это как бы качество существования, придаваемое ему этим “эго”» [там же, с. 59]. Обратим внимание на роль, которую играет «эго-идентичность» в жизни человека. По мысли Э. Эриксона, «эго-идентичность» обеспечивает качество существования человека. Механизм становления «эго-идентичности» включает в себя взаимодействие со значимыми другими, поскольку, как пишет Э. Эриксон, «*стиль индивидуальности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое придаетя значимым другим в непосредственном окружении*» [там же].

Понятия идентичности и эго-идентичности близки по своему содержанию, поэтому далее мы будем пользоваться понятием «идентичность», имея в виду личную идентичность.

Переживание чувства идентичности, в соответствии с концепцией Э. Эриксона, по мере развития личности усиливается: человек ощущает возрастающую непрерывность между всем тем, что он пережил, и тем, что он предполагает пережить в будущем; между тем, кем он хочет быть, и тем, как воспринимает ожидания других по отношению к себе [по 1].

Более строгое определение и более детализированные характеристики идентичности содержит получившая широкую известность концепция Дж. Марсиа. Идентичность определяется данным автором как внутренняя, самостоятельно построенная, динамическая система побуждений, способностей, убеждений и индивидуальной истории [24]. Развивая идеи Э. Эриксона об идентичности, Дж. Марсиа выделяет четыре статуса (состояния) идентичности личности: достигнутая идентичность, предрешенная идентичность, диффузная идентичность, мораторий.

Достигнутая идентичность характерна для личности, которая пережила период принятия решений, она следует пути самостоятельно выбранной профессии и собственным идеологическим убеждениям. Также статус достигнутой идентичности означает, что человек сформировал систему значимых ценностей, целей и убеждений, которая придает смысл его жизни и обеспечивает чувство целенаправленности будущего; он преодолел кризисы самоисследований и осознанно строит свою жизнь. Человек с достигнутой идентичностью успешно преодолевает трудности и оптимистично смотрит в будущее.

Предрешенная идентичность характерна для человека, который не переживал кризиса идентичности, но имеет цели, ценности и убеждения, сформировавшиеся не в результате собственных поисков и выборов, а приобретенные посредством идентификации со значимыми людьми, прежде всего родителями.

Диффузная идентичность характерна для человека, не имеющего устойчивых целей, ценностей и убеждений. Более того, такой человек даже не пытается их определять, поскольку

ку переживает негативные чувства в связи с отсутствием четкого понимания своей идентичности. Такой человек либо никогда не находился в состоянии кризиса идентичности, либо оказался неспособным решить возникшие проблемы.

Мораторий характеризует человека, который находится в состоянии кризиса идентичности, и пытается разрешить его, используя различные возможности. В состоянии моратория человек постоянно находится в поиске информации, необходимой для выхода из кризисного состояния. На первых этапах поиска человек переживает чувство интереса и радостного ожидания [24].

Как отмечает Дж. Марсиа, в каждом из статусов, за исключением достигнутой идентичности, есть как здоровые, так и патологические аспекты, которые следует принимать во внимание. Возможно два пути достижения идентичности. Первый путь – это постепенное осознание некоторых данных о себе, таких как имя, гражданство, интересы, наличие способностей и др. Этот путь ведет к формированию предрешенной идентичности. Вторым путем основывается на самостоятельном принятии человеком решений по поводу того, каким ему быть. Именно этот путь ведет к формированию достигнутой идентичности [24].

Американский антрополог Р. Линтон отмечает, что человек приобретает свои идентификационные характеристики в процессе научения действовать согласно культурному образцу поведения, который обусловлен социальной нормой [12]. Этот взгляд созвучен с мыслью Э. Эриксона о том, что общество задает человеку определенные рамки для построения своих идентификаций.

Для понимания эго-идентичности личности, с нашей точки зрения, исключительно продуктивны идеи о взаимосвязи и единстве деятельности и сознания, развиваемые в отечественной психологии А. Н. Леонтьевым и С. Л. Рубинштейном [11; 15]. Осознавая себя в деятельности и через результаты своей деятельности, человек «осваивает себя», утверждает в своих ценностях, целях, убеждениях, во всем том, что делает его жизнь осмысленной и целенаправленной.

Безусловно, процесс идентификации личности управляется внешними факторами: общество ставит человека в условия необходимости выполнения определенной социально значимой деятельности, в процессе которой личность соотносит себя с данным статусом и ролью [13]. Однако внутренне человек либо отождествляется с этим статусом (статусами) и ролью (ролями), либо нет. Как уже отмечалось, процесс личностного и профессионального самоопределения может сопровождаться кризисом идентичности.

Кризис идентичности может приводить к разрушительным для личности последствиям, а может преобразовываться в авторство своей жизни. М. Джей [3] использует понятие «капитал идентичности», который, как это ни парадоксально, создается в момент переживания кризиса идентичности. «Капитал идентичности» М. Джей определяет как «совокупность личностных активов, запас тех индивидуальных ресурсов, которые мы накапливаем с течением времени» [3, с. 41]. Автор пишет, что «молодым людям двадцати с лишним лет кажется, что кризис идентичности – это то, что происходит сейчас, а накопление капитала идентичности – то, что будет потом. Однако на самом деле эти процессы должны сосуществовать» [там же]. По мысли автора, жизнь, которая сводится только к накоплению капитала идентичности и в которой нет кризиса идентичности, лишена гибкости и динамичности» [там же].

Статус эго-идентичности у одного и того же человека может быть различным в различных сферах его жизни: в одной плоскости может фиксироваться достигнутая идентичность, в других – диффузная или мораторий [18].

В соответствии с целью исследования обратимся к описанию особенностей эго-идентичности у лиц, зависимых от психоактивных веществ.

По мнению Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой, употребление психоактивных веществ формирует аддиктивную идентичность, вследствие чего человек соотносит себя лишь со своими ролевыми, часто иллюзорными характеристиками, утрачивая глубинное понимание своего «Я» [8]. В исследованиях показано, что нарушение формирования идентичности, в свою очередь, выступает как фактор развития аддиктивного поведения; сформированная аддиктивная идентичность в значительной степени препятствует возможности ремиссии [7]. Недифференцированность «Я-реального» и «Я-идеального», ригидность статусно-ролевых позиций при зависимостях от психоактивных веществ укрепляют аддиктивную идентичность. Человек, зависимый от психоактивных веществ, не вполне критичен к себе, что снижает потенциальные шансы на выздоровление [6]. Лица с зависимостями от психоактивных веществ, как правило, отрицают свою принадлежность к данной группе. Это, в первую очередь, говорит о вытеснении своих идентификационных характеристик, во вторую – о трудностях глубинного понимания себя и утрате или временном отсутствии целостности личности [4].

Кризис идентичности у лиц, зависимых от алкоголя и наркотиков, как правило, заканчивается ее утратой либо приводит к формированию диффузной идентичности [9], характеризующейся самоотчуждением, утратой чувства жизненной наполненности, отсутствием ощущения временной непрерывности и целостности, ригидностью Я-концепции в связи с размытостью своих «Я», потерей смысловых и ценностных ориентиров. Диффузная идентичность вследствие негативных трансформаций может перерасти в аддиктивную идентичность, которая базируется на стойком аддиктивном мотиве – употребление веществ, изменяющих состояние сознания как способ «уйти» от реальности [5]. В свою очередь любые другие структурные деформации идентичности являются одним из факторов риска формирования алкогольной зависимости в подростковом возрасте [20].

Далее представим эмпирическое исследование, проведенное нами на выборке лиц, зависимых от психоактивных веществ и выборке респондентов без синдрома зависимости.

Методы. Исследование лиц с зависимостью от психоактивных веществ проводилось на базе Кировского областного наркологического диспансера в отделении медицинской и социальной реабилитации. Выборку составил 71 человек с синдромом зависимости от психоактивных веществ в возрасте от 17 до 56 лет, из них 48 мужчин и 23 женщины. Среди мужчин 10 респондентов – с синдромом зависимости от алкоголя, 38 – с синдромом зависимости от наркотических веществ (преимущественно психостимуляторы и каннабиноиды). У каждого третьего респондента из мужской выборки наблюдается полизависимость. Пять женщин из числа респондентов имеют синдром зависимости от наркотических веществ (психостимуляторы, опиаты и др.), остальные 18 женщин – алкогольный синдром зависимости.

В выборку условно здоровых лиц (группу сравнения) вошли 69 человек без синдрома зависимости от психоактивных веществ, в возрасте от 17 до 60 лет, из которых 47 мужчин и 22 женщины.

Были применены следующие методики:

– тест-опросник М. Куна, Т. Макпартленда «Кто Я?» [10]. В данном исследовании использовался вариант опросника, модифицированный Т. В. Румянцевой [16; 17];

– методика изучения личностной идентичности («МИЛИ») Л. Б. Шнейдер [21]. Методика построена на принципах прямого и «цепного» ассоциативного теста. Испытуемым предлагается подчеркнуть среди слов ассоциативного ряда те, которые имеют отношение к их жизни.

Результаты. По итогам исследования с применением методики М. Куна, Т. Макпартленда «Кто я?» в модификации Т. В. Румянцевой [16; 17] были определены идентификационные характеристики и показатели самооценки у респондентов с зависимостью от психоактивных веществ и не имеющих такой зависимости (табл. 1, 2).

Таблица 1

Средние значения частоты использования идентификационных характеристик в группах лиц, зависимых и независимых от психоактивных веществ

Идентификационная характеристика	Группа зависимых от психоактивных веществ	Группа сравнения	Уровень значимости по U-критерию Манна-Уитни
Социальное Я	4,9	3,3	0,001*
Коммуникативное Я	1,3	0,7	0,001*
Материальное Я	0	0,3	0,039*
Физическое Я	0,5	0,2	0,028*
Деятельное Я	1,6	1,4	0,482
Перспективное Я	0,2	0,1	0,183
Рефлексивное Я	11	14	0,000*
Проблемная идентичность	0	0	–
Ситуативное состояние	0,3	0	0,039*

Примечание: * $P \leq 0,05$

Подсчет идентификационных характеристик производился посредством контент-анализа. Для выявления различий между двумя независимыми выборками был использован U-критерий Манна-Уитни. Было выявлено, что статистически достоверно респонденты различаются по склонности описывать свое Я как социальное, коммуникативное, физическое, материальное и рефлексивное, а также ситуативное состояние. Как выяснилось, зависимые от психоактивных веществ респонденты реже, в сравнении с условно здоровыми, используют в описании своего Я рефлексивные характеристики, но чаще – коммуникативные и физические.

Среди наиболее популярных ответов в категории «Рефлексивное Я» можно выделить следующие: личность, хороший, добрый, слабовольный, ревнивый, зависимый от алкоголя/наркотиков.

В категории «Социальное Я» наиболее частые ответы отражают прямое обозначение пола, семейную и групповую принадлежности. Например, часто встречаются следующие идентификационные характеристики: человек, сын/дочь, муж/жена, мужчина/женщина, отец/мать, алкоголик/наркоман, специалист (обозначение профессии), реабилитант/пациент.

Характеристики деятельного и перспективного Я у двух групп респондентов статистически не различаются. Проблемная идентичность, под которой понимается неспособность дать ответ на вопрос «Кто Я?», не была выявлена в нашем исследовании ни у одного респондента.

Указание на свое ситуативное состояние в целом не характерно для лиц без синдрома зависимости, тогда как некоторые зависимые испытуемые давали такие самохарактеристики. В качестве примера приведем некоторые ответы респондентов: «на данный момент безработная», «суетливая сегодня», «грустная с утра», «нуждаюсь в поддержке», «иногда радуюсь», «могу быть агрессивной».

Показатели самооценки, приведенные в таблице 2, рассчитывались способом, предложенным Т. В. Румянцевой. Испытуемым было предложено оценить свои идентификационные характеристики, используя знаки «+», «-», «+/-» и «?». Так, например, если ответов на вопрос «Кто Я?», отмеченных знаком «+», больше 65% от общего количества, то самооценка респондента признается адекватной. Количество положительно оцененных ответов выше 85% означает неадекватно завышенную самооценку, выше 50% и до 100% отрицательных оценок – заниженную самооценку. Однако, если количество плюсов и минусов примерно одинаково (50-55% «+» к 50-45% «-» и наоборот), самооценка считается неустойчивой. Также Т. В. Румянцева интерпретирует использование знаков «+/-» и «?», выделяя сомневающийся респондентов [16].

Таблица 2

Показатели самооценки в группах респондентов, зависимых и независимых от психоактивных веществ

Самооценка	Группа зависимых от психоактивных веществ	Группа сравнения	φ -критерий Фишера	Уровень значимости
Неустойчивая	28	12	2,9	p≤0,01
Неадекватно завышенная	15	5	2,4	p≤0,01
Неадекватно заниженная	3	7	1,4	p≥0,05
Адекватная	22	44	4	p≤0,01
Сомневающиеся	2	1	0,6	p≥0,05
Не выполнившие задание	1	-	1,4	p≥0,05

Данные, представленные в таблице, показывают, что среди респондентов, зависимых от психоактивных веществ, значительно чаще встречаются лица с неустойчивой и неадекватно завышенной самооценкой. В группе условно здоровых вдвое больше респондентов с адекватной самооценкой. Данные различия между группами респондентов, как показало применение критерия Фишера, статистически достоверны.

Далее представим результаты методики изучения личностной идентичности («МИЛИ») Л. Б. Шнейдер, позволяющей определить статусы идентичности респондентов.

Таблица 3

Статусы идентичности в группах лиц с зависимостью от психоактивных веществ и без синдрома зависимости

	Статусы идентичности (количество респондентов)				
	Предре- шенная	Диф- фузная	Мора- торий	Достигнутая позитивная	Псевдопозитивная
Лица, зависимые от психоактивных веществ	5	39	15	6	6
Лица без синдрома зависимости	2	18	31	13	5
φ -критерий Фишера	1,2	3,5	3,1	1,8	0,3
Уровень значимости	p≥0,05	p≤0,01	p≤0,01	p≤0,05	p≥0,05

Мы видим, что более половины респондентов с зависимостью от психоактивных веществ имеют диффузную идентичность, тогда как в группе сравнения такой статус идентичности имеет только каждый четвертый опрошенный. Напротив, в статусе моратория и достигнутой позитивной идентичности находится вдвое больше респондентов, не имеющих зависимости. Псевдопозитивная идентичность примерно одинаково представлена в выборках. Предрешенная (преждевременная) идентичность несколько чаще встречается в группе респондентов с зависимостью.

Данные различия между группами респондентов, как показало применение критерия Фишера, статистически достоверны.

Обсуждение результатов. Употребление психоактивных веществ, как показывает исследование, сказывается на самооценке респондентов. Это выражается в преобладании неустойчивой самооценки в группе зависимых лиц, в поляризованности самооценивания: зависимые люди склонны оценивать себя, исходя не из внутренних посылок, но из внешних факторов. Отсутствие четкого, определенного представления о себе и своих возможностях является одним из ключевых признаков зависимой структуры личности. Этот факт позволяет предполагать наличие у респондентов статуса диффузной идентичности.

Лица с диффузной эго-идентичностью сомневаются в собственной успешности из-за внутриличностных конфликтов, при этом они не пытаются активно влиять на свои способности и возможности. Такие люди обладают ригидностью Я-концепции при положительном отношении к себе, но полагают, что сама их личность, их деятельность вызывают непонимание и неприязнь у окружающих, в связи с чем испытывают сомнения в ценности своей личности. Сомнения подобного рода могут приводить к потере интереса к себе, зачастую к полному безразличию к своему внутреннему миру [21].

Анализ идентификационных характеристик показывает, что зависимые от психоактивных веществ менее склонны к рефлексии в сравнении с людьми без синдрома зависимости. Обилие ответов в группе зависимых респондентов в категории «Рефлексивное Я» и отсутствие самохарактеристик, отражающих проблемную идентичность, можно объяснить тем, что на самоосознание данной категории респондентов оказывает влияние реабилитационный процесс.

Незначительное количество ответов в категории «Перспективное Я» свидетельствует о сложности личности с зависимой структурой в осознании своих намерений и стремлений.

Чем выше способность личности к рефлексии, тем более зрелой она является [19], а значит, тем в большей степени она близка к статусу достигнутой идентичности. Мы можем предполагать, что незначительное количество рефлексивных характеристик в выборке респондентов с зависимостью от психоактивных веществ обусловлено диффузным статусом их эго-идентичности. Данное предположение соотносится с результатами исследования И. В. Запесоцкой, В. Б. Никишиной, А. И. Ахметзяновой, констатировавших, что, как правило, зависимой личности свойственен диффузный статус идентичности [5]. Зависимая личность отличается сниженной осмысленностью своего Я, ригидностью Я-концепции, недостаточностью рефлексивных механизмов.

Таким образом, идентификационные характеристики и показатели самооценки респондентов с зависимостью от психоактивных веществ дают основания судить о том, что для респондентов с зависимой структурой чаще всего характерен статус диффузной идентичности.

Преобладание диффузной идентичности говорит о том, что зависимые от психоактивных веществ люди не имеют устоявшихся ценностных ориентаций, планов на будущее, мировоззренческих установок, не пытаются формировать их. В связи с отсутствием четкого чувства идентичности такие лица обычно пессимистично настроены. В силу размытости своего «Я» они утрачивают ощущение временной непрерывности и целостности своей личности, чувство жизненной наполненности, что в целом ведет к самоотчуждению, потере уверенности и интереса к себе. В решении задачи по обретению идентичности они, как правило, мало успешны, так как либо еще не прошли через кризис идентичности, либо никогда не находились в таком состоянии.

Таким образом, исходя из анализа полученных данных, можно сделать вывод, что для большинства лиц с зависимостью от психоактивных веществ характерен статус диффузной идентичности, связанный с отсутствием ощущения временной непрерывности и целостности, утратой чувства жизненной наполненности. Данное положение подтверждает имеющиеся в литературе описания особенностей зависимой личности, для которой характерна сниженная способность к рефлексии, сложность целеполагания, вплоть до отсутствия целей, а также труд-

ности в социальной адаптации, что приводит к утрате ощущения идентичности. Характеристики эго-идентичности респондентов, зависимых от психоактивных веществ, в сравнении с респондентами, не имеющими такой зависимости, отличаются большей незрелостью, самоотчужденностью, ригидностью, что соответствует диффузному статусу идентичности.

Список литературы

1. Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1995. С. 131–143.
2. Винограденко Г. Г. Понятие идентичности: интерпретационный анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18 (272). Философия. Социология. Культурология. Вып. 25. С. 104–107.
3. Джей Мэг Важные годы. Почему не стоит откладывать жизнь на потом / Мэг Джей ; пер. с англ. Н. Яцюк. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 320 с.
4. Дьяков Д. Г., Жук Н. Н., Малаховская Е. С. Самоидентификация у лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ разного типа: компаративный анализ // СПЖ. 2016. № 59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoidentifikatsiya-u-lits-stradayuschih-psihicheskimi-rassstroystvami-svyazannymi-s-upotrebleniem-psihoaktivnyh-veschestv-raznogo-tipa> (дата обращения: 23.01.2019).
5. Запесоцкая И. В., Никишина В. Б., Ахметзянова А. И. Диссоциативные механизмы нарушения личностной идентичности при наркотической зависимости // Неврологический вестник. 2015. № 2. С. 34–41.
6. Зенцова Н. И. Специфические особенности самосознания («Я-концепции») как одна из составляющих синдрома комплекса психологических нарушений при зависимостях от психоактивных веществ // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsificheskie-osobennosti-samosoznaniya-ya-kontseptsii-kak-odna-iz-sostavlyayuschih-sindromokompleksa-psihologicheskikh-narusheniy-pri-zavisimostyah-ot-psihoaktivnyh-veschestv> (дата обращения: 03.02.2019).
7. Камалдинов Д. О., Киселева Л. Т., Овчинников А. А. Нарушение формирования идентичности как фактор развития аддиктивного поведения // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 1999. № 2–3. С. 60–62.
8. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск : Олсиб, 2001. 257 с.
9. Крылова Н. В., Шнейдер Л. Б. Утрата личностной идентичности у молодежи и подростков, зависимых от алкоголя и наркотиков // Актуальные проблемы психологического знания. 2011. № 1. С. 69–79.
10. Кун М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартленд // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 180–187.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
12. Линтон Р. Личность, культура и общество // Вопросы социальной теории. 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 175–190.
13. Петракова А. С. Реализация процессов идентификации личности в условиях функционирования социальных систем // Вестник Вятского государственного университета, 2018. № 1. С. 26–31.
14. Петраш Е. А. Нарушение социальной идентичности при зависимости от курительных смесей // Человек и его здоровье. 2015. № 1. С. 125–129.
15. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира / С. Л. Рубинштейн. М. : АН СССР, 1957. 330 с.
16. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб., 2006. С. 82–103.
17. Румянцева Т. В. Трансформация идентичности студентов медицинского вуза в меняющихся социальных условиях : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Т. В. Румянцева. Ярославль, 2005. 28 с.
18. Солдатова Е. Л. Эго-идентичность в нормативных кризисах взрослости // Вопросы психологии / Е. Л. Солдатова. 2006. № 5. С. 74–84.
19. Солдатова Е. Л., Шляпникова И. А. Эго-идентичность как системообразующий фактор формирования личностной зрелости // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2010. № 27 (203).
20. Чернышева А. В. Деформация структуры социальной идентичности как фактор риска формирования алкогольной зависимости // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. 2012. № 2. С. 107–113.
21. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М. : Московский психолого-социальный институт, 2007. 128 с.
22. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М. : Прогресс, 1996. 344 с.
23. Erikson E. H. Identity and Life Cycle. New York : Norton, 1980.
24. Marcia J. E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N. Y. : John Wiley, 1980.

Features of ego-identity in persons addicted to psychoactive substances

N. A. Suvorova

psychologist, Rehabilitation Center "On Kazanskaya street", master's student at the Department of psychology, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: nat_suvorova@mail.ru

Abstract. The problem of ego-identity in the modern world is becoming increasingly important due to the increase in the set of statuses and roles of the individual, as well as due to the increasing importance of the achieved positive identity for the successful life and preservation of psychological health. As the number of new "Selves" increases, the risk of losing their authenticity and integration increases. The potential risks of ego identity disorders include excessive use of psychoactive substances. The article presents the results of the study of the features of ego-identity in persons addicted to psychoactive substances. The theoretical and methodological basis of the research is the E. Erickson's concept of ego-identity and the J. Marcia's concept of ego-identity status. Methods were applied: "Who am I?" by M. Kuhn, T. Mcpartland; methods of research of personal identity ("MRPI") by L. B. Schneider. The respondents were: 1) individuals with the syndrome of dependence on psychoactive substances (n = 71); 2) individuals without the syndrome of dependence on psychoactive substances (n = 69). The article presents data on the features of the identification characteristics of substance-dependent persons in comparison with the identification characteristics of the group of healthy respondents. Also according to the results of the technique "Who am I?" the features of self-assessment of dependent persons according to the method proposed by T. V. Rumyantseva in the adaptation of the M. Kuhn, T. Mcpartland test are described. The study showed that the majority of dependent persons are characterized by the status of diffuse identity, which is characterized by reduced meaningfulness of their "Self", their blurring, loss of interest in themselves, self-alienation, lack of clear goals and beliefs, loss of temporal continuity and integrity of their personality, lack of a sense of fullness of life.

Keywords: ego-identity, ego-identity status, diffuse identity, addiction to psychoactive substances.

References

1. Antonova N. V. *Problema lichnostnoj identichnosti v interpretacii sovremennogo psihoanaliza, interakcionizma i kognitivnoj psihologii* [Problem of personal identity in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology] // *Voprosy psihologii – Issues of psychology*. 1995. Pp. 131–143.
2. Vinogradenko G. G. *Ponyatie identichnosti: interpretacionnyj analiz* [Concept of identity: a hermeneutic analysis] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of the Chelyabinsk State University*. 2012. No. 18 (272). *Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya – Philosophy. Sociology. Culturology*. Issue 25. Pp. 104–107.
3. Jay Meg *Vazhnye gody. Pochemu ne stoit otkladyvat' zhizn' na potom* [Important years. Why should not you put off life for later] / Meg Jay; transl. from English by N. Yacyuk. M. Mann, Ivanov and Ferber. 2014. 320 p.
4. D'yakov D. G., Zhuk N. N., Malahovskaya E. S. *Samoidentifikaciya u lic, stradayushchih psichicheskimi rasstrojstvami, svyazannymi s upotrebleniem psihoaktivnyh veshchestv raznogo tipa: komparativnyj analiz* [Self-identification of persons suffering from mental disorders associated with the use of psychoactive substances of different types: comparative analysis] // *SPZh – Siberian psychological journal*. 2016. No. 59. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoidentifikatsiya-u-lits-stradayushchih-psichicheskimi-rasstrojstvami-svyazannymi-s-upotrebleniem-psihoaktivnyh-veshchestv-raznogo> (date accessed: 23.01.2019).
5. Zapesockaya I. V., Nikishina V. B., Ahmetzyanova A. I. *Dissociativnye mekhanizmy narusheniya lichnostnoj identichnosti pri narkoticheskoy zavisimosti* [Dissociative mechanisms of violation of personal identity in drug addiction] // *Nevrologicheskij vestnik – Neurological Herald*. 2015. No. 2. Pp. 34–41.
6. Zencova N. I. *Specificheskie osobennosti samosoznaniya ("Ya-koncepcii") kak odna iz sostavlyayushchih sindromokompleksa psihologicheskikh narushenij pri zavisimostyah ot psihoaktivnyh veshchestv* [Specific features of self-consciousness ("I-concept") as one of the components of the syndrome of psychological disorders in dependence on psychoactive substances] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*. 2012. No. 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsificheskie-osobennosti-samosoznaniya-ya-kontseptsii-kak-odna-iz-sostavlyayushchih-sindromokompleksa-psihologicheskikh-narushe-niy> (date accessed: 03.02.2019).
7. Kamaldinov D. O., Kiseleva L. T., Ovchinnikov A. A. *Narushenie formirovaniya identichnosti kak faktor razvitiya addiktivnogo povedeniya* [Violation of identity formation as a factor of addictive behavior development] // *Sibirskij vestnik psihiatrii i narkologii – Siberian Herald of psychiatry and narcology*. 1999. No. 2–3. Pp. 60–62.
8. Korolenko C. P., Dmitrieva N. V. *Psihosocial'naya addiktologiya* [Psychosocial addictology]. Novosibirsk. Olsib. 2001. 257 p.
9. Krylova N. V., Shnejder L. B. *Utrata lichnostnoj identichnosti u molodezhi i podrostkov, zavisimyh ot alkogolya i narkotikov* [Loss of personal identity of young people and adolescents dependent on alcohol and drugs] // *Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya – Actual problems of psychological knowledge*. 2011. No. 1. Pp. 69–79.

10. Kun M. *Empiricheskoe issledovanie ustanovok lichnosti na sebya* [Empirical research of attitudes of the person on himself] / M. Kun, T. McPartland // *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psihologiya. Teksty – Modern foreign social psychology. Texts* / under the editorship of G. M. Andreeva, N. N. Bogomolova, L. A. Petrovskaya. M. Moscow University. 1984. Pp. 180–187.
11. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. M. Politizdat. 1975. 304 p.
12. Linton R. *Lichnost', kul'tura i obshchestvo* [Personality, culture and society] // *Voprosy social'noj teorii – Questions of social theory*. 2007. Vol. 1. Issue 1. Pp. 175–190.
13. Petrakova A. S. *Realizatsiya processov identifikatsii lichnosti v usloviyah funkcionirovaniya social'nyh sistem* [Realization of processes of identification of the person in the conditions of functioning of social systems] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2018. No. 1. Pp. 26–31.
14. Petrash E. A. *Narushenie social'noj identichnosti pri zavisimosti ot kuritel'nyh smesey* [Violation of social identity under dependence from smoking mixtures] // *Chelovek i ego zdorov'e – Man and his health*. 2015. No. 1. Pp. 125–129.
15. Rubinshtejn S. L. *Bytie i soznanie: o meste psicheskogo vo vseobshchej vzaimosvyazi yavlenij material'nogo mira* [Being and consciousness: on the place of the psychic in the universal interconnection of the phenomena of the material world] / S. L. Rubinstein. M. AS SSSR. 1957. 330 p.
16. Rumyanceva T. V. *Psihologicheskoe konsul'tirovanie: diagnostika otnoshenij v pare* [Psychological counselling: diagnostics of couple relationships]. SPb. 2006. Pp. 82–103.
17. Rumyanceva T. V. *Transformatsiya identichnosti studentov medicinskogo vuza v menyayushchihsya social'nyh usloviyah : avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Transformation of identity of medical university students in changing social conditions : abstr. dis. ... PhD of Psychol. Sciences] / T. V. Rumyantseva. Yaroslavl. 2005. 28 p.
18. Soldatova E. L. *Ego-identichnost' v normativnykh krizisakh vzroslosti* [Ego-identity in normative crises of adulthood] // *Voprosy psihologii – Questions of psychology* / E. L. Soldatova. 2006. No. 5. Pp. 74–84.
19. Soldatova E. L., Shlyapnikova I. A. *Ego-identichnost' kak sistemoobrazuyushchij faktor formirovaniya lichnostnoj zrelosti* [Ego-identity as a system-forming factor in the formation of personal maturity] // *Vestnik YurGU. Seriya "Psihologiya" – Herald of SUSU. Series "Psychology"*. 2010. No. 27 (203).
20. Chernysheva A. V. *Deformatsiya struktury social'noj identichnosti kak faktor riska formirovaniya alkogol'noj zavisimosti* [Deformation of the structure of social identity as a risk factor for the formation of alcohol dependence] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova. Pedagogika i psihologiya – Herald of the Moscow State Humanitarian University n.a. M. A. Sholokhov. Pedagogy and psychology*. 2012. No. 2. Pp. 107–113.
21. Shnejder L. B. *Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki* [Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnosis]. M. Moscow Psychological and Social Institute. 2007. 128 p.
22. Erickson E. [Identity: youth and crisis : transl. from English] / general ed. and foreword by A. V. Tolstykh. M. Progress. 1996. 344 p.
23. Erikson E. H. *Identity and Life Cycle*. New York. Norton. 1980.
24. Marcia J. E. *Identity in adolescence* // Adelson J. (ed.) *Handbook of adolescent psychology*. N. Y. John Wiley. 1980.

Психолого-педагогические и методические основы формирования утверждения и отрицания у детей раннего возраста: история и современное состояние проблемы

Petru Jelescu¹, Диана Толоченко²

¹доктор habilitat психологии, профессор, Кишиневский ГПУ им. Иона Крянгэ.

Молдова, г. Кишинев. E-mail: jelescupetru@yahoo.com

²доктор психологии, старший преподаватель, Тираспольский госуниверситет (ТГУ).

Молдова, г. Кишинев. E-mail: Diana7708@list.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является рассмотрение психолого-педагогических и методических основ формирования утверждения и отрицания у детей раннего возраста. Основные задачи: опираясь на русскоязычную научную психолого-педагогическую и методическую литературу, а также частично на румынскую/молдавскую, проанализировать основные взгляды на трактовку формирования утверждения и отрицания у детей раннего возраста; установить методы, приемы, применяемые для достижения этой цели; констатировать, были ли установлены главные условия формирования утверждения и отрицания у детей раннего возраста; понять, в чем заключается проблема научного исследования формирования утверждения и отрицания у детей раннего возраста на современном этапе. Для решения этих задач были использованы такие методы, как научный исторический анализ и синтез, обобщение и абстрагирование, индукция и дедукция. В результате проведения данной работы, представлен вывод о том, что, к сожалению, в психолого-педагогической и методической литературе отсутствуют какие-либо методы, приемы по формированию утверждения и отрицания у детей раннего возраста в качестве мыслительных действий и что в этом смысле была совершенно права Е. И. Тихеева, когда упрекала воспитателей детских садов в том, что с детьми не проводят работу по определению того, что представляет собой тот или иной предмет, чем он является, *есть* и, одновременно, чем он не является, *не есть*.

Ключевые слова: дети раннего возраста, формирование утверждения, формирование отрицания, психолого-педагогические основы формирования утверждения и отрицания, методические основы формирования утверждения и отрицания, история и современное состояние проблемы формирования утверждения и отрицания.

Данная статья является логическим продолжением работы «Некоторые подходы к изучению утверждения и отрицания в истории возрастной психологии» [22], в которой мы проанализировали имеющиеся концепции утверждения и отрицания в возрастной психологии: бихевиористское понимание утверждения и отрицания и их развития, психоаналитическое толкование утверждения и отрицания и их развития, операциональная концепция развития утверждения и отрицания, социально-прагматическая трактовка развития утверждения и отрицания.

Основоположником методики первоначального обучения детей русскому языку являлся К. Д. Ушинский, который отмечал, что родному языку принадлежит центральная роль в формировании человека: «Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множества мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка, и усваивает легко и скоро, в 2-3 года, столько, что половины того не может усвоить в двадцать лет прилежного и методического учения» [17, с. 560]. К. Д. Ушинский рекомендовал разнообразные методы развития речи и мышления. Среди них: наблюдение природы, рассматривание картинок, рассказы по картинкам и др. Он также обосновывал принципиальную важность в обучении и воспитании устного народного творчества [1, с. 14–16].

В ту же пору в молдавской (румынской) школе основателем нового фонетического аналитико-синтетического метода обучения грамоте являлся Ion Creangă (Ион Крянгэ) [21]. В 1863–1864 гг. он разработал и использовал эвристический (сократовский) метод добывания учениками новых знаний, формирования понятий, суждений, умозаключений [21; 19, с. 431]. Он применял интерактивные методы обучения и очень искусно, непринужденно, лег-

ко, с юмором и гуманно воспитывал своих питомцев. Приведем пример эвристической беседы Iona Creangă, применяемой в начальных классах при формировании понятия о кошке: видели ли вы кошку? сколько ножек у кошки? сколько крыльев у кошки? что ест кошка? кошка питается сеном? может кошка кудахтать? может кошка летать? и т. д. и т. п.

Таким образом, как в России, так и в Молдавии (Румынии) еще в 60-х годах XIX столетия стали применять новые методы обучения и воспитания, основанные на мыслительной деятельности детей, о чем так много пишут сегодня в нашей педагогической литературе.

После Ушинского в России, а затем в Советском Союзе важные исследования по развитию речи и мышления детей были проведены многими методистами, педагогами, психологами. Так, в 1934 году была опубликована фундаментальная работа Л. С. Выготского «Мышление и речь», в которой, как известно, он подвел итоги своего научного творчества, а также своих сотрудников и одновременно наметил новые перспективы [4]. Эта работа представляет собой психологическое исследование одного из труднейших, запутаннейших и сложнейших вопросов экспериментальной психологии – вопроса о мышлении и речи [там же, с. 6]. Основной факт, с которым столкнулся Л. С. Выготский при генетическом рассмотрении мышления и речи, состоит в том, что «отношение между этими процессами не постоянное», что оно – «величина переменная» [там же, с. 89]. Это верно, констатирует автор, как в отношении филогенеза, так и онтогенеза [там же]. «Но самое важное, – пишет далее Л. С. Выготский, – что мы знаем о развитии мышления и речи у ребенка, заключается в следующем: в известный момент, приходящийся на ранний возраст (около двух лет), линии развития мышления и речи, которые до сих пор шли отдельно, перекрещиваются, совпадают и дают начало совершенно новой форме поведения, столь характерной для человека» [там же, с. 103]. Это – «переломный момент, начиная с которого речь становится интеллектуальной, а мышление речевым» [там же]. «Вместе с этим, – заключает Л. С. Выготский, – мы подходим к формулировке основного положения всей нашей работы, положения, имеющего в высшей степени важное методологическое значение для всей постановки проблемы. Этот вывод вытекает из сопоставления развития внутренней речи и речевого мышления с развитием речи и интеллекта, как оно шло в животном мире и в самом раннем детстве по особым, отдельным линиям. Сопоставление это показывает, что одно развитие является не просто прямым продолжением другого, но что изменился и самый тип развития – с биологического на общественно-исторический» [там же]. На этой основе Л. С. Выготский и Л. С. Сахаров изучили роль слова как психологического орудия, опосредствующего процесс обучения и формирования понятий у детей, подростков и взрослых. Они показали, что понятия, значения слов не являются неизменными, а проходят в своем развитии ряд ступеней, каждая из которых снова распадается на несколько отдельных этапов или фаз [там же, с. 136]. Первая ступень, характерная для детей раннего возраста, – синкретические образы, предполагающие «диффузное, ненаправленное распространение слова или замещающего его знака на ряд внешне связанных во впечатлении ребенка, но внутренне не объединенных между собой элементов» [там же]. Вторая ступень – мышление ребенка в комплексах, в основе которого лежат объективные связи, действительно существующие между этими предметами [там же, с. 139]. Третья ступень в развитии мышления, требующая выделения и абстрагирования, подразделяется на три стадии: абстрагирование целой, недостаточно расчлененной внутри себя группы признаков; потенциальные понятия, формулируемые на основе изолирующей абстракции; истинные житейские понятия, характерные для подросткового возраста [там же, с. 168–184].

Л. С. Выготский и Ж. И. Шиф исследовали также развитие научных понятий в школьном возрасте, что имеет существенное значение для практики обучения и воспитания в соответствующем периоде [там же, с. 184–294].

В 20-30 гг. XX столетия крупный педагог-методист в области раннего и дошкольного воспитания Е. И. Тихеева писала, что «нет педагогической задачи, которая могла бы быть обособлена от языка и которая в силу этого не могла бы быть использована в интересах его развития» [16, с. 6]. На вопрос о том, что значит владеть всеми видами и процессами речи, она отвечает: «Значит, владеть могущественным орудием умственного развития человека, а стало быть, и культуры человечества» [там же]. Е. И. Тихеева ставила перед детским садом актуальную и сложную задачу – «создать условия для интенсивного развития всех способностей детей, в том числе способность владеть речью» [там же]. Развитие речи рассматривается ею прежде всего в неразрывной связи с сенсорным воспитанием: «Язык ребенка развивается наглядным путем, и только среди вещественного мира каждое новое слово будет становиться

достоянием ребенка, в связи с ясным конкретным представлением» [там же, с. 9]. Поэтому «вещь и слово должны предлагаться детскому уму одновременно, однако на первом месте вещь как предмет познания и речи» [там же, с. 7]. Е. И. Тихеева одобряет слова Я. А. Коменского, который писал: «Вещь есть сущность, а слово нечто случайное, вещь – это тело, а слово – одежда, вещь – зерно, слово – кора и шелуха. Следовательно, то и другое нужно предоставлять человеческому уму одновременно, но сперва вещь – как объект, не только познания, но и речи» [там же, с. 25]. Е. И. Тихеева предлагает организовать такую игровую обстановку, которая питала бы деятельность, представления и речь детей: «С предметами, представленными в игре, ребенок проходит в частое повторное общение, вследствие чего они легко воспринимаются, запечатлеваются в мозгу. Каждый предмет имеет свое имя, каждому действию присущ свой глагол» [там же, с. 8]. В методике Тихеевой разнообразие занятий по развитию речи обеспечивается, прежде всего, проведением игр-занятий с предметами окружающей жизни и игрушками. Автор описывает множество методов, которые впоследствии стали классическими и которые применяются до сегодняшнего дня в методике развития речи детей: название, описание предмета, сравнение предметов, составление и отгадывание загадок о предмете, нахождение игрушек по стишку, составление фраз, составление небольших рассказов, беседа по картинкам и другие.

В числе основных требований к занятиям по развитию речи Е. И. Тихеева выдвигает их связь с интересами и опытом детей, живое их проведение, возможность двигаться и экспериментировать [там же]. Автор обоснованно упрекает воспитателей, которые не делают различия между предметами, т. е. не указывают на то, что данный предмет «есть», и одновременно на то, чем он не является, «не есть». Она приводит следующий пример. Педагог предлагает детям раннего возраста осмотреть помещение: «Давайте, дети, погуляем по нашему детскому саду, рассмотрим, какая здесь мебель. Вот наш шкаф с игрушками». Дети подхватывают, разбегаются по комнате: «Вот стол, еще стол, вот стул, еще стул» (показывают на креслице). «Дети, разве это стул? Вот стул, у стула нет ручек, а здесь ручки. Это не стул, что это?» Дети молчат. Слово *кресло* им неизвестно. Почему? В учреждении есть и кресла, и стулья. Да потому, что сама воспитательница не делает между этими двумя предметами никакого различия, подводит под общее слово стульчик, нарушает основное требование – добиться точности восприятия и слова [там же, с. 57–58].

В 40-50 гг. XX столетия свою лепту в становлении методики развития речи у детей дошкольного возраста внесли Е. И. Роднина, Л. А. Пенъевская, А. М. Леушина, О. И. Соловьева, Р. И. Жуковская, которые разработали методику детской разговорной речи, раскрыли общие вопросы руководства беседой, выдвинули психологически обоснованные правила построения, систематизировали приемы обучения [1, с. 22–23].

В 50-60 гг. XX столетия много внимания было уделено такому разделу в работе по развитию речи, как формирование грамматически правильной речи. В этом помогли замечательные труды лингвиста А. Н. Гвоздева и всемирно известного психолингвиста Т. Slama-Cazacu. А. Н. Гвоздев обобщил последовательность усвоения грамматических форм ребенком дошкольного возраста [5]. Автор утверждал, что к концу раннего детства ребенок овладевает почти всеми синтаксическими конструкциями, которые есть в языке. Это возможно благодаря тому, что такая ориентация включена в ткань общения [там же, с. 466–467].

Вопрос об отношении между мышлением и речью в онтогенетическом развитии ребенка был изучен и описан в работе Т. Slama-Cazacu «Relațiile dintre gândire și limbaj în ontogeneză» («Отношения между мышлением и речью в онтогенезе», 1957) [26], которая, как и «Диалог у детей» (1961) [24], была высоко оценена Ж. Piaget. Автором были изучены специфика и значение ассоциации слов, развитие смысла слов, развитие и применение некоторых понятий высшей степени обобщения, специфика мышления детей, лексические, грамматические и стилистические особенности разговорной речи детей. Освоение языка, по мнению автора, в значительной мере основывается на «подражании», но это вовсе не означает, что с первого обращения ребенка к языку он «запечатлевает» его правильно и полностью в сознании [26, с. 478]. Ребенок является «отбирающим эхом»: из множества предложений, слов и фонем, которые он слышит, он схватывает – и, вероятно, даже «воспринимает» – лишь часть. Ребенок осваивает язык активным образом, выбирает средства, выражения, слова, грамматическую структуру, усваивая в первую очередь то, что ему более необходимо, т. е. полезнее и в то же время легче, что предлагает невысокую степень обобщения, основанного на абстрагировании [там же]. Отличительные свойства мышления ребенка и одновременно его опыта и эмоцио-

нальности определяют необходимость отбора среди возможных словесных ассоциаций, устанавливают иерархию ассоциаций на основе познавательной иерархии, где преобладает, особенно у детей раннего возраста, несущественное, частное, неспецифическое и т. п. (может быть, правильнее было бы сказать, что действительная иерархия различных степеней «существенности» еще не развилась, а в некоторых случаях, даже перевернута) [там же]. Задача педагога, указывает автор, состоит в том, чтобы развивать речь у детей в практической деятельности и в постоянной связи с конкретной действительностью [там же, с. 479], независимо от применяемого метода необходимо развивать мышление и речь во взаимном проникновении, в постоянной связи, с учетом присущей ей специфической особенности [там же]. Процесс освоения значения слов следует рассматривать как процесс развития значения, а воспитательная деятельность должна непременно направлять этот процесс [там же, с. 473].

В 60-70 гг. XX столетия были разработаны методики изучения фонематического восприятия детей (Д. Б. Эльконин, Л. Е. Журова, Ф. А. Сохин), были конкретизированы вопросы словарной работы (Г. М. Лямина, В. В. Гербова).

Как подчеркивает Д. Б. Эльконин, нет ничего более тонкого, чем речь в качестве орудия, так как основные свойства этого орудия представлены в звуковой материи языка. Причем нет такого орудия, которое бы так часто употреблялось, как слово [18, с. 103–137]. Интенсивное развитие речи в раннем возрасте свидетельствует о том, что речь, по мнению Д. Б. Эльконина, надо рассматривать не как функцию, а как особый предмет, которым ребенок овладевает так же, как он овладевает другими орудиями (ложкой, карандашом и пр.). Развитие речи – это «веточка» в развитии самостоятельной предметной деятельности [там же].

Развитие детской речи было изучено также в связи с проблемами их умственного воспитания (работы Н. Ф. Виноградовой, А. К. Бондаренко и др.). А. М. Бородич в своей работе впервые предприняла попытку систематизации материала по развитию речи, имеющегося в практике работы детских садов, а также опубликованного в педагогической литературе [1].

М. М. Кольцова в работе «Ребенок учится говорить» (1973) указывает, что для усвоения названия предмета детьми раннего возраста большое значение имеют действия с ним [8]. В результате проведенных экспериментальных исследований, она доказала, что все дети экспериментальной группы во много раз быстрее усваивают название предмета, если действовали с ним, чем в случае, когда они только слышали и произносили название этого предмета, как это было в случае с детьми контрольной группы. Из этих опытов автор заключает, что для того, чтобы слово-название стало словом-понятием, на него надо выработать большое число условных двигательных связей [там же, с. 58].

Большой вклад в исследовании развития общения и психики в целом у детей раннего и дошкольного возрастов внесла М. И. Лисина, ее сотрудники и аспиранты, руководимой ею лаборатории (Е. О. Смирнова, А. Г. Рузская, Н. Н. Авдеева, М. Г. Елагина, Л. Н. Галигузова, Д. Б. Годовикова, С. Ю. Мещерякова, Г. Х. Мазитова, В. В. Ветрова, A. Bolboceanu, I. Racu; S. Cornițcaia; A. Silvestru, R. Tereșciuc, G. Carcelea и др.) [9; 10; 11; 12]. Обобщив результаты собственных исследований, а также своих сотрудников, аспирантов и др., М. И. Лисина разработала концепцию общения как деятельности, дала его определение, показала его структуру, функции, средства, генезис, формы, роль и др. В частности, М. И. Лисина выделила четыре формы общения, сменяющие друг друга на протяжении первых семи лет жизни: ситуативно-личностное (характерное для детей первого полугодия жизни), ситуативно-деловое (свойственное детям от 6 мес. до 3 лет, главной особенностью которого является его протекание в форме практического взаимодействия ребенка с взрослым, его связи с этим взаимодействием, опосредованного употреблением предмета или игровыми действиями), внеситуативно-познавательное (проявляющееся в возрасте от 3 до 5 лет и состоящее в совместном речевом обсуждении с взрослым событий, явлений и взаимоотношений в предметном мире), внеситуативно-личностное (развертывающееся в 6-7 лет, служащее целям познания социального мира людей, а потому являющееся высшей формой коммуникативной деятельности, наблюдаемой в дошкольном детстве).

А. Г. Рузская показала, что важное значение для возникновения речи имеет эмоциональный контакт детей с взрослыми [15]. Такой контакт помогает ребенку принять требование взрослого к овладению речи и создает условия для дальнейшего успешного решения задач на усвоение слова.

В. В. Ветрова выяснила роль, которую играет в возникновении у детей первых слов речевой образец, произносимый взрослым и услышанный ребенком [2]. Она установила, что

прослушивание речи, записанной на магнитофонной ленте, имело положительный эффект, если ребенок мог видеть взрослого, который вместе с ним слушал магнитофонную запись и наблюдал за малышом, если у ребенка уже сформировалась практическая необходимость в понимании и произнесении речи для целей общения.

Процесс порождения первых слов ребенка раннего возраста исследовался М. Г. Елагинной [7]. Суть ее экспериментальной ситуации заключалась в том, чтобы вызвать у ребенка активное использование определенного слова в качестве единственного адекватного средства общения с взрослым. На основе фиксации поведения детей и их зрительных реакций М. Г. Елагина выделила три основных этапа, каждый из которых имеет свой смысловой центр для ребенка. Первый этап отличается прежде всего тем, что основной объект активности ребенка – предмет. Ребенок смотрит на игрушку, устремляется к ней всем телом, протягивает к ней ручки. Выражение его лица чаще всего недовольное, поскольку желание завладеть предметом остается неудовлетворенным. Обильные предречевые вокализации окрашены интонациями требования, нередко дети похныкивают. В сфере речевых проявлений преобладает слово «дай», часто сливающееся в поток слогов «да-да-да» с дальнейшей утерей речевой формы. Слово, произносимое взрослым, остается без внимания. Только у некоторых детей оно тормозит двигательную активность или вызывает временную переориентировку на взрослого. Общая аффективная окраска поведения интенсивна, ее точнее всего можно охарактеризовать как нетерпение. На втором этапе внимание детей сосредоточено почти исключительно на взрослом человеке. В это время движений у ребенка почти нет или он ограничивается указанием на предмет. Лицо спокойное или улыбающееся. Усложняется речевая продукция: жесты часто сопровождаются протяжным звуком, возникает лепетное говорение, произносится в нескольких модификациях слово «дай», появляются посторонние ситуации слова, речь ребенка громкая, отчетливая. Слова, произносимые взрослым, усиливают внимание ребенка к нему и к его артикуляциям. Отношение к ситуации эксперимента весьма своеобразно и сложно. И, наконец, наступает третий этап, когда главным объектом ориентировки ребенка становится слово – наименование игрушки. В этот период движения, направленные на предмет, отсутствуют или исчерпываются указательным жестом. Выражение лица спокойное и улыбающееся. В голосовой продукции преобладают речевые формы, чаще всего произносится требуемое слово, хотя дети говорят негромко. Отмечается повышенный интерес к слову взрослого, при затруднениях – напряженное внимание к артикуляционным движениям взрослого. В поведении преобладают сосредоточенность, целеустремленное внимание. Ребенок теряет всепоглощающий интерес к предмету и старается подключить взрослого к своим действиям с игрушкой или же просит возобновить ситуацию эксперимента.

В своей монографии «Развитие мышления в раннем возрасте» (1978) С. Л. Новоселова представляет генетический анализ развития мышления на ранних возрастных этапах (до трех лет) [13]. В результате проведенного экспериментального исследования решения практических задач детьми раннего возраста были вскрыты следующие особенности их наглядно-действенного мышления: решающим в овладении ребенком предметно-опосредованным способом действия является переключение акцента субъективной значимости цели деятельности на средство ее достижения [там же, с. 67]; ситуационное поле воспринимается ребенком в процессе решения задачи не как статичная структура, а в динамике предметных перемещений, вызванных его действиями, что ведет к необходимому уточнению и обогащению восприятия [там же]; решение практической задачи осуществляется ребенком в процессе ситуационно-детерминированных действий, развивающихся в единстве с процессуально-динамичным восприятием поля (объекта) деятельности [там же]; при решении практических орудийных задач у ребенка складывается опыт деятельности, который представлен соответствующими способами действия, является формой обобщения практического опыта ребенка и как таковой опосредствует решение практических задач [там же]; опыт, фиксированный в способе действия, представляет собой фундамент будущей абстракции в знаке [там же]. Для формирования мышления в раннем возрасте, указывает Л. С. Новоселова в конце своей работы, необходимо разрабатывать систему занятий, которая позволила бы познакомить детей со способами предметных действий и общения и обеспечить присвоение этих способов детьми в процессе их собственной самостоятельной деятельности [там же, с. 146]. Причем формирование мышления в раннем возрасте нельзя понимать в качестве узкой задачи, решающей одну из сторон умственного воспитания ребенка. Задачи воспитания здесь значительно шире. Они состоят в том, чтобы поднять все

виды деятельности ребенка, и прежде всего такие главнейшие, как общение, предметная деятельность, игра, на уровень интеллектуальных по своему содержанию [там же].

Специальные занятия по развитию речи детей раннего возраста были разработаны и описаны К. А. Печорой, Г. В. Пантюхиной, Л. Г. Голубевой в работе «Дети раннего возраста в дошкольных учреждениях» (1986) [14]. Эти занятия включают в себя четыре этапа. Первый – это занятие с картинками с детьми от 11 месяцев до 1 года и 6 месяцев. Цель данного этапа заключалась в развитии умения узнавать изображения по слову взрослого на одной картинке. Затем по слову взрослого узнавать изображения на двух картинках. Потом ребенок по слову взрослого должен узнать изображение нескольких предметов, но хорошо знакомых ему. Второй этап был направлен на формирование умения дифференцировать изображения предметов, близких по своим внешним признакам, обобщать по слову взрослого однородные предметы. Третий этап заключался в узнавании изображения действий с предметами. Четвертый этап, который проводился с детьми от 1 года 6 месяцев до двух лет, был направлен на формирование умения узнавать изображения знакомых предметов.

M. S. Lavric в работе «Metodica dezvoltării vorbirii la preșcolari» (1992) («Методика развития речи у дошкольников») [23] систематизирует, обобщает и перечисляет все разработанные ранее методы и приемы развития речи у детей раннего и дошкольного возраста, отмечая, что основы развития речи закладываются до трех лет. В возрасте от одного до трех лет, пишет автор, основная задача состоит в тренировке речевого аппарата, в формировании фонетического слуха, правильного и четкого произношения звуков, тренировке речевого дыхания и интенсивности голоса, стимулировании желания ребенка имитировать экспрессивность речи взрослых.

S. Cemortan в книге «Metodica organizării activităților literar-artistice ale preșcolarilor» (1991) («Методика организации художественно-литературных занятий дошкольников») [20] пишет, что изучение художественных произведений способствует всестороннему развитию личности ребенка, в частности умственному развитию. В процессе ознакомления с художественным текстом развивается интеллект и речь ребенка [там же, с. 21]. Дети получают множество знаний о жизни общества, природы, о фольклоре и детской литературе. У них формируются определенные способности и элементарные приемы интеллектуальной деятельности – умение анализировать, сравнивать, обобщать и т. д. [там же]. Развитие речи у детей раннего возраста происходит одновременно с развитием их мышления. В этом возрасте развитие мышления и речи проходят путь от предмета и действия с ним к слову, которое обозначает его [там же, с. 23]. При рассматривании предмета и действия с ним для ребенка очень важно, чтобы он услышал и слово, которое ему соответствует [там же].

В работе «Воспитание детей раннего возраста» (1996) Е. О. Смирнова, Н. Н. Авдеева, Л. Н. Галигузова указывают, что в раннем возрасте решающее значение для психического развития ребенка имеет деловое общение [3]. Чтобы сформировать у ребенка осмысленные предметные действия, авторы предлагают следующие доступные способы: подражание, пассивные движения, демонстрацию образца, пояснения (словесная инструкция), самостоятельные действия ребенка [там же, с. 78–81]. В работе с детьми от одного года до трех лет они приводят следующие приемы для развития речи: совместное рассматривание предметов, чтение потешек, знакомство с новым словом, обозначающим действие, рассматривание картинок, поручения, требующие ответа-действия (найти, принести и т. д.), звуковое обозначение своих действий, речевое сопровождение действий, спектакль игрушки [там же, с. 82–89].

В своем фундаментальном труде «Psiholingvistica – o știință a comunicării» (1999) («Психоллингвистика – наука о коммуникации»), являющемся продолжением всех своих предыдущих известных работ, T. Slama-Cazacu дополняет и уточняет свою концепцию о взаимоотношении мышления и речи в процессе их онтогенетического развития [25]. Она пишет, что, с одной стороны, речь в процессе своего развития обладает определенными характеристиками благодаря мышлению, что специфика мышления у ребенка зависит от достигнутой стадии развития речи, а с другой стороны, связи между этими двумя процессами включают в себя определенные противоречия и даже расхождения. Данная проблема, отмечает автор, изучена еще недостаточно и не до конца обоснована не только теоретическими аргументами, но и конкретным фактическим материалом. Известный психоллингвист считает, что связи между мышлением и речью в онтогенезе должны быть рассмотрены в контексте развития психики ребенка в целом, особенно развития его сознания. Так как речь в своей естественной форме существует в диалоге, указывает автор, то связь между мышлением и речью необходимо изу-

чить сквозь призму перспективы динамики диалога. Этот факт должен быть учтен также в педагогической работе по развитию речи и мышления детей в онтогенезе.

Е. Данилова в «Методике развития речи детей раннего возраста» (2005) указывает на то, что развитие у детей данного возраста движений пальцев и кисти рук влияют на развитие речи у них, так как при этом индуктивно происходит возбуждение в речевых центрах мозга. В этой связи она предлагает упражнения на развитие мелкой моторики для детей от одного года до трех лет [6].

Выводы. Таким образом, в результате проведенного анализа можно установить, что в истории вопроса, касающегося психологических, педагогических и методических основ связи мышления и речи в раннем возрасте, содержится достаточно богатый материал о связи мышления и речи с предметной деятельностью детей этого возраста (Л. С. Выготский, Л. С. Сахаров, Ж. И. Шиф, С. Л. Новоселова, Т. Slama-Cazacu), с ситуативно-деловым общением и другими психическими процессами, состояниями, личностными качествами ребенка, его взаимоотношениями и взаимодействиями с взрослым и др. (Д. Б. Эльконин, М. И. Лисина, Е. О. Смирнова, А. Г. Рузская, Н. Н. Авдеева, М. Г. Елагина, Л. Н. Галигузова, Д. Б. Годовикова, С. Ю. Мещерякова, Г. Х. Мазитова, В. В. Ветрова, A. Bolboceanu, I. Racu; S. Cornițcaia; A. Silvestru, R. Tereșciuc, G. Carcelea и др.). Существует также много общих методов и приемов по развитию речи и мышления детей раннего и дошкольного возраста, их гармоничному воспитанию (К. А. Печора, Г. В. Пантюхина, Л. Г. Голубева, М. S. Lavric, S. Cemortan, Т. Slama-Cazacu, Е. Данилова).

Вместе с тем следует констатировать, что, к сожалению, отсутствуют какие-либо методы, приемы по формированию утверждения и отрицания у детей раннего возраста в качестве мыслительных действий, за исключением, пожалуй, эвристического метода Ion Creangă, применяемого им в работе с детьми младшего школьного возраста и описанного нами выше [21]. В этом смысле была совершенно права Е. И. Тихеева, когда упрекала воспитателей детских садов в том, что не проводят с детьми работу по определению того, что данный предмет представляет собой, чем он является, *есть*, и одновременно, чем он не является, *не есть* [16]. Этот пробел, в определенной мере, мы попытаемся восполнить в дальнейших наших научных исследованиях в результате организации и проведения соответствующего психолого-педагогического эксперимента по формированию утверждения и отрицания у детей раннего возраста, о котором мы сообщим в последующих материалах.

Список литературы

1. *Бородич А. М.* Методика развития речи детей. М. : Просвещение, 1974. 287 с.
2. *Ветрова В. В.* Влияние слышимой речи на предречевые вокализации детей раннего возраста. Новые исследования в психологии. Москва, 1973. № 1 (7). С. 41–43.
3. *Воспитание детей раннего возраста.* М. : Педагогика, 1996. 126 с.
4. *Выготский Л. С.* Мышление и речь : собр. соч. Т. 2. М. : Педагогика, 1982. С. 6–361.
5. *Гвоздев А. Н.* Вопросы изучения детской речи. М. : АПН РСФСР, 1961. 471 с.
6. *Данилова Е.* Методика развития речи детей раннего возраста. М., 2005. 78 с.
7. *Елагина М. Г.* Влияние потребностей практического сотрудничества с взрослым на развитие активной речи у детей раннего возраста // Развитие психики ребенка в общении со взрослыми и сверстниками. Москва, 1974. С. 114–137.
8. *Кольцова М. М.* Ребенок учится говорить. М. : Советская Россия, 1973. 160 с.
9. *Лисина М. И.* Формирование личности ребенка в общении. СПб. : Питер, 2009. 320 с.
10. *Лисина М. И.* Проблемы онтогенеза общения / Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. М. : Педагогика, 1986. 144 с.
11. *Лисина М. И., Запорожец А. В.* Развитие общения у дошкольников. М. : Педагогика, 1974. 288 с.
12. *Лисина М. И. и др.* Общение и речь. М. : Педагогика, 1985. 208 с.
13. *Новоселова С. Л.* Развитие мышления в раннем возрасте. М. : Педагогика, 1978. 160 с.
14. *Печора К. А., Пантюхина Г. В., Голубева Л. Г.* Дети раннего возраста в дошкольных учреждениях. М. : Просвещение, 1986. 144 с.
15. *Рузская А. Г.* Особенности общения детей 2–7 лет с посторонним и близким взрослым // Общение и его влияние на развитие психики дошкольника : сб. науч. труд. М. : НИИОП АПН ССР, 1974. С. 41–58.
16. *Тихеева Е. И.* Развитие речи детей раннего возраста. М. : Просвещение, 1972. 176 с.
17. *Ушинский К. Д.* Собр. соч. Т. 2. М.-Л. : АПН РСФСР, 1948. 656 с.
18. *Эльконин Д. Б.* Детская психология. М. : Госучпедиз, 1960. 328 с.
19. *Călinescu G.* Viața lui Mihai Eminescu. Ion Creangă. Viața și opera. Chișinău : Literatura artistică, 1989. 608 p.
20. *Cemortan S.* Metodica organizării activităților literar-artistice ale preșcolărilor. Chișinău : Lumina, 1991. 158 p.

21. Creangă Ion ș. a. Metodă nouă de scriere și cetire pentru uzul clasei I primară. Ediția a doua. Iași, 1868. 76 p.
22. Jelescu P., Толоченко Д. Некоторые подходы к изучению утверждения и отрицания в истории возрастной психологии // Вестник Вятского государственного университета». 2018. № 2. С. 78–85.
23. Lavric M. S. Metodica dezvoltării vorbirii la preșcolari. Chișinău : Lumina, 1992. 172 p.
24. Slama-Cazacu T. Dialogul la copii. București : ARPR, 1961.
25. Slama-Cazacu T. Psiholingvistica – o știință a comunicării. București : ALL, 1999.
26. Slama-Cazacu T. Relațiile dintre gândire și limbaj în ontogeneză. București : ARPR, 1957. 508 p.

Psychological-pedagogical and methodical bases of formation of the affirmation and denial at children of early age: history and current state of the problem

Petru Jelescu¹, Diana Tolochenko²

¹Doctor habilitate of Psychology, professor, Chisinau SPU n.a. Ion Creanga. Moldova, Chisinau. E-mail: jelescupetru@yahoo.com

²Doctor of Psychology, senior lecturer, Tiraspol State University (TSU). Moldova, Chisinau. E-mail: Diana7708@list.ru

Abstract. The purpose of this article is review of psycho-pedagogical and methodological basics of forming the affirmation and denial in children of early age. Main objectives: based on the Russian-language scientific psychological, pedagogical and methodological literature, as well as partly on the Romanian/Moldovan, analyze the basic views on the interpretation of the formation of affirmation and denial in young children; to establish methods, techniques used to achieve this goal; to state whether the main conditions for the formation of affirmation and denial in young children; to understand what is the problem of scientific investigation of the formation of affirmation and denial in young children at the present stage. To solve these problems, such methods as scientific historical analysis and synthesis, generalization and abstraction, induction and deduction were used. As a result of this work, we present the conclusion that, unfortunately, in psychological-pedagogical and methodical literature there are no methods, techniques for the formation of affirmation and denial that have young children as mental actions and in this sense E. I. Tiheeva was absolutely right, when she reproached for kindergarten teachers that children are not being worked on the definition of what constitutes a particular object, what it is, and, at the same time, what it is not.

Keywords: children of early age, formation of the approval, formation of denial, psychological and pedagogical bases of formation of the statement and denial, methodical bases of formation of the statement and denial, history and a modern condition of a problem of formation of the statement and denial.

References

1. Borodich A. M. *Metodika razvitiya rechi detej* [Methods of speech development of children]. M. Prosveshchenie. 1974. 287 p.
2. Vetrova V. V. *Vliyaniye slyshimoy rechi na predrechevye vokalizatsii detej rannego vozrasta. Novye issledovaniya v psikhologii* [Influence of audible speech on pre-speech vocalizations of young children. New research in psychology]. M. 1973. No. 1 (7). Pp. 41–43.
3. *Vospitanie detej rannego vozrasta* – Education of young children. M. Pedagogika. 1996. 126 p.
4. Vygotskiy L. S. *Myshlenie i rech' : sobr. soch. T. 2* [Thinking and speech]. Coll. works. Vol. 2. M. Pedagogika. 1982. Pp. 6–361.
5. Gvozdev A. N. *Voprosy izucheniya detskoj rechi* [Questions of study of children's speech]. M. APN RSFSR. 1961. 471 p.
6. Danilova E. *Metodika razvitiya rechi detej rannego vozrasta* [Methods of speech development in young children]. M. 2005. 78 p.
7. Elagina M. G. *Vliyaniye potrebnostej prakticheskogo sotrudnichestva s vzroslym na razvitie aktivnoj rechi u detej rannego vozrasta* [Influence of the needs of practical cooperation with adults on the development of active speech in young children] // *Razvitie psihiki rebenka v obshchenii so vzroslymi i sverstnikami* – Development of the child's psyche in communication with adults and peers. M. 1974. Pp. 114–137.
8. Kol'cova M. M. *Rebenok uchitsya govorit'* [The child learns to speak]. M. Soviet Russia. 1973. 160 p.
9. Lisina M. I. *Formirovaniye lichnosti rebenka v obshchenii* [Formation of the child's personality in communication]. SPb. Piter. 2009. 320 p.
10. Lisina M. I. *Problemy ontogeneza obshcheniya* [Problems of ontogenesis of communication] / *Nauch.-issled. in-t obshchej i pedagogicheskoj psikhologii Akad. ped. nauk SSSR* – Scientific and Research Institute of General and Pedagogical Psychology of Acad. of Ped. Sciences of USSR. M. Pedagogika. 1986. 144 p.

11. Lisina M. I., Zaporozhec A. V. *Razvitie obshcheniya u doshkol'nikov* [Development of communication in preschool children]. M. Pedagogika. 1974. 288 p.
12. Lisina M. I. et al. *Obshchenie i rech'* [Communication and speech]. M. Pedagogika. 1985. 208 p.
13. Novoselova S. L. *Razvitie myshleniya v rannem vovraste* [Development of thinking at an early age]. M. Pedagogika. 1978. 160 p.
14. Pechora K. A., Pantyuhina G. V., Golubeva L. G. *Deti rannego vovrasta v doshkol'nyh uchrezhdeniyah* [Young children in preschool]. M. Prosveshchenie. 1986. 144 p.
15. Ruzskaya A. G. *Osobennosti obshcheniya detej 2-7 let s postoronnim i blizkim vzroslym* [Peculiarities of communication between children of 2-7 years with adult strangers and close relative adults] // *Obshchenie i ego vliyanie na razvitie psihiki doshkol'nika : sb. nauch. trud. – Communication and its influence on the development of the psyche of a preschooler : coll. scient. works.* M. Research Institute of General Psychology of the Academy of Pedagogical Sciences of SSR. 1974. Pp. 41-58.
16. Tiheeva E. I. *Razvitie rechi detej rannego vovrasta* [Speech development of young children]. M. Prosveshchenie. 1972. 176 p.
17. Ushinskij K. D. *Sobr. soch. T. 2.* [Coll. works] Vol. 2. M.-L. Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. 1948. 656 p.
18. El'konin D. B. *Detskaya psihologiya* [Child psychology]. M. Gosuchpediz. 1960. 328 p.
19. Călinescu G. *Viața lui Mihai Eminescu. Ion Creangă. Viața și opera.* Chișinău. Literatura artistică. 1989. 608 p.
20. Cemortan S. *Metodica organizării activităților literar-artistice ale preșcolarilor.* Chișinău. Lumina, 1991. 158 p.
21. Creangă Ion ș. a. *Metodă nouă de scriere și cetire pentru uzul clasei I primară.* Ediția a doua. Iași. 1868. 76 p.
22. Jelescu P., Tolochenko D. *Nekotorye podhody k izucheniyu utverzheniya i otricaniya v istorii vovrastnoj psihologii* [Some approaches to the study of assertion and denial in the history of age psychology] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University.* 2018. No. 2. Pp. 78-85.
23. Lavric M. S. *Metodica dezvoltării vorbirii la preșcolari.* Chișinău. Lumina. 1992. 172 p.
24. Slama-Cazacu T. *Dialogul la copii.* București. ARPR. 1961.
25. Slama-Cazacu T. *Psiholingvistica – o știință a comunicării.* București. ALL. 1999.
26. Slama-Cazacu T. *Relațiile dintre gândire și limbaj în ontogeneză.* București. ARPR. 1957. 508 p.

История кафедры педагогики Вятского государственного университета

В. Б. Помелов

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается почти столетняя история кафедры педагогики Вятского государственного университета. Указаны предшествующие названия учебного заведения, в состав которого входила кафедра (Вятский учительский институт, Вятский педагогический институт, Вятский институт народного образования, Вятский педагогический институт имени В. И. Ленина, Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, Вятский государственный педагогический университет, Вятский государственный гуманитарный университет). В 1917–1922 гг. преподаватели психолого-педагогических дисциплин входили в состав гуманитарно-педагогической секции, с 1923 г. – в состав социально-педагогической комиссии. Уже в первые годы здесь работали известные ученые, такие как Н. Ю. Войтонис, впоследствии крупнейший отечественный зоопсихолог, видные педологи П. П. Распопов, прославившийся своей творческой работой с несовершеннолетними правонарушителями и В. А. Трейтер, по некоторым данным потомок Й. В. Гете. Приводятся воспоминания о Трейтере тогдашних студентов, в дальнейшем профессоров Н. П. Борисова и Э. И. Монозона. В 1922–1924 гг. завкабинетом педагогики был А. К. Волнин, ранее работавший директором Новониколаевского и Полтавского учительских институтов. В период работы в Полтаве (1914–1917) он был наставником студента А. С. Макаренко. Первым зав. кафедрой педагогики был В. Д. Иванов (1930). Преподавателями кафедры были первые выпускники Вятского учительского института (1917), в дальнейшем кандидаты педагогических наук, создатели школ-коммун в Вятской губернии В. А. Петров и А. И. Кондаков. Подробно рассказывается о таких известных преподавателях кафедры второй половины XX в., как профессора М. И. Смирнов, Б. В. Леготин, В. И. Косолапов, В. Ф. Сахаров, М. Г. Яновская. Приводятся подробные сведения о кадровом составе кафедры вплоть до начала 1990-х гг.

Ключевые слова: Вятский педагогический институт, Вятский государственный университет, кафедра педагогики, Н. Ю. Войтонис, В. А. Трейтер, А. И. Кондаков, В. А. Петров, М. И. Смирнов, Б. В. Леготин, В. И. Косолапов, В. Ф. Сахаров, М. Г. Яновская.

Кафедра педагогики Вятского государственного университета имеет длинную историю. Но прежде чем мы начнем рассказ о ней, следует напомнить читателю о том, что название учебного заведения, в составе которого она находилась на протяжении своей почти столетней истории, неоднократно изменялось.

Напомним эти изменения: 1914–1918 гг. – Вятский учительский институт; 1918–1919 гг. – Вятский педагогический институт; 1919–1921 гг. – Вятский институт народного образования; 1921–1922 гг. – Вятский педагогический институт; 1922–1934 гг. – Вятский педагогический институт имени В. И. Ленина; 1934–1995 гг. – Кировский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина; 1995–2002 гг. – Вятский государственный педагогический университет; 2002–2016 гг. – Вятский государственный гуманитарный университет, который в 2016 г. вошел в состав Вятского государственного университета.

Поначалу, в 1917–1922 гг., все преподаватели института входили в одну из двух так называемых секций: физико-математическую и гуманитарно-педагогическую. Преподаватели педагогики и психологии работали, естественно, в составе второй из названных секций. Руководителей, как таковых, у этих секций не было, ведь преподавателей в институте было немного, и все они подчинялись заместителю директора по учебной работе. Им был Николай

Александрович Желваков (1893–1972), в дальнейшем профессор ряда московских вузов, составитель многотомных хрестоматий по истории педагогики [31, с. 291–294].

Первыми преподавателями педагогики, психологии и педологии были Василий Эмильевич Сеземан (1918–1919), Анна Ивановна Логинова (1919–1920), Михаил Павлович Беклешов (1920–1922), Василий Михайлович Никифоров (1921–1922), Александр Виссарионович Крассов (1921–1922), Александр Николаевич Луппов (1922–1923).

Необходимо вспомнить и преподавателей, которые вели смежные предметы и также входили в состав гуманитарно-педагогической секции. Это Ф. Я. Рогов (1918–1919) и Иван Игнатьевич Матвеев (1922–1923); они преподавали дисциплину «Пение и музыка в школе». Петр Павлович Никонов (1922, 1932–1933) и Михаил Николаевич Шатров (1919–1933) осуществляли реализацию предмета «Ручной труд в школе». Примечательной личностью была Клавдия Андреевна Луппова (1920–1921), которая проводила занятия по дисциплине «Ручной труд в дошкольных учреждениях». Она была создателем первого детского сада в г. Вятка и Вятской губернии [34, с. 123; 35, с. 105].

В январе 1923 года была организована *социально-педагогическая комиссия*, объединившая в своем составе преподавателей педагогических, психологических и других, близких к ним дисциплин, прежде всего таких, как ручной труд и музыка. Первыми преподавателями педагогики и психологии в составе социально-педагогической комиссии были Пантелеймон Николаевич Пипуныров (1924–1925), Василий Павлович Нарышкин (1924–1928), Петр Петрович Распопов (1926–1966), Николай Павлович Руновский (1928–1930), Николай Юрьевич Войтонис (1929–1934)¹.

Всеобщую любовь среди коллег и студентов снискал П. П. Распопов (1903–1966), уроженец г. Слободского. Он окончил физмат ВГПИ (1926) и аспирантуру НИИ психологии АПН РСФСР (1957). Участник Великой Отечественной войны. Помимо работы в институте он работал учителем. Примечательной страницей его биографии стала деятельность в качестве воспитателя в «Трудовом доме для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей» в Вятке. В работе с подростками он использовал метод приучения их к поэзии. Его воспитанники писали замечательные стихи. Автору данного материала удалось разыскать и опубликовать часть поэтического творчества этих детей, сопроводив их соответствующими комментариями [28].

Преподавателями педологии были Константин Георгиевич Кобельков² (1922–1928), Валентина Васильевна Захарова-Моисеева (1922–1926), Лидия Сергеевна Крылова (1927–1928), Анастасия Петровна Петрова (1922–1924), Серафима Васильевна Бабайлова (1930–1938) и Василий Алексеевич Трейтер (1922–1929). Конечно, некоторые из вышеуказанных преподавателей вели не только педологию, но, по необходимости, также педагогику и психологию.

В. А. Трейтер [33, с. 173] был бесспорным лидером вятских педологов. Кроме того, в историю Вятского края он вошел как известный врач и политик, а в 1917 г. ему даже довелось быть руководителем Вятской губернии; его должность именовалась «губернский комиссар Временного правительства». О нем, по некоторым данным, потомке великого немецкого поэта, естествоиспытателя и общественного деятеля Й. В. Гете, имеются наши многочисленные публикации [11; 14; 27; 30].

Преподаватели социально-педагогической комиссии проводили занятия на всех четырех курсах: на 1-м курсе – «Введение в психологию»; на 2-м курсе – «Педология», «Экспериментальная психология»; на 3-м курсе – «Экспериментальная педагогика», «Педология» (продолжение); на 4-м курсе – «История народного образования», «Организация делопроизводства и управления учреждениями социального воспитания», «Законодательство по народному образованию», «Трудовая школа» (практика). С 1925 г. на 4-м курсе стал изучаться предмет «Научная организация труда в школьном деле».

¹ Н. Ю. Войтонис (1887–1946) после работы в Вятке поступил в аспирантуру Московского психологического института. В 1929 г. под руководством В. А. Вагнера защитил диссертацию на тему «Роль побуждающих факторов в поведении» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии). В 1934–1942 гг. руководил лабораторией сравнительной психологии в знаменитом питомнике обезьян в Сухуми и считался, наряду с Надеждой Николаевной Ладыгиной-Котс, наиболее известным отечественным представителем эволюционной психологии, иными словами, зоопсихологии. В 1940 г. он защитил докторскую диссертацию по биологии на тему «Поведение обезьян и проблема антропогенеза». В годы Великой Отечественной войны профессор Войтонис работал в Тбилиси под руководством академика Д. Н. Узнадзе.

² Его сын Олег почти полвека возглавлял в г. Кирове детскую музыкальную школу № 1.

В 1918–1922 г. В. А. Трейтер работал руководителем педологического кабинета детского коллектора губернского отдела народного образования (далее – губоно). 1 февраля 1922 г. при пединституте был создан педологический кабинет и врачебно-педологическая амбулатория. Фактически же пединституту из ведомства губоно было передано ск удное оборудование вместе со штатом сотрудников составе В. А. Трейтера и его помощников: О. Н. Лашкевич и З. А. Лупповой.

Но вот что любопытно! В книге «Полвека в пути», посвященной «золотому», 50-летнему юбилею института, указаны не «педологический», а «педагогический кабинет», и не «врачебно-педологическая амбулатория», а «врачебно-педагогическая амбулатория», да еще якобы «располагавшие хорошими помещениями и солидным по тому времени оборудованием» [6, с. 301]. Такая «подмена понятий» объясняется тем, что в год выхода книги (1970) было, конечно, нежелательно вообще упоминать о педологии, объявленной специальным постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. лженаукой [21, с. 96].

Страстный правдоискатель, защитник слабых и угнетенных, замечательный ученый и врач – таким остался в памяти своих вятских современников В. А. Трейтер. Будущий академик-педагог Эле Исаевич Монозон (1908–1987), в 1920-е гг. студент общественно-экономического отделения Вятского пединститута, с большой теплотой и признательностью в разговоре с автором данной статьи вспоминал Трейтера, который безотказно и бескорыстно оказывал медицинскую помощь любому, кто к нему обращался, в том числе и матери юного тогда Э. И. Монозона.

Интересны воспоминания Э. И. Монозона о В. А. Трейтере в связи с приездом в Вятку В. В. Маяковского и его выступлением в педагогическом институте 3 февраля 1928 г.³ «На следующий день (после выступления поэта в пединституте – В. П.) на своей лекции доцент Трейтер стал критиковать поэзию Маяковского и его внешность. «У него подбородок вытянутый, что говорит о его упрямстве и некоторой шизофреничности», – заявил, в частности, Трейтер. Несмотря на то что все мы любили Василия Алексеевича, а некоторые, например я, были просто обязаны ему как прекрасному врачу, в аудитории поднялся шум, возмущение. Я попросил слово и подробно рассказал о революционном пафосе поэзии Маяковского. Сказал, что он подлинный пролетарский поэт, а его подбородок характеризует его сильную волю и титаническую энергию. Большинство однокурсников поддержало меня. Наш преподаватель только и сказал: «Ну, смотрите, смотрите...» Эта встреча с любимым поэтом привлекла еще больше внимание студентов к его боевому творчеству» [23, с. 34].

Студент Вятского пединститута 1920-х гг., в дальнейшем профессор, специалист в области авиационной техники Николай Петрович Борисов (1908–1992) в письмах к автору этой статьи характеризовал В. А. Трейтера как человека очень высокой культуры, что накладывало яркий отпечаток на состояние дел в его лаборатории. Его ассистент Петр Петрович Распопов во всем стремился подражать ему. Такого исключительного, по-немецки педантичного порядка и дисциплины не было ни в одном учебном подразделении института. Сам Василий Алексеевич, вспоминал Н. П. Борисов, был замечательным лектором. На его лекции собирались все свободные от занятий студенты и преподаватели. Его прекрасные ораторские качества неизменно отмечают в своих воспоминаниях студенты тех лет. Воспоминания Монозона и Борисова о Трейтере были включены в книгу автора этой статьи «Педагоги и психологи Вятского края», вышедшую в Кирове в 1993 г. 10-тысячным тиражом [23].

Одним из сотрудников педологического кабинета, руководимого В. А. Трейтером, была Е. В. Антипова (1892–1974), дочь царского генерала, жена довольно известного в свое время писателя Виктора Ирецкого (1882–1936), покинувшего в 1922 г. большевистскую Россию на так называемом «философском пароходе». Еще до революции она получила высшее образование в Швейцарии. Пять лет Елена Владимировна работала в крупнейшем в мире психолого-педагогическом центре исследования проблем детства – в Институте Жан-Жака Руссо в Женеве. Ее учителями и коллегами были известные психологи: будущий Нобелевский лауреат Анри Бергсон, Пьер Жане, Эдуард Клапаред, а также Теодор Симон и Альфред Бине, авторы известной шкалы измерения уровня интеллекта («шкала Бине-Симона»). Воодушевленная идеями большевиков, зимой 1917 г. она вернулась в Россию.

В годы гражданской войны в Вятку перебралось немало преподавателей высокого уровня, среди них, например, профессора А. А. Фортунатов, Н. М. Каринский, П. К. Мейер и др.

³ В связи с этим выступлением В. В. Маяковского в 1968 г. на стене учебного корпуса КГПИ по адресу ул. Ленина, 111, была открыта мемориальная доска, на которой указана ошибочная дата его выступления.

[16, с. 702]. Считалось, и не без оснований, что в провинции легче пережить материальные трудности и голод. Кроме того, надо было где-то и работать. Достаточно сказать, что в 1917–1918 гг. во всей России работали только четыре вуза, в том числе Вятский институт народного образования, кстати, тогда еще не имевший статуса вуза.

Е. В. Антипова была в числе тех, кто приехал в Вятку из столицы в 1922 г. В 1924 г. ей удалось эмигрировать. Она навсегда покинула Родину. Сначала вернулась в Женеву, а в 1928 г. получила привлекательное предложение из Бразилии и всю оставшуюся жизнь работала в этой стране. До 1935 г. она переписывалась с З. А. Лупповой. Е. В. Антипова приобрела там огромный авторитет, стала, по существу, основоположницей психологической науки в Латинской Америке [3, с. 237]. Но до конца жизни она вспоминала добрым словом В. А. Трейтера, хранила оттиск его публикации «Опыт педологической работы» (Харьков, 1925).

В 1923–1924 учебном году был открыт кабинет педагогики («кабинет трудовой школы»), руководителем которого стал Александр Константинович Волнин (1872–1942), работавший в Вятке в 1922–1924 гг. [8; 9]. В эти годы он, несомненно, был ведущим преподавателем психолого-педагогических дисциплин.

Понятие «кафедра» в то время отсутствовало. В известном смысле «кабинет» и был «кафедрой». Преподаватели были «приписаны» к «кабинету педагогики»: здесь проходили заседания, хранились документы. Поэтому с некоторой натяжкой А. К. Волнина можно считать основателем кафедры педагогики. Ранее А. К. Волнин был директором Новониколаевского (ныне Новосибирск) учительского института (1917–1922) и Полтавского (1914–1917), причем именно в эти годы в Полтавском учительском институте учился А. С. Макаренко [8, с. 59].

В 1925 году в институте были введены новые учебные планы, в соответствии с которыми учебная нагрузка по вышеуказанным дисциплинам стала постепенно сокращаться. В 1930 г. в институте появились кафедры. *Первым заведующим кафедрой педагогики стал доцент Василий Дмитриевич Иванов, работавший в институте в 1929–1934 гг.* Помимо него на кафедре некоторое время был всего один преподаватель педагогики – Иван Емельянович Чемоданов (1925–1930). Его сменила доцент Мария Алексеевна Завацкая (1930–1931), ее – Артемий Афанасьевич Черепанов (1931–1932), а его, в свою очередь, – Владимир Александрович Петров (1932–1941, 1945–1967), впоследствии доцент, кандидат педагогических наук. Историю педагогики преподавал Петр Григорьевич Тахтеев (1936–1937). Руководила педагогической практикой Мария Андреевна Долгорукова (1935–1937).

Руководители заочного отделения Яков Васильевич Дудырев и Алексей Васильевич Носырев также вели учебную нагрузку по кафедре, соответственно – в 1936–1938, 1948 гг. и в 1935–1936 гг. (Помимо этого Дудырев, а после него Носырев, руководили заочным отделением). Педологию и психологию вели ассистенты Зинаида Григорьевна Корчемкина (1930–1932) и Евгений Васильевич Ананьин (1930–1932), и. о. профессора Петр Николаевич Ильинский (1934–1935), кандидат педагогических наук, доцент Павел Петрович Морозов (1938–1941). Доцент Максим Антонович Черешнев работал на кафедре в 1934–1937 гг., пока не стал жертвой клеветнического доноса со стороны секретаря парткома института Александра Ивановича Чечкова [41]. Так что репрессии 1930-х г. не обошли стороной и кафедру педагогики.

В. А. Петров (1892–1986) был личностью неординарной и на протяжении более чем полувека очень заметной в педагогическом сообществе г. Кирова. Он был учащимся самого первого набора Вятского учительского института (1914) и, соответственно, одним из пятнадцати выпускников, окончивших этот институт в первом и единственном выпуске в 1917 г. [23, с. 7–8].

В. А. Петров был организатором Митинского школьного городка и снискал в этой связи в 1920-е гг. широкую и заслуженную известность среди педагогической общественности [29; 39; 40]. Более того, в этом качестве он прославился на всю страну. О работе этого инновационного учреждения были хорошо осведомлены Н. К. Крупская, С. Т. Шацкий и другие деятели просвещения РСФСР тех лет [23, с. 12].

Много лет он был директором Кировского областного института усовершенствования учителей (далее – ИУУ). В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории земской школы в Вятской губернии. В 1946–1958 гг. он возглавлял кафедру педагогики КГПИ. С его уходом из жизни 1 февраля 1986 г. прервалась последняя живая связь с тем далеким временем, когда начал свою работу Вятский учительский институт...

Деятельность кафедры педагогики получила заметное ускорение в 1936 г., когда новым директором института и одновременно заведующим кафедрой педагогики был назначен Павел Николаевич Шимбирёв (1883–1960), едва ли не самый известный в стране в ту пору уче-

ный-педагог, автор первых советских учебников по педагогике, которые он писал в соавторстве с уроженцем Котельничского уезда Вятской губернии Иваном Трофимовичем Огородниковым (1900–1976) [10; 18; 19].

За два года работы в Кирове П. Н. Шимбирёву удалось построить общежитие по адресу ул. Свободы, 122 (ныне учебный корпус № 16). Именно в период работы в Кирове ему была присвоена ученая степень доктора педагогических наук (тогда ученые степени присваивались без защиты, по ходатайству ученых советов вузов). Вместе с Павлом Николаевичем на кафедре работала его жена Екатерина Ивановна (1937–1938), автор брошюр по семейному воспитанию, выпускаемых издательством «Учпедгиз».

П. Н. Шимбирёв был научным консультантом З. И. Равкина, который, в свою очередь, спустя полвека стал научным консультантом автора данной статьи. Это позволяет нам, в соответствии с шуточной «генеалогией», принятой в научной среде, считать себя «внуком» П. Н. Шимбирёва. Впоследствии, работая в Министерстве просвещения РСФСР, П. Н. Шимбирёв неоднократно помогал Кировскому пединституту, в том числе тем, что выступил в качестве научного руководителя кировчанки Татьяны Борисовны Брюховой (Храбриковой). О П. Н. Шимбирёве нами написан целый ряд публикаций [22; 23, с. 44–47; 25; 26]. Его имя внесено нами в «Российскую педагогическую энциклопедию» [36], «Педагогический энциклопедический словарь» [37], шестой том «Знатные люди» «Энциклопедии Земли Вятской» [38]. Всего три известных педагога похоронены на Новодевичьем кладбище столицы: А. С. Макаренко, историк педагогики Е. Н. Медынский и П. Н. Шимбирёв.

После отъезда из Кирова П. Н. Шимбирёва заведующим был назначен кандидат (впоследствии – доктор) педагогических наук, доцент (позднее – профессор) Сергей Максимович Шабалов (1938–1943). Впоследствии он также, как и П. Н. Шимбирёв, стал одним из ведущих ученых-педагогов страны, крупнейшим специалистом в Академии педагогических наук (далее – АПН) РСФСР в области профессионального образования.

Известный профессор-психолог Серафим Михайлович Василейский приехал на работу в Киров из Горького в 1939 г., в 1945 г. вернулся обратно. Помимо работы на кафедре педагогики и психологии 26 июня 1941 г. он был также назначен деканом факультета иностранных языков, причем первым в истории этого факультета. Правда, деканом он работал недолго, всего несколько месяцев.

Примечательной личностью был кандидат педагогических наук, доцент Филипп Селиверстович (по другим источникам – Сильверстович) Орешков (1938–1944). Помимо работы на кафедре почти весь этот срок, а именно с 20 марта 1938 г. по 13 декабря 1943 г., он работал еще и директором института [4].

Кандидат педагогических наук, доцент Андрей Епифанович Воронов (1907–?) работал на кафедре в 1940–1942 гг. и в 1952–1975 гг.

В 1942–1944 г. на кафедре работал Анатолий Иванович Кондаков (1894–1979), ученый, имя которого было известно всей педагогической общественности страны. Он был, наряду с В. А. Петровым, одним из первых пятнадцати выпускников Вятского учительского института [24]. В 1918 г. А. И. Кондаков организовал в селе Знаменка Яранского уезда Вятской губернии самую известную в стране школу-коммуна [17; 24; 39; 40], опыт работы которой он раскрыл в книге «Школа-коммуна», изданной в издательстве «Учпедгиз» в 1960 г. В 1943 г. он был одним из учредителей АПН РСФСР. Прямо из Кирова он был приглашен руководить ее информационным центром и библиотекой. Написал две книги об И. Н. Ульянове и семье Ульяновых [1; 2]. Имя А. И. Кондакова внесено в список наиболее выдающихся земляков в 6-м томе «Энциклопедии Земли Вятской» [20].

Педагогику во второй половине 1930–1940-х гг. вели ассистенты Нина Ильинична Банникова (1944–1945, 1950–1954) и Лидия Максимовна Кузнецова (1948–1952), преподаватели Иван Григорьевич Автухов (1935–1937), Петр Иванович Ердяков (1936–1938) и Иван Георгиевич Серебренников (1937–1939), старшие преподаватели Мария Игнатьевна Княжева (1939–1941) и Кесарь Александрович Скворцов (1940–1945), кандидаты педагогических наук, доценты Павел Петрович Морозов (1938–1941) и Дмитрий Дмитриевич Назаров (1941–1946).

Д. Д. Назаров в 1945–1946 гг. в течение шести месяцев возглавлял кафедру. Ведущим психологом был доцент, кандидат педагогических наук Тимофей Иванович Агафонов (1947–1949). Его сменила ассистент Александра Александровна Тарасова (1949–1953). Предмет «Школьная гигиена» вел профессор Михаил Степанович Тарасенко (1939–1940).

Во второй половине 1940-х – в 1950-е гг. кадровый состав кафедры был достаточно стабильным. В эти годы преподавателями кафедры были следующие преподаватели: кандидаты педагогических наук Мария Николаевна Лебедева (1953–1959) и Геннадий Петрович Семанов (1953–1957), старшие преподаватели Екатерина Сергеевна Климова (1940–1950), Нонна Михайловна Яковлева (1949–1952) и Иван Николаевич Николаев (1952–1960), ассистенты Степан Константинович Петропавловский (1946–1947), Елена Ивановна Панова (1946–1949), Ольга Михайловна Коновалова (1946–1950), Николай Павлович Лебедев (1947–1951), Елена Александровна Потанина (1947–1966), Митрофан Семенович Базарный (1948–1953), Лидия Максимовна Кузнецова (1948–1952), Борис Иванович Ишин (1951–1952), Изольда Ивановна Ежова (1952–1954), Эмилия Дмитриевна Попова (1953–1955), С. В. Калинин.

Ассистент Галина Александровна Возженикова (1949, 1964–1967) большую часть своей педагогической карьеры работала в школе, в том числе директором средней школы № 29, ставшей в 1964 г. «английской». В 1981 г. она издала в Кирове в соавторстве с Т. Б. Храбриковой книгу «Беседы со школьниками о культуре умственного труда».

Заметный след в истории КГПИ оставил Сергей Алексеевич Напольский (1946–1971): кандидат химических наук, доцент, завкафедрой химии. А начинал он руководителем практики на кафедре педагогики. (В 1990-е гг. на кафедре непродолжительное время работала ассистентом его внучка Анна Кимовна.)

Колоритной личностью был ассистент Павел Константинович Малюгин (1948–1965). Он глубоко интересовался историей Вятского края, исследовал историю возникновения первых вятских школ, в частности школы первого вятского просветителя Лаврентия Горки. Известный вятский краевед Е. Д. Петряев в своих книгах писал о П. К. Малюгине как о выдающемся книголюбе, собирателе редких книг, активном участнике деятельности литературных клубов [5, с. 168]. П. К. Малюгин был известным учителем русского языка и литературы; большая часть его педагогического пути прошла в школе.

Начиная с 1946–1947 учебного года, были расширены курсы психологии. Вскоре кафедра пополнилась сразу несколькими участниками Великой Отечественной войны. Это А. И. Огнев, Д. М. Сонин, Т. Б. Храбрикова, А. Е. Ситникова, В.И. Косолапов и В.Ф. Сахаров. Все они стали кандидатами педагогических наук, а В. Ф. Сахаров – доктором педагогических наук.

В те годы даже защищавшие диссертации по психологии получали научную степень по педагогике. Психология была «реабилитирована» ВАКом лишь в 1968 г., и первым доктором психологических наук в СССР стал уроженец г. Вятские Поляны Кировской области Евгений Александрович Климов.

Александр Иванович Огнев (1902–1972) работал в институте в 1948–1965 гг., заведовал кафедрой в 1958–1961 гг. Ранее он трудился директором школы № 18 г. Кирова (1939–1941), директором Кировского ИУУ (1946–1952).

Примечательной личностью был Давид Моисеевич Сонин (1911–1988). Как вспоминала его дочь, он гордился тем, что родился в г. Новгород-Северском Черниговской губернии, где К. Д. Ушинский провел детские годы. Сотрудник Кировского облоно (1936–1938), завуч Шабалинского педучилища (1938–1941), сотрудник Кировского ИУУ (1946–1949), наконец, работа в КГПИ (1949–1981), таковы вехи трудового пути Д. М. Сонины.

Татьяна Борисовна Храбрикова (1921–1999) пришла работать на кафедру сразу по окончании исторического факультета в 1948 г., а завершила свой педагогический путь здесь же, в 1995 г. Она заведовала кафедрой педагогики в 1962–1965 гг. Тема ее научных изысканий – школы Кировской области в годы Великой Отечественной войны.

Антонина Ефимовна Ситникова (1952–1993) была ученицей известного ленинградского психолога А. Л. Шнирмана. Ее постоянно привлекали в качестве эксперта в особенно сложных случаях представители органов внутренних дел, когда дело касалось преступлений против детей.

Борис Васильевич Леготин (1919–2003) руководил комсомолом Кировской области (1947–1952), учился в аспирантуре НИИ теории и истории педагогики АПН РСФСР (1952–1955); в тот же год стал кандидатом наук. Работал в КГПИ в 1955–1994 г. Он был автором-составителем книги «Пионерская летопись», рассказывающей об истории развития пионерской организации Кировской области и вышедшей двумя изданиями (1962, 1982). Был в его трудовой биографии и такой интересный период. В 1959 г. в КГПИ был открыт факультет начальных классов, который просуществовал 7 лет. Все эти годы Борис Васильевич был деканом этого факультета. В 1965–1971 гг. он заведовал кафедрой педагогики.

Одной из самых ярких личностей в КГПИ и вятском просвещении в 1950–1970-е гг. был Василий Иванович Косолапов (1911–1977) [12]. Он работал в КГПИ в 1949–1977 гг., в том числе в 1971–1976 гг. заведующим кафедрой [23, с. 77]. В. И. Косолапова избирали председателем профкома института, ректором народного университета научно-педагогических знаний. При этом одновременно он работал директором средней школы (далее – СШ) № 16 г. Кирова. Объясняется такое совмещение тем, что местными властями было принято решение одну из школ сделать базовой школой пединститута. А ближе всех к учебному корпусу пединститута расположена именно эта школа. В 1958 г. в СССР был принят закон о связи школы с жизнью и производством и провозглашен курс школы на политехнизацию. «Первая ласточка» реализации этого курса в Кирове СШ № 16 стала учебным цехом кировского завода «Физприбор» № 2 имени А. В. Луначарского. В школьном цехе дети изготавливали детали; получали первые трудовые навыки и определенную квалификацию. Дело В. И. Косолапова в дальнейшем продолжили замечательные директора СШ № 16 Надежда Георгиевна Луценко и Владимир Николаевич Патрушев⁴.

Заметный след в истории кафедры оставили супруги Смирновы – Фаина Ефимовна (1949–1958) и Михаил Израилевич (1949–2001). Кандидат педагогических наук, профессор М. И. Смирнов (1920–2001) был учеником великого психолога С. Л. Рубинштейна, автором одной из первых диссертаций по творчеству А. С. Макаренко (1949). В те годы еще не были изданы очень многие произведения замечательного педагога, не было собраний его сочинений. Так что аспиранту Смирнову приходилось работать не только в библиотеке, но и на его квартире в Лаврушинском переулке, в знаменитом «писательском» доме, впоследствии сплошь увешанном мемориальными досками. Вдова Макаренко Галина Стахиевна бережно хранила рукописи своего мужа и, прекрасно понимая необходимость изучения и популяризации его работ, разрешала аспирантам пользоваться ими, но только под своим присмотром. В те годы роль М. И. Смирнова в осмыслении творческого наследия А. С. Макаренко была очень значительна.

М. И. Смирнов обладал даром выдающегося рассказчика, исключительно интересно преподносил материал, сопровождая его многочисленными примерами, выразительными жестами и мимикой. Еще совсем недавно трудно было найти в нашем крае педагога, не слышавшего его вдохновенных, захватывающих по форме и глубоких по содержанию лекций. Именно как рассказчик он был особенно силен. О чем бы он ни говорил, в том числе и в бытовой обстановке, речь у него всегда лилась как-то по-особенному сочно, «вкусно»; хотелось его слушать и слушать... В моем представлении он стоит где-то в одном ряду с И. Л. Андрониковым, В. Б. Шкловским, Ю. М. Лотманом. Конечно, я не ставлю М. И. Смирнова в один ряд с этими всемирно известными людьми; просто я имею в виду тип профессионала.

М. И. Смирнов отличался неповторимым чувством юмора; недаром он был родом из Одессы. Не могу не привести хотя бы один пример. В начале 1970-х гг. я, будучи студентом, сдавал ему экзамен по психологии. В билете был вопрос «Типы коллективов». Я рассчитывал только на «отлично». А надо сказать, что Михаил Израилевич был довольно-таки скуп на отличную отметку. Для того чтобы ее получить, надо было его чем-то поразить, удивить. Я припомнил юмористический рассказ, который слышал по радио. Речь в нем шла о группе людей, которые ехали на автобусе. Вдруг автобус сломался, водитель не может его завести, все возмущены. Находятся активные люди, которые «берут инициативу в свои руки»: организуют собрание, формируют «актив», составляют петицию... Тем временем водитель справляется с поломкой и благополучно привозит пассажиров по месту назначения. Все, естественно, выходят из автобуса. Однако председателю не хочется лишаться своих полномочий, он призывает всех остаться; ведь «собрание еще не окончено»...

Когда я пересказал эту историю «в лицах» на экзамене, он был откровенно доволен, от души посмеялся и сказал, что непременно будет использовать этот рассказ в своих лекциях. Впоследствии мне не раз студенты уже других поколений рассказывали, что слышали эту историю от М. И. Смирнова, и именно так – «в лицах»!

Василий Федорович Сахаров (1920–2010), работавший в институте в 1965–2010 гг., сменил В. И. Косолапова в должности завкафедрой и руководил ею в 1977–1988 гг. Время его заведования кафедрой вобрало в себя сложные и многообразные периоды в истории страны и системы образования: «застой», «реформу школы», движение педагогов-новаторов, «пере-

⁴ В те годы в г. Кирове был еще один школьный учебный цех – в СШ № 32, установившей тесные связи с заводом «Сельмаш» усилиями замечательного директора школы Г. Н. Разумовского.

стройку»... Все эти непростые и неоднозначные процессы требовали научно-педагогического осмысления, выработки соответствующих рекомендаций в адрес педагогов-практиков и студентов, и кафедра педагогики неизменно оставалась ведущей кафедрой вуза, главным генератором идей в деле совершенствования образования в Кировской области. Как заведующий кафедрой, В. Ф. Сахаров много внимания уделял подбору преподавательских кадров. От возглавлявшейся им кафедры «отпочковывались» кафедры психологии (1984), основ научного управления школой, педагогики начального обучения и даже целый факультет начальных классов. С кафедры постоянно на повышение уходили люди, причем в наиболее работоспособном возрасте, – в деканы (Н. Г. Колотилова, Л. И. Новикова, Г. И. Русинова) и проректоры (В. Б. Помелов). При этом кафедра, благодаря усилиям В. Ф. Сахарова, быстро восстанавливала свой научный и преподавательский потенциал. Помимо заведования кафедрой он руководил Народным университетом научно-педагогических знаний, являлся членом научно-методического совета при областном управлении профессионально-технического образования, был руководителем секции по профориентации учащихся при областном отделении Педагогического общества РСФСР. Как народный депутат Кировского городского совета депутатов трудящихся, он возглавлял комиссию по народному образованию.

На кафедре педагогики была создана единственная в стране лаборатория профессиональной ориентации и профессионального отбора, в рамках которой был создан называемый факультет будущего учителя, а зав. лабораторией был его деканом (В. С. Якимова, В. Б. Помелов, О. В. Лебедева, Г. И. Симонова, Ф. Р. Зевахина). Лаборатория ставила своей целью привлечение на учебу в пединститут абитуриентов, стремящихся к получению педагогического образования. Поэтому на каждом факультете для абитуриентов выпускались специальные методические пособия с контрольными заданиями. В работу со школьниками области были вовлечены десятки преподавателей, количество самих учащихся, проходивших подготовку на «факультете будущего учителя», измерялось тысячами. Каждое воскресенье проходили встречи с потенциальными абитуриентами: для них читались лекции, проводились консультации. Опыт работы лаборатории изучался и пропагандировался по всей стране.

Защита В. Ф. Сахаровым докторской диссертации (1985) по проблемам профориентации (кстати, это была первая защита докторской диссертации по общей педагогике за всю историю института) и присвоение ему ученого звания профессора (1986) стали значительными событиями в жизни института: ведь в начале 1980-х гг. на весь Кировский пединститут было всего два доктора наук (филолог В. И. Троицкий и физик-методист В. В. Мултановский). Сам факт наличия на кафедре педагогики двух докторов наук по общей педагогике (В. Ф. Сахаров и М. Г. Яновская) и двух докторов наук по методике преподавания физики (Ю. А. Сауров и В. В. Мултановский) дал основание открыть в 1995 г. кандидатский совет по защите диссертаций по этим двум специальностям, в котором В. Ф. Сахаров был заместителем председателя. Это был первый диссертационный совет в истории нашего вуза. Со временем он стал докторским советом. Всего состоялось 208 защит диссертаций [32]. В качестве научного руководителя Сахаров подготовил 10 кандидатов наук [13].

Осенью 1991 г. радостная весть пришла из Санкт-Петербурга: Мая Григорьевна Яновская (1929–2016) успешно защитила докторскую диссертацию. В 1961 г. М. Г. Яновская пришла на работу в КГПИ. В 1964–1971 гг. вела преподавательскую работу в пединституте Южно-Сахалинска, а в 1971–2016 гг. снова работала в Кирове.

Для М. Г. Яновской как преподавателя характерной чертой была влюбленность в науку – качество, которое она стремилась привить своим ученикам: студентам и аспирантам. Среди ее студентов были автор данной публикации и его дочь Елена, кстати, также работавшая несколько лет на кафедре педагогики.

Многие годы она возглавляла в КГПИ проблемную лабораторию «Эмоциональное стимулирование в процессе нравственного воспитания». Заметным событием в педагогической литературе стал выход в свет издательстве «Просвещение» ее книг «Творческая игра в воспитании младшего школьника» (1974) и «Эмоциональные аспекты нравственного воспитания» (1986). На эту же тему была ее кандидатская диссертация «Творческая игра как средство нравственного воспитания младшего школьника» (1968).

Считается, что успех любого дела процентов на 70 зависит от разумного эмоционального настроения его исполнителей. Основным направлением научной деятельности М. Г. Яновской как раз и является на протяжении многих лет проблема эмоционального стимулирования. А завершающим этапом значительного по содержанию и охвату эксперимента стала защита докторской диссертации.

Событие это тем более значительно, если принять во внимание тот факт, что М. Г. Яновская – первая женщина-доктор наук в истории КГПИ (ВГПУ, ВятГГУ). Это, впрочем, неудивительно: по данным высшей аттестационной комиссии, женщин среди докторов наук примерно 10%. Тем значительней достижение нашей коллеги [10].

Во второй половине 1960-х–1990-х гг. ведущими преподавателями кафедры педагогики были кандидаты педагогических наук, доценты Наталья Михайловна Капустина (1962–2003, в том числе завкафедрой в 1988–1992), Исай Исаевич Монозон (1964–1970), Людмила Ивановна Белозерова (1968–1984), Зинаида Ивановна Крошихина (1964–1989), Галина Алексеевна Созинова (1964–2007), Лидия Ивановна Новикова (1976–1981), Нина Александровна Ковина (1968–1970, 1987–1997), Александр Анисимович Лебедев (1977–1992), Галина Ивановна Русинова (Кириллова) (1983–1991), Елена Михайловна Рендакова (1986–2003), Ольга Викторовна Селецкая (1987–1996), Ирина Владимировна Подавалова (1988–1998), Мария Федоровна Соловьева (1991–2004), Станислав Михайлович Трапезников (1982–2015), Елена Алексеевна Кувалдина (с 1991), Ирина Григорьевна Завойчинская (1998–2003).

В составе кафедры были старшие преподаватели Нина Георгиевна Колотилова (1954–1960, 1963–1984), Людмила Васильевна Скобелева (1970–2003), Ольга Юрьевна Алцыбева (1987–1997), ассистенты Иван Степанович Ершов (1966–1974), Вера Сергеевна Якимова (1977–1984), Валентина Михайловна Забабурова (1962–1998), Евгений Николаевич Сметанин (1991–1992), Анатолий Николаевич Баталов (1987–1988), первый кандидат психологических наук в Кирове Владимир Николаевич Гоголев (1976–1984). На кафедре педагогики начинали преподавательскую работу в вузе кандидаты наук Марина Николаевна Бородатая (с 1984), Фарида Рамзиевна Зевахина (с 1988), Нина Николаевна Ершова (с 1992), Василий Александрович Сахаров (с 2003).

Укажем также докторов педагогических наук, профессоров – сотрудников кафедры педагогики. Это Ольга Владимировна Лебедева (1983–2016), Татьяна Викторовна Машарова (1987–2009, зав. кафедрой в 2003–2008), Владимир Борисович Помелов (с 1981), Любовь Георгиевна Садакова (1987–2003), Николай Васильевич Котряхов (в КГПИ с 1980, на кафедре с 1987, в том числе зав. кафедрой в 1991–1995, 1998–2003), Галина Ивановна Симонова (с 1989, зав. кафедрой в 2008–2017), Виталий Зуфарович Юсупов (1991–2008, в том числе зав. кафедрой в 1995–1998).

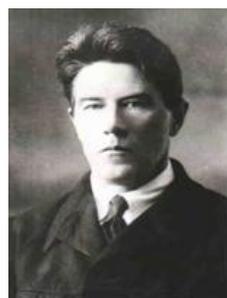
Следующие два десятилетия деятельности кафедры педагогики мы оставляем без рассмотрения по следующим причинам. Во-первых, в предлагаемом материале нами сознательно сделан упор на раскрытии событий, имевших место в более ранние периоды истории кафедры. Во-вторых, в одной статье невозможно полно раскрыть столь богатую фактами тему. В-третьих, период 2000-х гг., по существу, еще не стал историей. Наконец, о тех или иных аспектах работы кафедры педагогики неоднократно выходили наши статьи, в том числе в «Вестнике ВятГГУ» («Вестнике ВятГУ») [32].

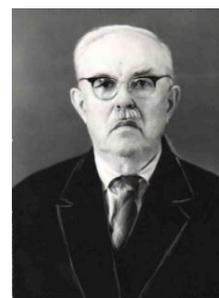
Н. Ю. Войтонис

В. А. Трейтер

А. И. Кондаков

В. А. Петров

П. Н. Шимбирёв

В. И. Косолапов

М. И. Смирнов

В. Ф. Сахаров

М. Г. Яновская

Список литературы

1. Кондаков А. И. Директор народных училищ И. Н. Ульянов. М.-Л. : Изд-во АПН РСФСР, 1948. 220 с.
2. Кондаков А. И. Школьные годы Володи Ульянова. М. : Учпедгиз, 1946. 160 с.
3. Масоликова Н. Ю. «Бразильянка из Санкт-Петербурга»: психолог Елена Антипова (1892–1974) и ее вятские годы // Вятская земля в прошлом и настоящем (к 100-летию Вятского государственного гуманитарного университета) : сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием : в 2 т. Т. 1. / редкол. : В. Т. Юнгблюд [и др.]. Киров, 20–21 ноября 2013 г. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 236–244.
4. Машковцева В. В. Орешков Филипп Селиверстович // Ректоры ВятГГУ. 1914-2004 / ред. В. А. Бердинских. Киров : Изд-во ВятГГУ. С. 82–86.
5. Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. Киров : Кировское отделение Волго-Вятского книжного издательства, 1986. 224 с.
6. Полвека в пути / под ред. Ю. М. Рябова. Киров : Изд-во КГПИ, 1970. 440 с.
7. Помелов В. Б. А. К. Волнин: в тени великого ученика // Историко-педагогический журнал. 2018. № 2. С. 114–124.
8. Помелов В. Б. А. К. Волнин – основатель кафедры педагогики Вятского института народного образования // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 2. С. 58–64.
9. Помелов В. Б. Александр Константинович Волнин – основатель кафедры педагогики Вятского института народного образования // ОБЩЕСТВО. НАУКА. ИННОВАЦИИ (НПК-2018) : сб. статей XVIII Всерос. ежегод. научно-практ. конф. 2–28 апреля 2018 г. : в 3 т. Т. 3. Киров : Науч. изд-во ВятГУ, 2018. С. 689–701.
10. Помелов В. Б. Без вятских нет педагогики! // Герценка: Вятские записки : науч.-попул. альманах / редкол.: Н. П. Гурьянова (сост.) [и др.]. Киров, 2016. Вып. 30. С. 87–101.
11. Помелов В. Б. В. А. Трейтер – врач, педагог, педолог, общественный деятель Вятки // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2015 год : информ.-стат. сб. / Террит. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл. ; Н. И. Зорин (пред.) и [др.]. Киров, 2014. С. 292–297.
12. Помелов В. Б. В. И. Косолапов: личность яркая и светлая // Город на Вятке: история, культура, люди (К 640-летию города Хлынова – Вятки – Кирова) : материалы Всерос. науч. конф. Киров, 45 июня 2014 г.) / отв. ред. М. С. Судовиков. Киров : Герценка, 2014. С. 172–176.
13. Помелов В. Б. В. Ф. Сахаров – ученый, педагог и гражданин // Твое призвание : материалы первого межрегионального конкурса науч.-практ. работ, посвященного памяти доктора педагогических наук, профессора В. Ф. Сахарова. 24 мая 2013 г. / отв. ред. : В. А. Сахарова и Л. Г. Сахарова. Киров, 2013. С. 9–12.
14. Помелов В. Б. Вятский врач В. А. Трейтер // Медицинское образование сегодня. 2018. № 1. С. 64–83.
15. Помелов В. Б. Вятский Макаренко // Спутник агитатора. Киров, 1989. № 12. С. 29–32.
16. Помелов В. Б. Вятский профессор П. К. Мейер // ОБЩЕСТВО. НАУКА. ИННОВАЦИИ (НПК-2018) : сб. статей XVIII Всерос. ежегод. науч.-практ. конф. 2–28 апреля 2018 г. Киров : Науч. изд-во ВятГУ, 2018. С. 702–709.
17. Помелов В. Б. Знаменский школьный городок // Вятская земля в прошлом и настоящем : материалы 3-й регион. науч. конф. : в 5 т. Т. 1 / гл. ред. Е. И. Кирюхина. Киров, 1995. С. 199–200.
18. Помелов В. Б. И. Т. Огородников – уроженец Вятского края // Вестник Вятского государственного педагогического университета. Киров, 2000. № 3–4. С. 196–198.
19. Помелов В. Б. И. Т. Огородников – уроженец Вятского края // Проблемы подготовки учителя: история и современность : материалы всерос. науч. конф. : в 3 т. Т. 1 / ред. В. А. Слостенин, А. Е. Дмитриев, Н. Н. Рощина, Б. М. Бим-Бад. М. : Изд-во МПГУ, 2000. С. 29–33.
20. Помелов В. Б. Кондаков Анатолий Иванович // Энциклопедия земли Вятской / гл. ред. В. А. Ситников. В 10 т. Т. 6. Знатные люди. Киров : Вятка, 1996. С. 206.
21. Помелов В. Б. Недолгий век отечественной педологии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 89–96.
22. Помелов В. Б. Павел Николаевич Шимбирев // Ректоры ВятГГУ / сост. В. А. Бердинских. Киров : Изд-во ВГПУ, 2004. С. 75–82.
23. Помелов В. Б. Педагоги и психология Вятского края. Киров : Информцентр, 1993. 84 с.
24. Помелов В. Б. Первый выпускник Вятского учительского института // Вятская земля в прошлом и настоящем : материалы 3-й регион. науч. конф. : в 5 т. Т. 1 / гл. ред. Е. И. Кирюхина. Киров, 1995. С. 215–216.

25. Помелов В. Б. П. Н. Шимбирев – ученый и директор Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина // Тринадцатые Петряевские чтения : материалы всерос. науч. конф. / сост., науч. ред. М. С. Судовиков. Киров : Герценка, 2018. С. 133–145.
26. Помелов В. Б. П. Н. Шимбирев: человек со стороны // Государственная служба в России: региональный аспект : сборник материалов / отв. ред. С. В. Мудролюбова. Киров, 2008. Вып. 1. С. 10–15.
27. Помелов В. Б. Потомки Гете на Русском Севере // Немцы и Русский Север : материалы всерос. науч. конф. / сост. М. А. Ефимова. М., 2000. Вып. 5. С. 99–107.
28. Помелов В. Б. Поэты улицы: творчество вятских беспризорников // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2015 год : информ.-стат. сб. / Террит. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл. ; Н. И. Зорин (пред.) и [др.]. Киров, 2015. С. 308–318.
29. Помелов В. Б. Революционные преобразования в области просвещения в Вятской губернии в первые годы Советской власти // Историко-педагогический журнал. 2017. № 4. С. 84–107.
30. Помелов В. Б. Семья Трейтеров в Вятке // Немцы в России: сб. материалов II всерос. науч. конф. с междунар. участием. Киров. 28 апреля 2012 г. / редкол. : В. Т. Юнгблюд [и др.]. Киров, 2012. С. 92–102.
31. Помелов В. Б. «Теоретическая сила правления» // Десятые Петряевские чтения: материалы всерос. науч. конф. (Киров, 25–26 февраля 2010 г.) / редкол. : С. Н. Будашкина (сост.) [и др.]. Киров, 2010. С. 291–294.
32. Помелов В. Б. «Теперь ковать свои мы будем кадры» (О работе диссертационного совета по педагогике в ВятГГУ) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 12. С. 223–240.
33. Помелов В. Б. Трейтер Василий Алексеевич // Преподаватели ВятГГУ / сост. В. Б. Помелов. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2004. С. 173.
34. Помелов В. Б. Фридрих Фребель и его вклад в педагогику: к 230-летию со дня рождения педагога и к 175-летию открытия им первого в истории детского сада // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Педагогика и психология. 2011. № 4 (3). С. 114–123.
35. Помелов В. Б. Ф. Фребель – основоположник дошкольного воспитания // Педагогика. 2012. № 9. С. 99–105.
36. Помелов В. Б. Шимбирев Павел Николаевич // Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. В. В. Давыдов. М. : Большая российская энциклопедия, 1999. С. 582–583.
37. Помелов В. Б. Шимбирев Павел Николаевич // Педагогический энциклопедический словарь / под ред. Б. М. Бим-Бада. М. : Большая российская энциклопедия, 2002. С. 424.
38. Помелов В. Б. Шимбирев Павел Николаевич // Энциклопедии земли Вятской : в 10 т. Т. 6 / под ред. В. А. Ситникова. Киров : Вятка, 1996. С. 505.
39. Помелов В. Б. Школьная коммуна как инновационная форма организации педагогической деятельности (1918–1925) // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 72–76.
40. Помелов В. Б. Школьные коммуны и школьные городки в 1920-е гг.: к 100-летию создания // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 3. С. 66–80.
41. Чечков А. И. Тактика троцкистского двурушника Черешнева // Кировская правда. 27.06.1937.

History of the Department of pedagogy in Vyatka State University

V. B. Pomelov

Doctor of Pedagogical Sciences, professor at the Department of pedagogy, Vyatka State University. Russia, Kirov.
ORCID: 0000-0002-3813-7745. E-mail: vladimirpomelov@mail.ru

Abstract. The article reveals almost a century-old History of the Department of pedagogy in Vyatka State University. The previous names of the educational institution, which included the Department (Vyatka teacher's Institute, Vyatka Pedagogical Institute, Vyatka Institute of Public Education, Vyatka Pedagogical Institute named after V. I. Lenin, Kirov State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin, Vyatka State Pedagogical University, Vyatka State Humanitarian University) are indicated. In 1917–1922 teachers of psychological and pedagogical disciplines were a part of humanitarian and pedagogical section, since 1923 – a part of the social and pedagogical commission. Already in the first years here worked well known scholars such as N. Yu Voitonis, subsequently, the largest animal psychologist in Russia, prominent pedologists P. P. Raspopov, famous for his creative work with juvenile offenders, and V. A. Traiter, who is, according to some data, is descendant of Goethe. Memories about Traiter written by some of the his students, later professors N. P. Borisov and E. I. Monoszon, are given. In 1922–1924 head of the Office of pedagogy was A. K. Vanin, formerly Director of Novonikolayevsk and Poltava teachers' Institutes. During his work in Poltava (1914–1917) he was a mentor of the student A. S. Makarenko. The first head of the Department of pedagogy was V. D. Ivanov (1930). Teachers at the Department were the first graduates of the Vyatka teachers' Institute (1917), later PhDs of Pedagogical Sciences, the creators of the commune schools in the Vyatka province V. A. Petrov and A. I. Kondakov. There are details about such well-known teachers at the Department of the second half of the XX century, as professor M. I. Smirnov, B. V. Legotin, V. I. Kosolapov, V. F. Sakharov, M. G. Yanovskaya. Detailed information about the staff at the Department up to the beginning of the 1990s is given.

Keywords: Vyatka Pedagogical Institute, Vyatka State University, Department of pedagogy, N. Yu. Voitonis, V. A. Traiter, A. I. Kondakov, V. A. Petrov, M. I. Smirnov, B. V. Legotin, V. I. Kosolapov, V. F. Sakharov, M. G. Yanovskaya.

References

1. Kondakov A. I. *Direktor narodnyh uchilishch I. N. Ul'yanov* [Director of public schools I. N. Ulyanov]. M.–L. Publ. APS RSFSR. 1948. 220 p.
2. Kondakov A. I. *Shkol'nye gody Volodi Ul'yanova* [School years of Volodya Ulyanov]. M. Uchpedgiz. 1946. 160 p.
3. Masolikova N. Yu. "Brazil'yanka iz Sankt-Peterburga": psiholog Elena Antipova (1892–1974) i ee vyatskie gody ["Brazilian woman from St. Petersburg": psychologist Elena Antipova (1892–1974) and her Vyatka years] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem (k 100-letiyu Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta)* : sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem – Vyatka land in the past and present (to the 100th anniversary of the Vyatka State humanitarian University) : proceedings of the VII all-Russian scientific and practical conference with international participation. In 2 vol. Vol. 1. / ed. board: V. T. Yungblud [and others]. Kirov, 20–21 November 2013. M. VyatSHU. 2014. Pp. 236–244.
4. Mashkovceva V. V. *Oreshkov Filipp Seliverstovich* [Oreshkov Philip Seliverstovich] // *Rektory VyatGGU. 1914–2004 – Rectors of VyatSHU. 1914–2004* / ed. V. A. Berdinskikh. Kirov. VyatSHU. Pp. 82–86.
5. Petryaev E. D. *Vyatskie knigolyuby* [Vyatka book lovers]. Kirov. Kirov branch of the Volga-Vyatka book publishing house. 1986. 224 p.
6. *Polveka v puti* – A half-century in the way / under the editorship of Yu. M. Ryabov. Kirov. KSPI. 1970. 440 p.
7. Pomelov V. B. A. K. *Volnin: v teni velikogo uchenika* [A. K. Volnin: in the shadow of the great student] // *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal* – Historical and pedagogical journal. 2018. No. 2. Pp. 114–124.
8. Pomelov V. B. A. K. *Volnin – osnovatel' kafedry pedagogiki Vyatskogo instituta narodnogo obrazovaniya* [A. K. Volnin – founder of the Department of pedagogy of the Vyatka Institute of Public Education] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Vyatka State University. 2018. No. 2. Pp. 58–64.
9. Pomelov V. B. *Aleksandr Konstantinovich Volnin – osnovatel' kafedry pedagogiki Vyatskogo instituta narodnogo obrazovaniya* [Alexander Konstantinovich Volnin – founder of the Department of pedagogy of Vyatka Institute of Public Education] // *OBSHCHESTVO. NAUKA. INNOVACII (NPK-2018) : sb. statej XVIII Vseros. ezhegod. nauchno-prakt. konf. 2–28 aprelya 2018 g.* – SOCIETY. SCIENCE. INNOVATION (SPC-2018) : collection of papers of XVIII all-Russia yearly scientific and pract. conf. 2–28 April 2018. In 3 vol. Vol. 3. Kirov. Scient. VyatSU. 2018. Pp. 689–701.
10. Pomelov V. B. *Bez vyatskih net pedagogiki!* [Without Vyatka people there is no pedagogy!] // *Gercenka: Vyatskie zapiski : nauch.-popul. al'manah* – Herzenka: Vyatka notes : scient.-popul. almanac / ed. board: N. P. Guryanova (comp.) [et al.]. Kirov. 2016. Issue 30. Pp. 87–101.
11. Pomelov V. B. V. A. *Trejter – vrach, pedagog, pedolog, obshchestvennyj deyatel' Vyatki* [V. A. Traiter – doctor, teacher, pedologist, public figure of Vyatka] // *Pamyatnaya knizhka Kirovskoj oblasti i Kalendar' na 2015 god : inform.-stat. sb.* – Memorial book of the Kirov region and Calendar for 2015 : inform.-stat. coll. / Territ. organ of Feder. State Statistics Service in the Kirov region; N. I. Zorin (pref.) and [others]. Kirov. 2014. Pp. 292–297.
12. Pomelov V. B. V. I. *Kosolapov: lichnost' yarkaya i svetlaya* [V. I. Kosolapov: personality vivid and bright] // *Gorod na Vyatke: istoriya, kul'tura, lyudi (K 640-letiyu goroda Hlynova – Vyatki – Kirova)* : materialy Vseros. nauch. konf. Kirov, 4–5 iyunya 2014 g. – The city on the Vyatka: history, culture, people (To the 640 anniversary of the city of Khlynov – Vyatka – Kirov) : materials of all-Russia scient. conf. Kirov, 4–5 June 2014) / resp. ed. M. S. Sudovikov. Kirov. Herzenka. 2014. Pp. 172–176.
13. Pomelov V. B. V. F. *Saharov – uchenyj, pedagog i grazhdanin* [B. F. Sakharov – scientist, teacher and citizen] // *Tvoe prizvanie : materialy pervogo mezhtselejnogo konkursa nauch.-prakt. rabot, posvyashchennogo pamyati doktora pedagogicheskikh nauk, professora V. F. Saharova. 24 maya 2013 g.* – Your vocation : materials of the first interregional competition of scientific and pract. works dedicated to the memory of Doctor of Pedagogical Sciences Professor V. F. Sakharov. May 24, 2013 / ed. edited by: V. A. Sakharov and L. G. Sakharova. Kirov. 2013. Pp. 9–12.
14. Pomelov V. B. *Vyatskij vrach V. A. Trejter* [Vyatka doctor V. A. Traiter] // *Medicinskoe obrazovanie segodnya* – Medical education today. 2018. No. 1. Pp. 64–83.
15. Pomelov V. B. *Vyatskij Makarenko* [Vyatka Makarenko] // *Sputnik agitatora* – Partner of an agitator. Kirov. 1989. No. 12. Pp. 29–32.
16. Pomelov V. B. *Vyatskij professor P. K. Mejer* [Vyatka Professor P. K. Meyer] // *OBSHCHESTVO. NAUKA. INNOVACII (NPK-2018) : sb. Statej XVIII Vseros. ezhegod. nauch.-prakt. konf. 2–28 aprelya 2018 g.* – SOCIETY. SCIENCE. INNOVATION (SPC-2018) : collection of papers of XVIII all-Russia yearly scient.-pract. conf. 2–28 April 2018. Kirov. VyatSU. 2018. Pp. 702–709.
17. Pomelov V. B. *Znamenskij shkol'nyj gorodok* [Znamensky school campus] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem : materialy 3-j region. nauch. konf. V 5 t. T. 1* – Vyatka land in the past and present : materials of the 3rd region. scient. conf. In 5 vol. Vol. 1 / ed. by E. I. Kiryuhina. Kirov. 1995. Pp. 199–200.
18. Pomelov V. B. I. T. *Ogorodnikov – urozheneц Vyatskogo kraya* [I. T. Ogorodnikov is a native of Vyatka region] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of Vyatka State Pedagogical University. Kirov. 2000. No. 3–4. Pp. 196–198.

19. Pomelov V. B. I. T. Ogorodnikov – urozheneц Vyatskogo kraya [I. T. Ogorodnikov is a native of Vyatka region] // *Problemy podgotovki uchitelya: istoriya i sovremennost' : materialy vseros. nauch. konf. V 3 t. T. 1* – Issues of teacher training: history and modernity: materials of all-Russia scient. conf. In 3 vol. Vol. 1 / edited by V. A. Slastenin, A. E. Dmitriev, N. N. Roshchina, B. M. Bim-Bad. M. Moscow Pedagogical State University. 2000. Pp. 29–33.
20. Pomelov V. B. Kondakov Anatolij Ivanovich [Kondakov Anatoly Ivanovich] // *Enciklopediya Zemli Vyatskoj* – Encyclopedia of the Land of Vyatka / Chief ed. V. A. Sitnikov. In 10 vol. Vol. 6. Notable people. Kirov. Vyatka. 1996. P. 206.
21. Pomelov V. B. Nedolgiy vek otechestvennoj pedologii [Short century of domestic pedology] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2018. No. 1. Pp. 89–96.
22. Pomelov V. B. Pavel Nikolaevich Shimbirev [Pavel Nikolaevich Shimbirev] // *Rektory VyatGGU – Rectors of VyatSHU* / comp. V. A. Berdinskikh. Kirov. VSPU. 2004. Pp. 75–82.
23. Pomelov V. B. *Pedagogi i psihologiya Vyatskogo kraya* [Teachers and psychology of Vyatka region]. Kirov. Information Center. 1993. 84 p.
24. Pomelov V. B. *Pervyj vypusknik Vyatskogo uchitel'skogo instituta* [The first graduate of Vyatka Teacher's Institute] // *Vyatskaya zemlya v proshlom i nastoyashchem : materialy 3-j region. nauch. konf. V 5 t. T. 1* – Vyatka land in the past and present : materials of the 3rd regional scient. conf. In 5 vol. Vol. 1 / ed. by E. I. Kiryuhina. Kirov. 1995. Pp. 215–216.
25. Pomelov V. B. P. N. Shimbirev – uchenyj i direktor Kirovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni V. I. Lenina [P. N. Shimbirev – scientist and director of the Kirov State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin] // *Trinadcatye Petryaevskie chteniya : materialy vseros. nauch. konf. – Thirteenth Petryaev readings : materials of all-Russia scient. conf. / comp., scient. ed. M. S. Sudovikov. Kirov. Herzenka. 2018. Pp. 133–145.*
26. Pomelov V. B. P. N. Shimbirev: chelovek so storony [P. N. Shimbirev: outsiders] // *Gosudarstvennaya sluzhba v Rossii: regional'nyj aspekt : sbornik materialov* – State service in Russia: regional aspect : collection of materials / ed. by S. V. Mudrolubova. Kirov. 2008. Issue 1. Pp. 10–15.
27. Pomelov V. B. *Potomki Gete na Russkom Severe* [Descendants of Goethe in the Russian North] // *Nemcy i Russkij Sever : materialy vseros. nauch. konf. – The Germans and Russian North : materials of all-Russia scient. conf. / comp. M. A. Efimova. M. 2000. Issue 5. Pp. 99–107.*
28. Pomelov V. B. *Poety ulicy: tvorchestvo vyatskih besprizornikov* [Poets of the street: Creativity of Vyatka street children] // *Pamyatnaya knizhka Kirovskoj oblasti i Kalendar' na 2015 god : inform.-stat. sb.* – Memorial book of the Kirov region and the Calendar for 2015 : inform.-stat. coll. / Territ. organ of Feder. State Statistics Service in the Kirov region; N. I. Zorin (pref.) and [others]. Kirov. 2015. Pp. 308–318.
29. Pomelov V. B. *Revolucionnyye preobrazovaniya v oblasti prosveshcheniya v Vyatskoj gubernii v pervye gody Sovetskoj vlasti* [Revolutionary transformations in the field of education in Vyatka province in the first years of Soviet power] // *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal* – Historical and pedagogical journal. 2017. No. 4. Pp. 84–107.
30. Pomelov V. B. *Sem'ya Trejterov v Vyatke* [The family of Traitors in Vyatka] // *Nemcy v Rossii : sb. materialov II vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. Kirov. 28 aprelya 2012 g.* – The Germans in Russia : materials of the II all-Russia scient. conf. with international participation. Kirov. 28 April 2012 / ed. board: V. T. Yungblud [et al.]. Kirov. 2012. Pp. 92–102.
31. Pomelov V. B. *"Teoreticheskaya sila pravleniya"* ["Theoretical strength of the Government"] // *Desyatye Petryaevskie chteniya : materialy vseros. nauch. konf. (Kirov, 25–26 fevralya 2010 g.)* – The Tenth Petryaevsk readings : materials of all-Russia scient. conf. (Kirov, 25–26 February 2010) / ed. board: S. N. Budashkina (comp.) [et al.] Kirov. 2010. Pp. 291–294.
32. Pomelov V. B. *"Teper' kovat' svoi my budem kadry" (O rabote dissertacionnogo soveta po pedagogike v VyatGGU)* ["Now we will forge our staff" (On the work of the Dissertation Council on pedagogy in VyatSHU)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of the Vyatka State Humanitarian University. 2014. No. 12. Pp. 223–240.
33. Pomelov V. B. *Trejter Vasilij Alekseevich* [Treiter Vasily Alekseevich] // *Prepodavateli VyatGGU – Teachers of VyatSHU* / comp. V. B. Pomelov. Kirov: VyatSHU. 2004. P. 173.
34. Pomelov V. B. *Fridrih Frebel' i ego vklad v pedagogiku: k 230-letiyu so dnya rozhdeniya pedagoga i k 175-letiyu otkrytiya im pervogo v istorii detskogo sada* [Friedrich Frebel and his contribution to pedagogy: to the 230th anniversary of the birth of the teacher and to the 175th anniversary of the opening of the first kindergarten in the history] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Pedagogika i psihologiya* – Herald of the Vyatka State Humanitarian University. Pedagogy and psychology. 2011. No. 4 (3). Pp. 114–123.
35. Pomelov V. B. *F. Frebel' – osnovopolozhnik doskol'nogo vospitaniya* [F. Frebel is the founder of pre-school education] // *Pedagogika* – Pedagogy. 2012. No. 9. Pp. 99–105.
36. Pomelov V. B. *Shimbirev Pavel Nikolaevich* [Shimbirev Pavel Nikolaevich] // *Rossiyskaya pedagogicheskaya enciklopediya* – Russian pedagogical encyclopedia. In 2 vol. Vol. 2 / chief ed. V. V. Davydov. M. Great Russian encyclopedia. 1999. Pp. 582–583.
37. Pomelov V. B. *Shimbirev Pavel Nikolaevich* [Shimbirev Pavel Nikolaevich] // *Pedagogicheskij enciklopedicheskij slovar'* – Pedagogical encyclopedic dictionary / ed. by B. M. Bim-bad. M. Great Russian encyclopedia. 2002. P. 424.

38. Pomelov V. B. *Shimbirev Pavel Nikolaevich* [Simbirev Pavel Nikolaevich] // *Enciklopedii Zemli Vyatskoj. V 10 t. T. 6* – The Encyclopedia of Vyatka Land. 10 vol. Vol. 6 / under the editorship of V. A. Sitnikov. Kirov. Vyatka. 1996. P. 505.

39. Pomelov V. B. *Shkol'naya kommuna kak innovacionnaya forma organizacii pedagogicheskoy deyatel'nosti (1918–1925)* [School commune as an innovative form of organization of pedagogical activity (1918–1925)] / *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl Pedagogical Herald. 2017. No. 6. Pp. 72–76.

40. Pomelov V. B. *Shkol'nye kommuny i shkol'nye gorodki v 1920-e gg.: k 100-letiyu sozdaniya* [School communes and school towns in the 1920s: to the 100th anniversary of the creation] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2018. No. 3. Pp. 66–80.

41. *Chechkov A. I. Taktika trockistskogo dvurushnika Cheresheva* [Tactics of the Trotskyist double-dealer Chereshev] // *Kirovskaya Pravda* – Kirov truth. 27.06.1937.

«География – моя профессия...» (К юбилею А. М. Прокашева)

Ю. А. Сауров

доктор педагогических наук, профессор кафедры физики и методики обучения физике,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-8756-8103. E-mail: saurov-ya@yandex.ru

Долго уговаривал Алексея Михайловича подготовить лекцию на тему «О философии почвы» и, наконец, уговорил. А мысль и задача пришли от его интересных рассказов об истории почв Вятского края, о шурфах, которые являются своего рода природными архивами, где задокументирована летопись ландшафтов вятской земли, продуктом которых являются почвы, притом в масштабах многих тысячелетий... И эти масштабы приучают мыслить в категориях вечности. Сами мы живем годами, в лучшем случае – десятилетиями. И только мыслью можем охватить объемлющий нас Мир. *Вот и первая грань юбиляра – романтическая, идеальная.*

Жизненная стезя А. М. Прокашева неотделима от профессиональной научной и общественной деятельности, ясна по целям, процессам, результатам.

А. М. Прокашев окончил естественно-географический факультет КГПИ им. В. И. Ленина (1974), аспирантуру по кафедре агрохимии и почвоведения Кировского сельскохозяйственного института (1982), кандидат (1985) и доктор (2003) сельскохозяйственных наук, был заведующим кафедрой около десятка лет, сейчас – вновь профессор Вятского государственного университета. *Он – человек дела и постоянного труда.*

Алексей Михайлович – естествоиспытатель со всеми особенностями видения сложного, системно организованного мира природы. В научном методе лучше сложились умения выделять, находить и использовать факты для создания адекватной, современной географической картины мира. Но понимаю, что это только одна сторона нашего мира. Великий Маркс полагал, что в человеческом обществе факты «следуют» за деятельностью, ею определяются. И нет мира индивидуального...

А. М. Прокашев – успешный исследователь. У него 11 публикаций входит в ядро РИНЦ, причем их число цитирования – 114! Вроде бы формальный показатель, но за ним стоят ежегодные экспедиции на природу, работа в поле, трудоемкий сбор эмпирических данных, их систематизация и обобщение, наконец, непростые усилия для написания статьи... И в этом процессе проходят недели и месяцы. Всего им лично или в соавторстве подготовлено более 270 научных публикаций, среди них монографии «Почвы со сложным органомофилем юга Кировской области» (1999), «История почвенно-растительного покрова Волго-Камского края в послеледниковье» (2003), «Серые лесные почвы с полигенетическим профилем Вятского Прикамья» (2006), «Генезис и эволюция почв бассейна Вятки и Камы» (2009), «Геохимия покровных суглинков Вятско-Камского Предуралья» (2012), «Долинно-зандровые ландшафты Медведского бора» (2013), атлас-книга «География Кировской области» (2015) и др. Только в электронной библиотеке выложено около сотни работ, а среднее число цитирований на публикацию, как и у меня, – больше двух.

Исследования объектов возрастом десять тысяч лет и более приучают к ретроспективному взгляду, а прошлое, как известно, ключ к лучшему пониманию настоящего и путеводная нить к будущему. Такие навыки поневоле накладывают особый взгляд на духовный склад человека. Они вырабатывают, если хотите, философский взгляд на окружающий мир – недаром некоторыми учеными география рассматривается как философия естествознания. Даже беглое знакомство с работами А. М. Прокашева подтверждает прогностический потенциал результатов его палеопочвенных изысканий, из которых видна картина дальнейшей эволюции природной среды в масштабе времени до тысячи лет и более.

А. М. Прокашев – человек в прямом смысле общественный: вот уже около тридцати лет он руководит региональным отделением Русского географического общества. При его деятельном участии на сайте РГО размещаются странички по географии нашего края, а в стенах университета проходят неординарные акции – географические диктанты. Привычка не отделять личное и общественное закономерно свела его с учеными социалистической ориентации. Трудно спокойно смотреть, когда под громкие лозунги рушится или растаскивается экономика, социальная инфраструктура, деградируют культура и духовный мир... Выход для нашего поколения один – приумножение духовно-нравственного капитала прошлого опыта...

Студенты и аспиранты – еще один рукотворный мир вузовского профессора, и Алексей Михайлович настойчиво обустроивает его: модернизация лабораторной базы, совместные полевые работы, диалоги, дискуссии, публикации – в общем, творческая, а где-то и рутинная, внешне монотонная сторона научного бытия, знакомая не понаслышке любому преподавателю вуза. С годами в нашей среде усиливается тренд в направлении анализа личного жизненного и профессионального опыта, стремления передачи рационального зерна молодому поколению, а вместе с тем и критическое переосмысление самого себя... Люди – основной продукт деятельности людей. И нет ничего фундаментальнее этой цели, удовлетворения наставника от выхода свежей, содержательной статьи своего подопечного. Современные условия требуют больших усилий, в том числе и нравственных. *И он, несомненно, homo principles.* Так и держать!

Алексей Михайлович любит работать и отдыхать на даче, любит строить, строгать, копать, садить, поливать – как-никак сказывается крестьянская закваска. И у дачного мира есть свой духовный смысл. Здесь, в отличие от научной деятельности, можно сравнительно быстро увидеть конечный результат, который приносит удовлетворение и приводит в душевное равновесие, служит достижению гармонии с миром и самим собой. Кажется странным, но после физической работы лучше и глубже думается. На даче спокойно и ясно. И там, действительно, Мир в прямом и переносном смысле. *Вот и еще одна грань – человек Природы.*

Дорогой Алексей Михайлович! Все мы имеем недостатки, но есть люди, недостатки которых не хочется замечать. Вы для меня относитесь к их числу [1; 2]. И я желаю Вам доброго здравия во всех смыслах.

Список литературы

1. Сауров Ю. А. Матрица Времени в лицах. Смыслы и формы деятельности. Киров, 2012. С. 43–50.
2. Сауров Ю. А. Методика обучения физике: поиски смыслов – люди и идеи... Вопросы науковедения : монография. Киров : Кировская областная типография, 2017. С. 233–239.

"Geography is my profession..." (To the anniversary of A. M. Prokashev)

Yu. A. Saurov

Doctor of Pedagogical Sciences, professor at the Department of physics and methods of teaching physics,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-8756-8103. E-mail: saurov-ya@yandex.ru

References

1. Saurov Yu. A. *Matritsa Vremeni v litsakh. Smysly i formy deyatel'nosti* [Matrix of Time at the Lyceum. Meanings and forms of activity]. Kirov. 2012. Pp. 43–50.
2. Saurov Yu. A. *Metodika obucheniya fizike: poiski smyslov – lyudi i idei... Voprosy naukovedeniya* [Methods of teaching physics: the search for meanings – people and ideas... Questions of science study] : monografiya. Kirov. Kirov regional Tipography. 2017. Pp. 233–239.

РЕТРАГИРОВАНИЕ

1. Статья «Особенности реализации согласных в неродной речи билингов (на материале русской речи селемджинских эвенков)», написанная **Е. А. Процукович**, которая была опубликована в номере 10 журнала «*Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*» в 2015 году (с 2018 года «*Вестник Вятского государственного университета*»), отзывается главным редактором журнала и издательством Вятского государственного университета ввиду того, что в ней были обнаружены существенные некорректные заимствования (самоплагиат) из статьи «Особенности реализации согласных в интерферирующей речи (на материале русской речи селемджинских эвенков)» в номере 3 (87) журнала «*Известия АлтГУ*» в 2015 году, написанной Е. А. Процукович в соавторстве с О. Н. Морозовой.

2. Статья «Военно-профессиональное развитие личности курсантов в условиях военного вуза», написанная **О. Б. Бобковым**, которая была опубликована в номере 10 журнала «*Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*» в 2015 году (с 2018 года «*Вестник Вятского государственного университета*»), отзывается главным редактором журнала и издательством Вятского государственного университета ввиду того, что в ней были обнаружены существенные некорректные заимствования (самоплагиат) из статьи «Профессиональное становление военного специалиста в период обучения в вузе в условиях модернизации военного образования» в номере 9 «*Сибирского педагогического журнала*» в 2011 году, написанной О. Б. Бобковым в соавторстве с Т. С. Бобковой.

3. Статья «Виды и содержание мероприятий по предупреждению рецидивной преступности», написанная **Н. С. Артемьевым в соавторстве с А. Н. Бурчихиным**, которая была опубликована в номере 4 журнала «*Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*» в 2015 году (с 2018 года «*Вестник Вятского государственного университета*»), отзывается главным редактором журнала и издательством Вятского государственного университета ввиду того, что в ней были обнаружены существенные некорректные заимствования (самоплагиат) из статьи «Виды и содержание мероприятий по предупреждению рецидивной преступности» в номере 4 журнала «*Человек: преступление и наказание*» в 2010 году, написанной Н. С. Артемьевым в соавторстве с С. В. Елисеевым.

4. Статья «Причины и условия рецидивной преступности и основные меры ее предупреждения», написанная **Н. С. Артемьевым в соавторстве с А. Н. Бурчихиным**, которая была опубликована в номере 5 журнала «*Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*» в 2015 году (с 2018 года «*Вестник Вятского государственного университета*»), отзывается главным редактором журнала и издательством Вятского государственного университета ввиду того, что в ней были обнаружены существенные некорректные заимствования (самоплагиат) из статьи «Причины и условия рецидивной преступности и основные меры ее предупреждения» в номере 2 журнала «*Уголовно-исполнительное право*» в 2006 году, написанной Н. С. Артемьевым в соавторстве с Р. В. Симоновым.

5. Статья «К вопросу о словообразовательной мотивации в современной лингвистике», написанная **А. В. Чанчиной в соавторстве с К. А. Кочновой**, которая была опубликована в номере 3 журнала «*Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*» в 2016 году (с 2018 года «*Вестник Вятского государственного университета*»), отзывается главным редактором журнала и издательством Вятского государственного университета ввиду того, что в ней были обнаружены существенные некорректные заимствования (самоплагиат) из статьи «Понятие словообразовательной мотивации в современной лингвистике» в номере 3 журнала «*Вестник ННГУ*» в 2007 году, написанной А. В. Чанчиной.

6. Статья «*Деструкция метафизики как морального мироистолкования: версии Достоевского и Ницше*», написанная **Т. С. Кузубовой в соавторстве с Л. Л. Нерезовой, Н. П. Цепеле-**

вой, которая была опубликована в номере 5 журнала «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» в 2016 году (с 2018 года «Вестник Вятского государственного университета»), отзывается главным редактором журнала и издательством Вятского государственного университета в связи с тем, что данная статья ошибочно опубликована редакцией «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» без разрешения автора и заключенного договора с автором, что привело к дублированию статьи.

7. Статья «Проекты религиозного строительства: центр, монастырь, школа в русском языческом движении второй половины XX – начала XXI вв. (на примере дискурсов Н. Н. Сперанского)», написанная **Р. В. Шиженским**, которая была опубликована в номере 8 журнала «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» в 2016 году (с 2018 года «Вестник Вятского государственного университета»), отзывается главным редактором журнала и издательством Вятского государственного университета ввиду того, что в ней были обнаружены существенные некорректные заимствования (самоплагиат) из статьи «Проекты религиозного строительства: центр, монастырь, школа в русском языческом движении второй половины XX – начала XXI вв. (на примере дискурсов Н. Н. Сперанского)» в номере 1 (9) журнала «Вестник Мининского университета» в 2015 году, написанной Р. В. Шиженским в соавторстве с И. Б. Михеевой.

Retraction

1. The article "Peculiarities of realization of consonants in non-native speech of bilinguals (on the material of Russian speech of Selemdzhyh Evenks)", written by E. A. Procukovich, which was published in the 10th issue of "Herald of Vyatka State Humanitarian University" in 2015, (from 2018, "Herald of Vyatka State University"), is recalled by the magazine's chief editor and publishing company of Vyatka State University due to the fact that there were found significant improper borrowings (self-plagiarism) from the article "Peculiarities of realization of consonants in interfered speech (on the material of Russian speech Selemdzhyh Evenks)" in the 3d issue (87) of the magazine "Izvestiya AltSU" in 2015, written by E. A. Procukovich in co-authorship with O. N. Morozova.

2. The article "Military-professional development of personality of cadets in a military university", written by O. B. Bobkov, which was published in the 10th issue of "Herald of Vyatka State Humanitarian University" in 2015, (2018, "Herald of Vyatka State University"), is recalled by the magazine's chief editor and publishing company of Vyatka State University due to the fact that there were found significant improper borrowings (self-plagiarism) from the article "Professional development of a military expert in the period of university studies in the conditions of modernization of military education" in the 9th issue of "The Siberian Pedagogical Magazine" in 2011, written O. B. Bobkov in co-authorship with T. S. Bobkova.

3. The article "Types and content of measures to prevent recidivism", written by N. S. Artemyev in co-authorship with A.N. Burchihin, which was published in the issue 4 of the magazine "Herald of Vyatka State Humanitarian University" in 2015, (2018, "Herald of Vyatka State University"), is recalled by the magazine's chief editor and publishing company of Vyatka State University due to the fact that there were found significant improper borrowings (self-plagiarism) from the article "Types and contents of measures to prevent recidivism" in issue 4 of the magazine "People: crime and punishment" in 2010, written by N. S. Artemyev in co-authorship with S. V. Eliseev.

4. The article "The causes and conditions of recidivism and the key measures of preventing it", written by N. S. Artemyev in collaboration with A.N. Burchihin, which was published in issue 5 of the magazine "Herald of Vyatka State Humanitarian University" in 2015, (2018, "Herald of Vyatka State University"), is recalled by the magazine's chief editor and publishing company of Vyatka State University due to the fact that there were found significant improper borrowings (self-plagiarism) from the article "The causes and conditions of recidivism and the main measures of its prevention" in issue 2 of the journal "Criminal executive law" in 2006, written by N. S. Artemyev in co-authorship with R. V. Simonov.

5. The article "To the question of word-formation motivation in modern linguistics", written by A. V. Chanchina in co-authorship with K. A. Kochnova, which was published in the issue 3 of the magazine "Herald of Vyatka State Humanitarian University" in 2015, (2018, "Herald of Vyatka State University"), is recalled by the magazine's chief editor and publishing company of Vyatka State University due to the fact that there were found significant improper borrowings (self-plagiarism) from the article "The concept of word-formation motivation in modern linguistics" in the issue 3 of the magazine "Herald of NNSU" in 2007, written by A. V. Chanchina.

6. The article "Destruction of metaphysics as a moral interpretation of the world: versions of Dostoevsky and Nietzsche", written by T. S. Kuzubova in collaboration with L. L. Nerezova, N. P. Cepeleva, which was published in issue 5 of the journal "Herald of Vyatka State Humanitarian University" in 2016? (2018, "Herald of Vyatka State University"), is revoked by the magazine's chief editor and publisher of Vyatka State University due to the fact that this article was mistakenly published by the editorial board of the "Herald of Vyatka State Humanitarian University" without the author's permission and agreement with the author, which led to a duplication of the article.

7. The article " Projects of religious construction: center, monastery, school in the Russian pagan movement of the second half of the XX-early XXI centuries (on the example of N. N. Speransky's discourses)", written by R. V. Shigensky, which was published in issue 8 of the magazine "Herald of Vyatka State Humanitarian University" in 2015, (2018, "Herald of Vyatka State University"), is recalled by the magazine's chief editor and publishing company of Vyatka State University due to the fact that there were found significant improper borrowings (self-plagiarism) from the article "The religious construction projects: the center, the monastery, the school in the Russian pagan movement in the second half of XX – beginning of XXI centuries (on the example of the discourses-N. N. Speransky" in the issue 1 (9) of the magazine "Herald of Minin University" in 2015, written by R. V. Shigensky in collaboration with I. B. Mikheeva.

Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 2 (132) (2019)

16+

Редактор **М. О. Корякина**
Технический редактор **Л. А. Кислицына**
Дизайн обложки: **А. К. Долгова**
Редактор выпускающий **А. И. Чернышова**
Ответственный за выпуск **И. В. Смольняк**

Подписано в печать 10.09.2019 г.
Дата выхода в свет 08.11.2019 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,0. Тираж 200. Заказ № 6016.

Научное издательство Вятского государственного университета
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vestnik43.ru, www.vyatsu.ru
Тел. (8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36